

Санкт-Петербургский государственный университет

SCANDINAVICA

Издается с 1961 года

Выпуск XIII

**СКАНДИНАВСКАЯ
ФИЛОЛОГИЯ**

Под ред. Е. В. Красновой, И. М. Михайловой

Санкт-Петербургский государственный университет
2015

УДК 81'373+81'347.78.034+821.112.5+811.113.6+
+811.113.5+811.113.4+81'367.633
ББК 81.2+83
С42

Редакционная коллегия выпуска:

д-р филол. наук проф. *Н. Ю. Гвоздецкая* (РГГУ, Россия); д-р физ. наук
ст. науч. сотр. *Т. де Грааф* (Фризская академия, Нидерланды);
канд. филол. наук доц. *Б. С. Жаров* (СПбГУ, Россия); канд. филол. наук доц.
Е. В. Краснова (СПбГУ, Россия); д-р филол. наук проф. *Ю. К. Кузьменко*
(Институт лингвистических исследований РАН, Россия); канд. филол. наук
доц. *А. Н. Ливанова* (СПбГУ, Россия); д-р филол. наук проф. *И. М. Михайлова*
(СПбГУ, Россия); канд. филол. наук доц. *А. В. Савицкая* (СПбГУ, Россия);
д-р филол. наук проф. *Е. М. Чекалина* (МГУ, Россия)

Рецензенты:

д-р филол. наук вед. науч. сотр. *А. А. Бурькин*
(Институт лингвистических исследований РАН, Россия);
д-р филол. наук проф. *В. И. Шадрин* (СПбГУ, Россия)

Сборник издан при финансовой поддержке SIU
(Норвежского Центра международного сотрудничества
в сфере образования)

Скандинавская филология / под ред. Е. В. Красновой,
С42 И. М. Михайловой. — СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2015. — 288 с. (Scandinavica. Вып. XIII).
ISSN 0202-2397

В сборнике рассматриваются актуальные проблемы грамматического строя, лексикологии и диалектологии скандинавских языков и нидерландского языка. Включены статьи, содержащие результаты исследований по литературе и культуре Скандинавских стран и Нидерландов, а также анализ проблем перевода на русский язык.

Для специалистов в области скандинавской и нидерландской филологии и всех интересующихся языком, литературой и культурой Скандинавии и Нидерландов.

УДК 81'373+81'347.78.034+821.112.5+811.113.6+
+811.113.5+811.113.4+81'367.633
ББК 81.2+83

ISSN 0202-2397

© Авторы статей, 2015
© Санкт-Петербургский государственный университет, 2015

St. Petersburg State University

SCANDINAVICA

Published since 1961

Issue XIII

**SCANDINAVIAN
PHILOLOGY**

Editors: E. V. Krasnova, I. M. Michajlova

St. Petersburg State University
2015

UDC 81'373+81'347.78.034+821.112.5+811.113.6+
+811.113.5+811.113.4+81'367.633
LBC 81.2+83
S42

Editorial Board:

Prof. *N. Y. Gvosdeckaya*, Doctor of Science (Philology) (Russian State University for the Humanities); Senior Research Associate *T. de Graaf*, Doctor of Science (Physics) (Frisian Academy, Netherlands); Assoc. Prof. *B. Š. Zharov*, Candidate of Science (Philology) (St. Petersburg State University); Assoc. Prof. *E. V. Krasnova*, Candidate of Science (Philology) (St. Petersburg State University);
Prof. *Y. K. Kuzmenko*, Doctor of Science (Philology) (Institute of Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Assoc. Prof. *A. N. Livanova*, Candidate of Science (Philology) (St. Petersburg State University);
Prof. *I. M. Michajlova*, Doctor of Science (Philology) (St. Petersburg State University); Assoc. Prof. *A. V. Savitskaya*, Candidate of Science (Philology) (St. Petersburg State University); Prof. *E. M. Chekalina*, Doctor of Science (Philology) (Lomonosov Moscow State University)

Reviewers:

Lead Research Fellow *A. A. Burykin*, Doctor of Science (Philology) (Institute of Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences);
Prof. *V. I. Shadrin*, Doctor of Science (Philology) (St. Petersburg State University)

The collection of articles was published with financial support from SIU (Norwegian Centre for International Cooperation in Education)

Scandinavian philology / eds. E. V. Krasnova, I. M. Michajlova. — St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2015. — 288 p. (Scandinavica. Issue XIII.)
ISSN 0202-2397

The collection of articles addresses current issues of grammar, lexicology and dialectology of the Scandinavian languages and the Dutch language. It comprises contributions with a distinctive focus on literature and culture of Scandinavian countries and the Netherlands and on difficulties of translation into Russian.

Intended for specialists in the Scandinavian and Dutch philology and for those interested in the language, literature and culture of Scandinavia and the Netherlands.

UDC 81'373+81'347.78.034+821.112.5+811.113.6+
+811.113.5+811.113.4+81'367.633
LBC 81.2+83

ISSN 0202-2397

© Contributors, 2015

© St. Petersburg State University, 2015

М. А. ГИРЕНКО

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова

СКАНДИНАВСКИЕ МУЛЬТИЭТНОЛЕКТЫ КАК ОСОБЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ КОДЫ

Ключевые слова: мультиэтнолект, иммигрантский шведский, молодежный язык.

Статья посвящена мультиэтнолектам — особым языковым кодам, которые с конца 80-х гг. XX в. используются в речи молодежи различного этнического происхождения в пригородах крупных скандинавских городов. В статье кратко изложена история возникновения этого явления, представляющего большой интерес для социалингвистики, и дается обзор исследований скандинавских специалистов, а также представлены основные особенности шведских мультиэтнолектов.

MARIA GIRENKO

Lomonosov Moscow State University

SCANDINAVIAN MULTIETHNOLECTS AS SPECIFIC LANGUAGE VARIETIES

Keywords: multiethnolect, immigrant Swedish, adolescents' language.

Multiethnolects are specific varieties, which since 1980's have been used by adolescents in Scandinavian multi-ethnic suburbs. The article gives a general overview of this phenomenon, its origins and previous investigations, and discusses the main linguistic features of Swedish multiethnolects.

Во второй половине XX в. началась активная трудовая и политическая иммиграция в Скандинавию из развивающихся стран. К концу первого десятилетия XXI в. доля выходцев из других

стран, включая детей, родившихся в Скандинавии в семьях иммигрантов, составляет примерно 11% от общего населения Дании и Норвегии и 17% от общего населения Швеции, по данным переписей 2009 и 2010 гг. Большая часть иммигрантов, прежде всего, политических беженцев, селилась в новых, специально построенных пригородах крупных городов. В 80-е гг. прошлого века в таких пригородах было зафиксировано развитие специфических иммигрантских языковых кодов, которые по сей день используются в качестве средства коммуникации молодежью различного этнического происхождения.

Статус таких языковых образований с конца 80-х гг. XX в. широко обсуждается скандинавскими исследователями, которые применяют разные подходы и методы для их изучения. Сложность при описании и определении статуса языка проживающей в мультиэтнических пригородах молодежи обусловлена, по меньшей мере, тремя факторами:

- 1) *происхождение* — описываемые языковые коды сложились в результате контактов шведского языка с языками иммигрантов, что напоминает о происхождении языков-пиджинов;
- 2) *территориальная ограниченность* — область распространения данных языковых разновидностей достаточно четко определена, что сближает их с диалектами;
- 3) *функционирование* — сложившиеся в иммигрантской среде языковые коды, подобно сленгу, используются преимущественно мультиэтнической молодежью в рамках внутригрупповой коммуникации, причем, как правило, не в качестве единственного доступного средства общения.

За два с небольшим десятилетия существования рассматриваемого феномена в Скандинавских странах ему было посвящено много работ по социолингвистике. Впервые комплексное исследование одного из мультиэтнических молодежных языковых кодов, получившего название *rinkebysvenska* (по названию расположенного на окраине Стокгольма района Ринкебю, в котором проживают иммигранты разного этнического происхождения), было проведено профессором Стокгольмского университета Уллой-Бритт Котсиной в конце 1980-х гг. [Kotsinas, 1988. S. 264–278].

Несмотря на то, что иммигрантские языковые коды сформировались в ситуации вынужденных контактов между несколькими языками (шведским, турецким, арабским, сербским и др.), У.-Б. Котсинас не рассматривает *rinkebysvenska* в качестве аналога языков-пиджинов, подчеркивая, что последние возникали, как правило, в колониальных условиях и сопровождались гораздо большей трансформацией грамматических и фонологических систем языков европейских колонизаторов. Она предлагает рассматривать *rinkebysvenska* в качестве нового диалекта шведского языка, исходя из принципов территориальной ограниченности и противопоставленности литературному языку.

В то же время очевидно, что в силу особенностей происхождения, а также функционирования в рамках довольно замкнутых социальных групп, *rinkebysvenska* не вполне вписывается в систему развивавшихся естественным путем местных диалектов шведского языка. Поэтому впоследствии некоторые исследователи, отмечая более низкий социально-экономический уровень жизни и недостаточную степень ассимиляции населения района Ринкебю, определяли данный языковой код как социальный диалект, или социолект [Helgason, 2012].

Вопреки распространенному мнению о том, что иммигрантские коды — это речь с иностранным акцентом, У.-Б. Котсинас уже в 1988 г. заметила, что иммигрантский шведский имеет набор устойчивых лингвистических характеристик и не является прямым результатом недостаточного владения шведским языком, как считают многие его носители. Материалом для ее исследования послужили аудиозаписи речи подростков разного этнического происхождения. Проанализировав их, У.-Б. Котсинас обнаружила ряд фонетических, грамматических и лексических особенностей, присутствующих в речи всех подростков, независимо от их этнической принадлежности. Данное открытие положило конец традиции изучения речи иммигрантов с точки зрения психолингвистики с опорой на степень освоения ими скандинавского языка как иностранного (что было характерно для первого поколения иммигрантов) и знаменовало утверждение *вариативного подхода* к рассматриваемому социолингвистическому явлению. Вариативный подход признал мультиэтнический языковой код одним из вариантов шведского языка.

Социолингвистические исследования, начатые У.-Б. Котсинас, были продолжены скандинавскими специалистами лишь на рубеже XX и XXI вв., когда было отмечено активное развитие подобных явлений и в других городах Швеции, прежде всего в Мальмё и Гётеборге, а также в пригородах Копенгагена и Осло.

В начале 2000-х гг. датская исследовательница Пиа Квист предложила новый термин *мультиэтнOLEKT* для обозначения молодежного иммигрантского языкового кода в Копенгагене, а впоследствии и всех подобных образований в Скандинавии [Quist, 2008. Рр. 43–61]. Тем самым П. Квист подчеркнула сложность и неоднородность данного феномена, а также отметила важность вариативного подхода, изучающего мультиэтнOLEKTY наряду с другими языковыми вариантами (на что указывает компонент *-лект*). Позднее некоторые скандинавские социолингвисты предлагали отказаться от этого термина, утверждая, что он представляет описываемое явление как статический набор отношений между различными языковыми признаками, в то время как молодежь, проживающая в пригородах, не представляет собой однородную социально-экономическую группу и в разной степени использует в своей речи те или иные маркеры мультиэтнического молодежного языка [Fraurud, 2004. S. 389–419].

Однако несмотря на критические замечания, термин *мультиэтнOLEKT* является удобным в силу своей компактности и смысловой емкости, а вариативный подход представляется необходимым для лингвистического исследования речи жителей мультиэтнических пригородов, поскольку он позволяет выявить новые тенденции в развитии современных скандинавских языков. Формальным описанием языковых особенностей мультиэтнOLEKTOB занимались такие скандинавские социолингвисты, как Н. Гануза (особенности синтаксиса шведских мультиэтнOLEKTOB), П. Буден и Г. Ф. Хансен (фонетические характеристики шведских и датских мультиэтнOLEKTOB), Т. Опсаль и И. Нистов (структурно-грамматическое описание мультиэтнOLEKTOB в Осло), а также некоторые другие.

Респондентами в проведенных исследованиях были учащиеся старших классов школ, расположенных в мультиэтнических пригородах крупных городов; при этом проводился анализ как устного (интервью, записи групповых обсуждений), так и письменного

(сочинения, анкеты, тесты на владение конкретным скандинавским языком) материала. Для обработки материала, как правило, использовался количественный метод — проводились статистические подсчеты прецедентов употребления той или иной языковой единицы (фонемы, лексемы, грамматической конструкции), на основании которых делались выводы о частотности употребления данной единицы и, следовательно, ее принадлежности мультиэтномулекту, а не индивидуальным особенностям речи информанта.

В результате анализа обширного эмпирического материала социолингвисты обратили внимание на то, что большинство носителей мультиэтномлектов могут свободно *переключать коды* [Löwgren, 2009], т. е. переходить на литературный стандарт в официальных коммуникативных ситуациях. Этот факт приводит некоторых исследователей к выводу о том, что описываемый феномен может быть поставлен в один ряд с молодежным сленгом, который используется как средство внутригрупповой коммуникации [Skowronska, 2006]. Данное наблюдение повлекло за собой целый ряд работ (С. Haglund “Transnational identifications among Adolescents in Suburban Sweden”, F. Arsæther “The Use of Multiethnic Youth Language in Oslo”, E. Bijvoet & K. Fraurud “Rinkeby Swedish in the Mind of the Beholder” и др.), опирающихся уже не на вариативный подход, а на подход, который П. Квист определяет как стилистический, или функциональный.

Стилистический подход позволяет рассматривать мультиэтномлекты как средство выражения социальных смыслов и формирования самоидентификации индивида. При таком подходе используются, в первую очередь, этнографические методы и приемы анализа разговора (conversational analysis). Примером функционального исследования мультиэтномлекта может служить эксперимент, поставленный рядом датских социолингвистов во главе с П. Квист в одной из школ Копенгагена (Metropolitanskolen в районе Nørrebro) [Quist, 2008. P. 52]. В качестве респондентов ею были отобраны 54 учащихся старших классов, в числе которых были не только подростки из семей иммигрантов, но и датчане-монолингвы, живущие в том же мультиэтническом районе. Над поведением подростков на территории школы было установлено временное наблюдение: регулярно проводилась аудио- и видеозапись их

общения между собой. В процессе обработки полученных данных исследователи разделили респондентов на семь «стилевых кластеров» (style clusters) на основании таких параметров, как пол, модель поведения в группе (лидер, изгой и др.), внешний вид, школьная успеваемость и даже музыкальные предпочтения. Проанализировав речевое поведение представителей всех семи кластеров, ученые пришли к выводу, что использование мультиэтнOLEKTA тесно связано не столько с этническим происхождением подростков, сколько с моделью их социального поведения. Так, было установлено, что признаки мультиэтнOLEKTA характерны для речи некоторых групп этнических датчан, но никогда не встречаются в речи некоторых групп подростков иного этнического происхождения: прежде всего, имеющих высокую академическую успеваемость. Это позволило П. Квист сделать следующие выводы:

- мультиэтнOLEKTA используется некоторыми (но не всеми) группами подростков иммигрантского происхождения для того, чтобы противопоставить себя окружающим и выразить свою принадлежность к меньшинству;
- мультиэтнOLEKTA, вопреки стереотипам большинства населения, используется некоторыми группами молодежи из числа этнических шведов/датчан/норвежцев, проживающих в пригородах с мультиэтническим населением, для выражения групповой солидарности при общении со сверстниками.

Исследования речи молодежи, проживающей в мультиэтнических городских районах, продолжаются; при этом подходы к материалу и методы исследования варьируются и нередко сочетаются, чтобы представить наиболее полную картину языковой ситуации в крупных скандинавских городах.

Рассмотрев историю и методы изучения языка молодежи из мультиэтнических районов скандинавских городов, перейдем от общего к частному и более детально рассмотрим особенности этого явления в Швеции.

В настоящее время шведские исследователи выделяют три крупных мультиэтнOLEKTA: *rinkebysvenska* в пригородах Стокгольма, *gårdstenska* в пригородах Гётеборга (по названию района Гордстена) и *rosengårdska* в пригородах Мальмё (по названию района Русенгорд). Все три разновидности отражают региональные

особенности шведского языка, но, как отмечает П. Буден [Boden, 2011], между ними существует больше сходств, чем между региональными вариантами Стокгольма, Гётебора и Мальмё. Вероятно, это объясняется общими особенностями функционирования мультиэтнологтов и схожестью этнического состава проживающих в пригородах иммигрантов.

Рассмотрим некоторые языковые особенности, выделенные сторонниками вариативного подхода при исследовании речи молодежи, проживающей в этнически неоднородных районах.

В области *просодики* и *фонетики* мультиэтнологты характеризуются особой ритмикой речи (которую часто сравнивают со стаккато), а также наличием не свойственных шведской фонетической системе звуков [ʃ] и [χ], напоминающих звуки арабского языка [Boden, 2011. P. 43].

В области *морфологии* наиболее заметной отличительной чертой является систематическое употребление существительных среднего рода с согласовательным показателем общего рода, например, en jobb вместо ett jobb, en flygplan вместо ett flygplan, ingen fel [Kotsinas, 2005. S. 236].

Особое внимание исследователи, начиная с У.-Б. Котсинас, уделяли особенностям *лексического состава* мультиэтнологтов. Очевидно, что в них имеется большое количество слов иноязычного происхождения, заимствованных из арабского, турецкого, испанского, сербского и некоторых других языков. Поскольку заимствованная лексика используется современной молодежью мультиэтнических пригородов в качестве сленга, непонятного для большинства шведов, легко предугадать тематику заимствований. Это отношения между полами, экспрессивная, пейоративная и обценная лексика, обозначение наркотических веществ и криминальных действий. Приведем несколько примеров: *араб.* keff 'плохой, тупой', *тур.* guss/guzz *пренебр.* 'девушка', *серб.* para 'деньги', *тур.* len 'приятель', *тур.* gitta 'удирать'. Примечательно, что слова guss и keff в 2006 г. официально вошли в «Шведский академический словарь» (Svenska Akademiens Ordlista) и, таким образом, закрепились в шведском языке.

Интересное исследование *синтаксических особенностей* мультиэтнологтов провела Н. Гануза [Ganuza, 2008]. Изучая речь моло-

дежи в пригородах Стокгольма, Гётеборга и Мальмё, она заметила, что отсутствие инверсии в речи мультиэтнической молодежи встречается всего в 3,5 % случаев на письме и в среднем в 10 % случаев в устной речи. Характерно, что наличие или отсутствие инверсии зависит в значительной степени от выбора собеседника: так, в общении со взрослыми используется преимущественно правильный порядок слов, а в общении между подростками нарушение порядка слов было зафиксировано в 19,6 % случаев. Кроме экстралингвистических, на порядок слов в речи иммигрантской молодежи влияют и контекстуальные факторы: отсутствие инверсии наблюдается чаще всего после темпоральных наречий *sen* (от *sedan*) 'потом' и *då* 'тогда, затем', реже — после других темпоральных обстоятельств: *härömdan jag glömde pinkoden* «на днях я забыл пинкод»; *en gång jag tappade texten* «однажды я забыл текст», *och sen hon ba smajlade* «и потом она только улыбнулась». Интересны выводы исследователя о демографическом факторе: нарушение порядка слов характерно в большей степени для мультиэтнической молодежи Стокгольма, причем чаще для речи мальчиков, чем девочек. Также ею были зафиксированы случаи необоснованного нарушения порядка слов этническими шведами, которые учатся в классах с высоким процентом учащихся-иммигрантов, например: *och sedan jag gick* вместо *och sedan jag gick* «и потом я ушел».

Скандинавские и, в частности, шведские мультиэтнолекты — это относительно новое и по-прежнему актуальное для социолингвистических исследований явление, часто вызывающее разногласия среди социолингвистов по поводу его статуса и приоритетности применимых к нему подходов. Как и молодежный язык в целом, мультиэтнолекты постоянно изменяются, однако особенность их состоит еще и в том, что их статус и степень распространения зависят от социально-политической ситуации: миграционной политики государства, реформирования системы школьного образования и других факторов, влияющих на степень интеграции мультиэтнического населения в шведском обществе. В дальнейшем было бы интересно проследить, как проявляются языковые особенности мультиэтнолектов в языке современных СМИ и в виртуальном общении молодежи мультикультурной Швеции XXI в.

ЛИТЕРАТУРА

- Boden P. *Adolescents' pronunciation in multilingual Malmö, Gothenburg and Stockholm* // *Young Urban Swedish. Variation and change in multilingual settings*. Gothenburg, 2011. Pp. 35–48.
- Fraurud K., Bijvoet E. *Multiethniskt ungdomsspråk och andra varieteter av svenska i flerspråkiga miljöer* // *Svenska som andraspråk: i forskning, undervisning och samhälle* / red. Kenneth Hyltenstam and Inger Lindberg. 2004. S. 389–419.
- Ganuza N. *Syntactic Variation in the Swedish of Adolescents in Multilingual Urban Settings*. Stockholm: Centre for Research on Bilingualism, Stockholm University, 2008. X, 192 p.
- Helgason F. Þ. *Ey dela me daj: en studie av invandrarsvenskan i verkligheten och litteraturen*. Reykjavík, 2012.
- Kotsinas U.-B. *Invandrarsvenska*. Uppsala: Hallgren & Fallgren, 2005. 264 s.
- Kotsinas U.-B. *Rinkebysvenska — en dialekt?* // *Svenskans beskrivning*. 1988. № 16. S. 264–278.
- Löwgren J. *Kodväxling och multiethniskt ungdomsspråk — form och funktion*. Göteborg, 2009.
- Quist P. *Sociolinguistic approaches to multiethnolect: Language variety and stylistic practice*. *International Journal of Bilingualism*. 2008. № 1, 2. Pp. 43–61.
- Skowronska M. *Khemiriskans knasiga kreativitet — en kartläggning av Jonas Hassen Khemiris artificiella språk i boken 'Montecore — En unik tiger'*. Stockholm, 2006.

REFERENCES

- Boden P. *Adolescents' pronunciation in multilingual Malmö, Gothenburg and Stockholm*. *Young Urban Swedish. Variation and change in multilingual settings*. Gothenburg, 2011, pp. 35–48.
- Fraurud K., Bijvoet E. *Multiethniskt ungdomsspråk och andra varieteter av svenska i flerspråkiga miljöer* [Multiethnic youth language and other varieties of Swedish in multilingual environments]. *Svenska som andraspråk: i forskning, undervisning och samhälle*, red. Kenneth Hyltenstam and Inger Lindberg [Swedish as a second language: in Research, Teaching and Society, ed. Kenneth Hyltenstam and Inger Lindberg], 2004, s. 389–419.
- Ganuza N. *Syntactic Variation in the Swedish of Adolescents in Multilingual Urban Settings*. Stockholm, Centre for Research on Bilingualism, Stockholm University, 2008, X, 192 p.

- Helgason F. þ. *Ey dela me daj: en studie av invandrarsvenskan i verkligheten och litteraturen* [Ey share me daj: a study of Sweden immigrants in reality and literature]. Reykjavík, 2012.
- Kotsinas U.-B. *Invandrarsvenska* [Immigrant Swedish]. Uppsala, Hallgren & Fallgren, 2005, 264 s.
- Kotsinas U.-B. Rinkebysvenska — en dialekt? [Immigrant Swedish — a dialect?] *Svenskans beskrivning*, 1988, № 16, s. 264–278.
- Löwgren J. *Kodväxling och multi-etniskt ungdomsspråk — form och funktion* [Code-switching and multi-ethnic youth language — form and function]. Göteborg, 2009.
- Quist P. Sociolinguistic approaches to multiethnolect: Language variety and stylistic practice. *International Journal of Bilingualism*, 2008, № 1, 2, pp. 43–61.
- Skowronska M. *Khemiriskans knasiga kreativitet — en kartläggning av Jonas Hassen Khemiris artificiella språk i boken 'Montecore — En unik tiger'* [Khemiriskans wacky creativity — a survey of Jonas Hassen Khemiris artificial languages in the book 'Monte Core — A unique tiger']. Stockholm, 2006.

Гиренко Мария Александровна

Аспирант кафедры германской и кельтской филологии,
филологический факультет,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1

Maria Girenko

Post-graduate student,
Department of Germanic and Celtic Philology, Faculty of Philology,
Lomonosov Moscow State University.
GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
E-mail: maria.girenko@gmail.com

Ю. М. ГРИГОРЬЕВА

Санкт-Петербургский государственный университет
телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича;
Санкт-Петербургский государственный университет

НЕОФИЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕВОДЫ БИБЛИИ НА ШВЕДСКИЙ ЯЗЫК

Ключевые слова: перевод, Библия, шведский язык, неофициальный.

На сегодняшний день в Швеции существуют три официальных полных перевода Библии на шведский язык: Библия Густава Васы 1541 г., Библия 1917 г. и Библия 2000. Первые два описаны в литературе достаточно подробно, третий является предметом исследований и дискуссий. Цель настоящей статьи — дать представление о многочисленных альтернативных переводах, менее известных, однако представляющих не меньший интерес для специалистов.

JULIANA GRIGORYEVA

St. Petersburg State University of Telecommunications,
St. Petersburg State University

UNOFFICIAL SWEDISH TRANSLATIONS OF THE BIBLE

Keywords: translation, the Bible, Swedish language, unofficial.

Today in Sweden there are three official translations of the Bible: Gustav Vasa Bible (1541), 1917 Bible and 2000 Bible. This article focuses on numerous unofficial Bible translations into Swedish. These texts are not well-known and widespread, but can be of interest as a specific area of research.

История переводов Библии на шведский язык насчитывает три официальных текста. Первым из них была Библия Густава Васы 1541 г. (*шв.* Gustav Vasas bibel), выходу которой предшествовало по-

явление в 1526 г. Нового Завета (*шв.* Nya Testamentet) — не менее знакового памятника в истории Швеции и шведского языка. Вторым официальным переводом является Библия 1917 г., или Библия Густава V (*шв.* Bibel 1917, Gustav V:s bibel) — результат работы Комиссии по переводу и редактированию Библии, созданной еще при Густаве III в 1773 г. Третье — последнее на настоящий момент — официальное издание Библии на шведском языке — Библия 2000 (*шв.* Bibel 2000), работа над которой началась в 1972 г. Три данных перевода создавались в совершенно различных условиях: отличались переводческие установки и принципы работы, доступ к первоисточникам, переводам Библии на другие языки, результатам научных исследований, вопросы языкового — лексического, грамматического, стилистического — оформления также были решены по-разному. Библия Густава Васы и Библия 1917 г., процесс их появления и языковые характеристики изучены и описаны, преимущественно шведскими специалистами, в достаточной степени подробно¹. Библия 2000, с момента выхода которой прошло чуть более 10 лет, ее лингвистические особенности и рецепция в настоящее время являются предметом исследований и дискуссий².

Количество неофициальных переводов Священного Писания существенно превышает количество официальных текстов, однако о них известно значительно меньше; тем не менее для получения полного представления об истории шведской Библии немаловажно обратиться к основным характеристикам данных альтернативных переводов. В настоящей статье мы остановимся на наиболее значимых работах в хронологическом порядке.

Первые переводы Библии на шведский язык появились значительно раньше Нового Завета 1526 г. и Библии Густава Васы 1541 г., однако до XVI в. переводили лишь отдельные библейские книги, преимущественно составляющие Ветхий Завет. Своеобразный переводческий центр страны сформировался в биргиттинском монастыре в г. Вадстена. Вероятно, личным переводом Библии обладала и настоятельница данного монастыря — Святая Биргитта.

¹ Подробнее об истории переводов Библии в Швеции и особенностях шведского библейского языка см., напр.: [Olsson, 2001; Ståhle, 1970].

² Подробнее о реакции на появление Нового Завета 1981 г. см., напр.: [Gerhardsson, 1982. S. 1–10; Fries, 2000. S. 27–29].

Есть основания полагать, что король Магнус Эрикссон также имел экземпляр Библии на шведском языке, т. к. он значится в перечне книг из его библиотеки. Однако ни одна из этих Библий найдена не была. Сохранился рукописный фолиант, датируемый 1526 г., написанный в Вадстене и содержащий некоторые книги Ветхого Завета, а также Откровение Иоанна Богослова [Murray, 1981. S. 8].

Вопрос о переводах Библии никогда не терял актуальности, т. к. работать над новым вариантом или вносить поправки в уже законченный текст, а также обсуждать принципы работы и качество перевода нередко начинали сразу после выхода очередного издания. За более чем три столетия, отделяющие первый официальный перевод от второго, появились Библия Густава II Адольфа (*шв.* Gustav II Adolfs bibel 1618) и Библия Карла XII (*шв.* Karl XII:s bibel 1703). Однако данные тексты были, строго говоря, переизданиями Библии Густава Васы и содержали лишь незначительные изменения, касающиеся преимущественно орфографии и оформления.

В эпоху правления Густава III, 18 мая 1773 г., была сформирована Комиссия по переводу и редактированию Библии. В состав Комиссии вошли как епископы и теологи, так и профессора из нескольких шведских университетов, всего 21 человек. Монарх направил Комиссии директиву, содержащую его соображения относительно принципов работы над будущей Библией и состоявшую из десяти пунктов. Некоторые из них сыграли важную роль в работе над последующими официальными переводами. Основной тезис сводился к стремлению выполнить перевод на современном шведском языке, взяв за основу оригинальный текст. Король призывал создать полноценный, образцовый перевод, который по форме и содержанию должен был максимально соответствовать источникам. При этом следовало избегать гебраизмов и буквального толкования Писания, что могло нанести ущерб качеству шведского текста и осложнить его восприятие [Olsson, 2001. S. 79–80]. Спустя 20 лет, в 1793 г., полный перевод всех библейских книг был готов к изданию. Новый текст существенно отличался от уже ставших традиционными средневековых Библий: перевод был более точным и современным, язык текста — понятнее и проще. Впервые за всю историю переводчики работали с оригинальными

источниками. Однако густавианскую Библию активно критиковали, противоречия между сторонниками старого и нового переводов преодолеть не удалось, в результате чего данный перевод не получил официального статуса и не стал читаемым и популярным в народе. Тем не менее в известном смысле именно густавианскую Библию можно назвать предшественницей официальных Библии 1917 г. и Библии 2000.

За 144 года своей работы Комиссия выпустила несколько пробных версий Нового Завета, две из которых были одобрены к использованию в образовательных целях в школе и церкви. Данные издания датируются 1883 г. и 1908 г. соответственно.

Подавляющее большинство альтернативных библейских переводов приходится на XX в. Незадолго до появления официальной Библии 1917 г., в 1911 г., был издан перевод, автором которого стал Хельге Окесон (Helge Åkeson, 1831–1904) — выходец из баптистской церкви, впоследствии основавший «Общину свободных баптистов» (шв. *Fribaptistsamfundet*). В работе над Новым Заветом автор настолько скрупулезно следовал за греческим оригиналом, что это создавало трудности для восприятия перевода читателями. Среди особенностей данного текста можно выделить последовательное употребление в Ветхом Завете имени «Иегова» (шв. *Jehova*) вместо более традиционного перевода «Господь» (шв. *Herren*), а также использование лексем со значением «длительный, продолжительный» и «век, эпоха» (шв. *tidsålderlig, tidsålder*) на месте более привычных «вечный», «вечность» (шв. *evig, evighet*).

Олицетворяющим противоположный подход к переводу сакральных текстов является переложение Евангелия от Марка пастора Эрика Грёнлунда (Eric Grönlund) под названием ««Vi vann!» sa Markus» (досл.: «Мы победили! — сказал Маркус»), вышедшее в 1962 г. Грёнлунд ставил целью создание текста, доступного для аудитории подросткового возраста, отличительными чертами которого стали излишне разговорный язык с элементами сленга и изобилие ненормативной орфографии.

Так, апостолы, обращаясь к Иисусу, употребляют слово *magistern* — типичное для того времени обращение к школьному учителю, а «книжников» Грёнлунд называет «профессорами» (*professorer* вместо *de skriftlärda*). В области орфографии широко применял-

ся фонетический принцип: местоимения первого и второго лица единственного числа в объектном падеже имеют написание *mej, dej* (вместо корректного *mig, dig*), вопросительное слово «что» — *va* (вместо *vad*) и т. д. Данный текст не был принят всерьез, высмеивался в СМИ и не получил широкого распространения, однако стимулировал волну дебатов о необходимости подготовки специального перевода для молодого населения страны.

Одним из наиболее известных и авторитетных альтернативных переводов Библии является Новый Завет Давида Хедегорда (David Hedegård, 1891–1971) 1964–1965 гг. Стилистически язык перевода в целом можно охарактеризовать как современный, Хедегорд не прибегал к его архаизации, однако сохранил устаревшее отрицание *icke* вместо более актуального *inte*. Данный текст приобрел популярность среди читателей и активно использовался, особенно в рядах представителей так называемых свободных, или нонконформистских, церквей.

Не менее известен Новый Завет в переводе епископа Бу Гиертца (Bo Giertz, 1905–1998), который вышел в 1981 г., практически одновременно с Новым Заветом 1981, впоследствии ставшим частью Библии 2000. Стимулом к началу работы над собственным переводом для Гиертца явилось написание комментариев к книгам Нового Завета. Считается, что данный текст имеет много общего с официальным Новым Заветом 1981, однако Гиертц более традиционен как в толковании Священного Писания, так и в выборе языкового оформления перевода.

В 1998 г. появилась так называемая «Шведская народная Библия» (*шв.* Svenska Folkbibeln), включающая в себя как Ветхий, так и Новый Завет. Текст Ветхого Завета отчасти основан на издании 1917 г., Новый Завет полностью переведен заново. Данный перевод можно назвать консервативным, однако он был воспринят положительно (не только в Швеции, но и среди шведскоязычного населения Финляндии), среди достоинств текста чаще всего выделяют его современный язык и близость к оригиналу. В настоящее время «Народная Библия» является наиболее популярным и читаемым переводом наряду с Библией 2000.

В 1994 г. началась работа над модернизацией текста Библии Карла XII 1702 г. (*шв.* Reformationsbibeln). Исходным материалом

в данном случае явился греческий Textus Receptus (TR), лежащий в основе одного из наиболее известных переводов Библии на английский язык — Библии короля Якова (*англ.* King James Bible / King James Version) 1611 г., а также синодального перевода Библии на русский язык. Новый Завет на шведском языке был издан в 2003 г., работа над Ветхим Заветом еще не завершена.

Из менее распространенных переводов отметим Новый Завет Рагнара Блумфельта (Ragnar Blomfelt), обновленная версия которого вышла в 2009 г. В лингвистическом отношении работа Блумфельта отражает современное состояние шведского языка, автор сознательно избегает архаизмов и сложных для восприятия формулировок.

Один из наиболее современных проектов по переводу Библии реализуется с 2011 г. и по настоящее время в сети Интернет (wiki.fribibel.se). В работе над данным коллективным и в перспективе полностью бесплатным переводом может принять участие любой желающий. Планируется, что текст будет доступен исключительно в виде электронной версии на сайте. Инициаторами проекта стала группа теологов, а толчком к его реализации — недовольство необходимостью оплачивать любое, позднее — только коммерческое, использование текстов Библии 2000 (обладателем авторских прав на Библию 2000 является Шведское библейское общество, *шв.* Svenska Bibelsällskapet). На данный момент начата работа над 22 библейскими книгами, три полностью переведены и ни одна из них еще не была подвергнута редакторской правке.

Отдельно остановимся на переводах, выполненных с английского языка. «Живая Библия» (*шв.* Levande Bibeln) — перевод на шведский язык вольного переложения Библии (*англ.* Living Bible) американца Кеннета Тейлора (Kenneth Taylor, 1917–2005). Данный перевод стал результатом попыток Тейлора донести смысл библейских текстов до своих детей простым и понятным им языком. Оригинальный текст был издан в 1971 г., Новый Завет на шведском языке вышел в 1974 г., полный перевод — в 1977 г. В 2003 г. появилась «Новая живая Библия» (*шв.* Nya Levande Bibeln).

Существует также ряд переводов, выполненных религиозной организацией Свидетели Иеговы (*шв.* Jehovas vittnen). Последний на сегодняшний день шведский текст «Священное Писание —

Перевод нового мира» (*шв.* Nya världens bibelöversättning или Nya Världens översättning av Den heliga skrift, NV), основанный на английском издании 1984 г. (*англ.* New World Translation of the Holy Scriptures, NW), вышел в Швеции в 1992 г. и был подвергнут переработке в 2003 г. В данном переводе повсеместно используется имя «Иегова» (*шв.* Jehova), несмотря на то, что ни один сохранившийся источник с текстами Нового Завета, в отличие от Ветхого Завета, не содержит указаний на данное имя.

Одно из последних на сегодняшний день изданий — перевод Нового Завета Юджина Петерсона (Eugene Peterson, 1932–), пастора и в прошлом преподавателя древнееврейского и греческого языков. Данный текст вышел в США в 2002 г. (*англ.* The Message: The Bible in Contemporary Language), спустя 30 лет после начала работы, распространился по всему англоязычному миру и по прошествии еще десяти лет был переведен на шведский язык. Подобно многим другим переводчикам Библии, Петерсон опирался исключительно на современные языковые средства. С лингвистической точки зрения данный текст значительно менее консервативен и более экспрессивен, чем большая часть шведских переводов Библии.

Таким образом, на три официальных перевода Библии на шведский язык приходится целый ряд альтернативных текстов. Несмотря на недавнее появление нового перевода, оценка которого специалистами в целом была положительной, а основной особенностью является доступность содержания и формы для читателя любого возраста, работа над альтернативными версиями не прекращается и по сей день.

ЛИТЕРАТУРА

- Gerhardsson B.* Det svenska Nya testamentet av år 1981 // Svensk Teologisk Kvartalskrift. 1982. Nr 1. S. 1–10.
- Fries I.* Se över Nya testamentet! // Språkvård. 2000. Nr 3. S. 27–29.
- Murray R.* Bibeln på svenska. Om översättares och tryckares mödor under fem sekler. 1526–1981. Stockholm: Proprius, 1981. 160 s.
- Olsson B.* Från Birgitta till Bibel 2000. Stockholm: Verbum, 2001. 131 s.
- Stähle C. I.* Svenskt bibelspråk från 1500-tal till 1900-tal. Skrifter utgivna av Nämnden för svensk språkvård 40. Stockholm: Läromedelsförlaget, 1970. 122 s.

REFERENCES

- Gerhardsson B. Det svenska Nya testamentet av år 1981 [New Testament in Swedish]. *Svensk Teologisk Kvartalskrift*, 1982, Nr 1, s. 1–10.
- Fries I. Se över Nya testamentet! [Revise the New Testament!] *Språkvård*, 2000, Nr 3, s. 27–29.
- Murray R. *Bibeln på svenska. Om översättares och tryckares mödor under fem sekler. 1526–1981* [Bible in Swedish. Translators' and printers' efforts during five centuries. 1526–1981]. Stockholm, Proprius, 1981, 160 s.
- Olsson B. *Från Birgitta till Bibel 2000* [From Birgitta to Bible 2000]. Stockholm, Verbum, 2001, 131 s.
- Ståhle C.I. *Svenskt bibelspråk från 1500-tal till 1900-tal*. [Language of the Swedish Bible from 1500s to 1900s]. Skrifter utgivna av Nämnden för svensk språkvård 40 [Issues published by the Committee for Swedish Language Cultivation 40]. Stockholm, Läromedelsförlaget, 1970, 122 s.

Григорьева Юлиана Михайловна

Доцент кафедры иностранных языков гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича.
Россия, 193232, Санкт-Петербург, пр. Большевиков, д. 22, корп. 1;
старший преподаватель кафедры скандинавской
и нидерландской филологии, филологический факультет,
Санкт-Петербургский государственный университет.
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9.

Juliana Grigoryeva

Associate Professor, Department of Foreign Languages, Faculty of the Humanities, St. Petersburg State University of Telecommunications,
22, Prospekt Bolshevikov, St. Petersburg, 193232, Russia;
senior lecturer, Department of Scandinavian and Dutch Philology,
Faculty of Philology, St. Petersburg State University.
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia
E-mail: y.grigorieva@spbu.ru

E. A. ГУРОВА

Санкт-Петербургский государственный университет

ДАТСКИЕ ОЦЕНОЧНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ В НОВОМ СЛОВАРЕ СЛЕНГА

Ключевые слова: сленг, словообразование, эпонимы, инвективы, бранная лексика.

В статье рассматривается группа оценочных существительных со значением лица, отобранных методом сплошной выборки из нового словаря сленга, вышедшего в 2012 г. в качестве приложения к мобильным устройствам. Принадлежность к ненормативному пласту лексики определяет характер словообразовательных и семантических особенностей данной категории слов.

ELENA GUROVA

St. Petersburg State University

DANISH EVALUATIVE NOUNS IN THE NEW SLANG DICTIONARY

Keywords: slang, word formation, eponyms, invective, swear words.

The article deals with the main characteristics of evaluative nouns referring to people in Danish slang. Slang tends to be very creative in the formation of new words. The main word-formation processes, which are commonly used, are the processes of compounding, affixation, shortenings and semantic changes. The analysis of the Slang Dictionary data has shown that the nouns with negative connotations constitute a large majority. In general, the slang words reflect social changes and shifting values of the Danish society.

Новый словарь сленга и разговорного языка Т. Кристиансена, вышедший в 2012 г. в качестве приложения к мобильным устройствам, содержит 4100 выражений и 9300 словарных единиц, распределенных по 85 тематическим группам [Christiansen, 2012]. Каждая вокабула снабжена текстовыми примерами из газет, журналов, интернет-источников и книг. В центре внимания автора словаря находится обиходная речь различных слоев датского общества, включающая в свой состав разговорные и сленговые элементы. Основной корпус словаря сопровождается приложениями в виде списков бранных слов (*bandeord*), инвективов (*skældsord*), эпонимов (*eponymer*) и шуточных поручений (*narreærinder*).

Раньше всего термин «сленг» появился в английской лексикографии (приблизительно в начале XIX в.). В датском языке первое упоминание о данном явлении относится к 1848 г. На сегодняшний день существует достаточно большое количество определений сленга. В данной статье вслед за И. В. Калитой под сленговыми единицами понимаются «метафорические единицы и выражения, обладающие разной степенью проявления экспрессии», чья «семантика привязана к определенному историческому периоду и понятна большинству носителей национального языка» [Калита, 2013. С. 19].

Лингвисты, изучающие современные тенденции в русском языке, выделяют так называемый «общий сленг», который «употребляется широкими кругами носителей общелитературного языка, не ограниченными определенными социальными рамками (возраст, профессия, уровень образования, общие интересы и др.)» [Кудрявцева. С. 2]. В скандинавских языках, где процессы демократизации языка начались гораздо раньше, явление общего сленга известно давно. По мнению В. П. Беркова, сленг может даже «в определенной степени рассматриваться как особого рода функциональный стиль» [Берков, 2011. С. 60].

Сленговые единицы возникают тогда, когда возникает потребность заполнить эмоциональные лакуны в лексической системе языка, поэтому данный слой лексики характеризуется наличием постоянного оценочного значения. В статье рассматривается группа оценочных существительных со значением лица, отобранных методом сплошной выборки из нового словаря сленга и представляющих довольно внушительный пласт сленговой лексики.

Словообразовательные средства, используемые в образовании данных единиц, очень разнообразны. Основным способом создания оценочных существительных является основосложение. Как правило, первые компоненты представляют собой существительные: sofaatlet «человек, смотрящий много спортивных программ по телевизору» (sofa «диван» + atlet «атлет»), klatmaler «мазила» (klat «клякса, пятно» + maler «художник»), skibums «человек, увлекающийся горными лыжами, работающий ради этого на лыжном курорте и ведущий спартанский образ жизни» (ski «лыжа» + bums «бродяга, бомж»), burkabilist «автомобилист, едущий в машине, в которой почти все стекла покрыты снегом или льдом» (burka «паранджа» + bilist «автомобилист»). Кроме этого, были выявлены модели *прилагательное + существительное*: fattigrøv «бедняк» (fattig «бедный» + røv «задница»); *глагол + существительное*: snak-kemaskine «болтун» (snakke «говорить» + maskine «машина»); *числительное + существительное*: 112-fotograf «фотограф-любитель или внештатный фотограф, слушающий рацию полицейских и пожарных для того, чтобы одним из первых приехать на место происшествия и сделать снимки» (112 «телефон экстренных служб» + fotograf «фотограф»); *междометие + существительное*: juhupige «хористка или бэк-вокалистка» (juhu «междометие, передающее восторг, или использующееся для привлечения внимания» + pige «девушка»); *предлог + существительное*: overbasse «вышестоящий офицер» (over «над» + basse «старослужащий», «дед»).

Многие оценочные существительные образованы по аналогии, причем вторые компоненты могут быть распределены по трем семантическим группам. Первую группу составляют слова со вторыми компонентами, обозначающими часть тела: glatnakke «дурак» или «неонацист», skrålhals «крикун», bangerøv «трус». Следующая группа представлена вторыми компонентами, обозначающими животных: brilleabe «очкарик», hotelrotte «гостиничный вор», mærkedyr «человек, покупающий только фирменные вещи». Еще одна группа включает слова со вторыми компонентом-именем: scorekaj «ловелас», fedtemikkel «скупердяй», helligfrans «человек с правильными взглядами».

Интересно, что в отношении всей группы оценочных существительных наблюдается асимметрия между положительной и отри-

цательной зонами. Существительных с отрицательной (уничижительной, пренебрежительной) коннотацией оказывается гораздо больше, чем слов с положительной оценкой. В некоторых случаях противоположные виды оценки могут сливаться в одной и той же сленговой единице. В этом смысле показательны лексемы со вторым компонентом *-haj*. В соответствии с Датским словарем [Den danske ordbog, 2003–2005], у существительного *haj* «акула» фиксируется два переносных значения: 1) мошенник, спекулянт; 2) человек, хорошо в чем-то разбирающийся. В статье, посвященной данной словообразовательной модели, С. Киршмайер-Андерсен приходит к выводу о том, что первое отрицательное значение присутствует в основном в сложных существительных типа *bolighaj* «спекулянт жильем» и *parkohaj* «наркоторговец», а второе положительное значение в выражении *nogen er en haj til noget* [Kirchmeier-Andersen, 2011. S. 8–10]. Однако, как отмечает С. Киршмайер-Андерсен, в последнее время фиксируются композиты с положительной коннотацией, а также лексемы, которые в зависимости от контекста принимают то положительное, то отрицательное значение. Данные словаря сленга подтверждают эту тенденцию. Так, существительное *computerhaj* означает человека, хорошо разбирающегося в компьютерах, а композит *billardhaj* может означать как человека, хорошо играющего в бильярд, так и игрока в бильярд, который намеренно вводит в заблуждение соперника плохой игрой в начале, а потом выигрывает партию.

С точки зрения трансформации коннотативного значения интересны новообразования, в которых второй компонент представляет собой бранную лексику. Так, существительные *perker* «иммигрант с южной внешностью» (ср. рус. «черный» или «хачик») и *luder* «проститутка, шлюха» входят в десятку самых бранных и оскорбительных слов, используемых в молодежной среде, в соответствии с исследованием, проведенным М. Ратье [Rathje, 2012. S. 1–8]. Однако в ряде композитов, где эти существительные являются вторыми компонентами, уничижительную коннотацию сменяет иронично-шутливая: *fjeldperker* «норвежец», *sildeperker* «житель острова Борнхольм», *hedeperker* «ютландец», *linseluder* «(известный) человек, старающийся попасть в кадр репортеров, на телевидение и т. д.». Однако, например, композит *medieluder* «чело-

век, любыми средствами добивающийся внимания СМИ» по данным Датского словаря сохраняет уничижительную окраску, присущую второму компоненту.

Некоторые оценочные существительные образованы с помощью другого словообразовательного способа — аффиксации. Большинство суффиксов придают существительным шутливо-ироничную окраску: *abonpine* «пожилая дама, имеющая абонемент в Тиволи или Королевский театр», *knallerist* «водитель мопеда», *kontorius* «сотрудник, работающий в офисе (и ревностно соблюдающий правила)», *lorper* «продавец на блошином рынке». Особую группу образуют этнонимы, образованные по отличиям от литературной нормы моделям: *norsker* (ср. *nordmand*) «норвежец», *fransker* (ср. *franskmand*) «француз», *japser* (ср. *japaner*) «японец». Также интересны образования, созданные по аналогии, основанной на созвучии неологизма и оригинала: *amagerkaner* «житель острова Амагер» (> *amerikaner*), *webmoster* «женщина веб-мастер» (> *webmaster* + *moster*). Ряд слов создан путем усечения, что объясняется тенденцией к экономии речевых усилий, характерной для разговорной речи в целом: *fessor* «профессор» (> *professor*), *fys* «физиотерапевт» (> *fysioterapeut*), *tøren* «инспектор», «директор школы» (> *inspektøren*).

Ассоциативность человеческого мышления и образное восприятие мира находят свое отражение в языке. Неслучайно метафоризация является одним из основных способов образования сленговых единиц, например: *neger* «литературный раб», «человек, выполняющий за другого тяжелую работу» (> *neger* «негр»), *høvding* «шеф» (> *høvding* «вождь»). Большую группу слов составляют образные зоонимы, которые чаще всего имеют целью оскорбить или высмеять человека посредством сравнения с тем или иным животным: *kylling* «трус» (> *kylling* «цыпленок»), *gås* «дура» (> *gås* «гусь, гусыня»), *buk* «кобель» (> *buk* «баран, козел»).

Особенности лексики с оценочным значением свидетельствуют о моральных приоритетах той или иной национальной культуры. Сленг является отражением специфики национального мышления и языкового кодекса морали. Как справедливо отмечает И. В. Калита, национальная картина мира при сохранении генетически усвоенного ядра национальной культуры в каждую эпоху приобретает новые очертания [Калита, 2013. С. 31].

Анализ отобранного материала позволил выделить несколько лексических групп, иллюстрирующих специфику оценочных предпочтений датской культуры на данном этапе. Осуждаются или высмеиваются *манера поведения, привычки человека*: gnavpotte «ворчун», snorketræ «храпун, соня»; *недостатки внешности*: asparges «дылда», kødbjerg «толстяк», brilleabe «очкарик»; *манера одеваться*: kasketkarl «человек, носящий кепку», hættemåge «иммигрантка, носящая платок»; *характер человека*: dystermule «пессимист», tyngrisser «тряпка». В отдельную группу можно выделить ряд эпонимов, имеющих шутливо-ироничную окраску: Karl Smart «тщеславный хвостун», Kloge Åge «умник, всезнайка», Rasmus Modsat «человек, несогласный с мнением большинства», «оригинал», сонnie «ведущая себя вызывающе девочка или женщина с низким социальным статусом», brian «ведущий себя вызывающе мальчик или мужчина с низким социальным статусом». Особую группу составляют сленговые названия профессий, иллюстрирующие отрицательное отношение датчан к непрофессионализму: kødsnedker «мясник», «врач или хирург» (ср. рус. «коновал»), mulemekaniker «стоматолог» (ср. рус. «зубодер»), klaverbokser «пианист» (ср. рус. «лабух»). Кроме этого, высмеивается дилетантство в любой сфере человеческой деятельности: lommeprokurator «адвокат-любитель», perlegrusmekaniker «сам себе механик».

Этнические стереотипы являются неотъемлемой частью любой лингвокультуры. По мнению В. И. Карасик, инвективизация имен представителей чужого народа происходит в соответствии с примитивной схемой: «чужой — опасный», «чужой — нелепый» [Карасик, 1992]. В этом смысле показательны такие сленговые единицы, как spagettidreng «итальянец» (spagetti «спагетти» + dreng «мальчик»), iskineser «гренландец» (is «лед» + kineser «китаец»), frøæder «француз» (frø «лягушка» + æder «обжора»), fjeldabe «норвежец или швед» (fjeld «гора» + abe «обезьяна»), чья внутренняя форма свидетельствует о тех исходных качествах или привычках, которые становятся объектом насмешки.

Сленговые единицы часто возникают в связи с реакцией общества на происходящие социальные изменения. Неоднозначное отношение датчан к проблеме иммиграции находит отражение в языке в виде большого количества сленговых единиц с отрица-

тельной коннотацией, обозначающих чужестранцев: bananplukker, gurker, haleneger, kamelklapper, kloakbeduin, krakkemut, mujaffa, perker. Интересно, что самое частотное и оскорбительное слово perker (> perser «перс» + tyrker «турок»), воспринимается как оскорбление, в случае если звучит в устах датчанина. По мнению М. Хейдеманн Андерсен, употребление данной лексемы в иммигрантских кругах служит маркером этнической самоидентификации [Heidemann Andersen, 2001. S. 31–36].

Новейшие тенденции в области семейных отношений оказывают влияние на появление новых слов, обозначающих старые понятия. Так, в связи с увеличением количества браков между людьми, уже имеющими детей, возникла потребность в обозначении новых родственных связей. На смену отрицательно окрашенным stedmor «мачеха» и stedfar «отчим» пришли plasticmor и plasticfar, а затем bonusmor и bonusfar — лексемы с ярко выраженной положительной коннотацией. Теперь в качестве «бонуса» дети могут обрести не только новых маму или папу, но и «дополнительных» брата и сестру.

Как указывалось выше, среди оценочных существительных со значением лица негативно окрашенных лексем оказывается гораздо больше. Сленговые единицы с положительной коннотацией в основном входят в семантическую группу ласковых обращений типа русских «зайка», «солнышко»: skattepige, nuttegris, snut, pus. Большинство негативно окрашенных слов представлены семантическими группами «секс», «спиртное», «наркотики», «работа» и группой инвективных единиц.

В целом сленговые лексемы проявляют тенденцию к развитию многозначности. Например, существительное basse может означать: 1) ласковое обращение к лицу; 2) человека или вещь больших размеров; 3) сдобную булочку; 4) старослужащего. Кроме этого, во многих случаях происходит формирование обширных синонимических рядов. Так, для наименования полицейского используется следующие лексемы: strisser, sherif, strømer, politistrisser, pansersvin, panserbasse, panser, ordenshåndhæver, lang fing fang.

Не смотря на то, что заимствование является важнейшим способом пополнения словарного состава языка, в том числе сленга, среди оценочных существительных иноязычные слова составляют незначительную группу лексем: powershopper «человек, покупаю-

REFERENCES

- Berkov V.P. *Norvezhskaia leksikologiia* [Norwegian Lexicology]. St. Petersburg, Filologicheskii fakul'tet SPbGU Publ., 2011, 192 s.
- Kalita I.V. *Stilisticheskie transformatsii russkikh substandartov, ili Kniga o slenge* [Stylistic Transformations of Russian substandards or the Slang book]. Moscow, Diksi Press Publ., 2013, 240 s.
- Karasik V.I. *Iazyk sotsial'nogo statusa* [Language of the social status]. Moscow, 1992. URL: <http://philologos.narod.ru/texts/karasik/status22.htm> (date of access: 14.02.2014).
- Kudriavtseva L.A. *Iazyk goroda: obshchii sleng* [Language of the city: general slang], s. 2. URL: <http://russian.kiev.ua/material.php?id=9000598> (date of access: 03.02.2014).
- Christiansen T. *Slangordbogen — dansk slang og dagligsprog, 2012*. Software: LET Software ApS. App til smartphone og tablets. [Danish Slang Dictionary. 2012. Software: LET Software ApS. App for smartphone and tablets].
- Den danske ordbog*; bd. 1–6 [The Danish Dictionary. Vol. 1–6], ed. Hjorth E., Kristensen K. København, 2003–2005.
- Kirchmeier-Andersen S. Sproghaj — kan det være positivt? [“Sproghaj” — can it have a positive connotation?]. *Nyt fra Sprognævnet*, Nr 3, 2011, s. 8–10.
- Heidemann Andersen M. Fremmedarbejdere, gæstarbejdere, nydanskere — og perkere [Fremmedarbejdere (“immigrant workers”), gæstarbejdere (“guest workers”), nydanskere (“New Danes”) — and perkere (“Paki”)]. *Nyt fra Sprognævnet*, Nr 3, 2001, s. 31–36.
- Rathje M. Luder og laban. De grimme ord i to generationer [Luder (“whore”) and laban (“rascal”). The most disgusting words of two generations]. *Nyt fra Sprognævnet*, Nr 2, 2012, s. 1–8.

Гурова Елена Александровна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры скандинавской и нидерландской филологии, филологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет. Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9

Elena Gurova

Candidate of Philology, Associate Professor,
Department of Scandinavian and Dutch Philology,
Faculty of Philology, St. Petersburg State University.
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

Email: e.gurova@spbu.ru

*А. А. ДМИТРИЕВА,
И. М. МИХАЙЛОВА*

Санкт-Петербургский государственный университет

**ВЗАИМОСВЯЗЬ ГОЛЛАНДСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
И ЖИВОПИСИ XVII в.
ЯКОБ КАТС И ПИТЕР ДЕ ХОХ**

Ключевые слова: нидерландская литература, поэзия, живопись, Якоб Катс, Питер де Хох, протестантская этика.

Статья посвящена проблеме семантической взаимосвязи голландской литературы и живописи XVII в. Рассматриваются формы взаимодействия литературы и живописи, жанр эмблематической поэзии, стихи о живописи. Анализируется трактат поэта Якоба Катса «Супружество» и картины художника Питера де Хоха на тему «домашние заботы», доказываются их сюжетное единство. Делается вывод о том, что голландская поэзия и живопись содержали ярко выраженную этическую и назидательную направленность, которая стала характерной чертой голландской культуры XVII в.

*ANNA DMITRIEVA,
IRINA MICHAJLOVA*

St. Petersburg State University

**RELATIONSHIP BETWEEN 17th CENTURY
DUTCH LITERATURE AND PAINTING.
JACOB CATS AND PIETER DE HOECH**

Keywords: Dutch literature, poetry, painting, Jacob Cats, Pieter de Hooch, the Protestant ethic.

The article deals with the semantic relationship of Dutch literature and painting in the 17th century. It considers different forms of interaction between literature and painting, the genre of emblemata, poems about paintings. The authors

analyze Jacob Cat's poem "Matrimony" (*Houwelyck*) and paintings by Pieter de Hooch on "home-keeping" and come to the conclusion that the Dutch poetry and painting contained a pronounced ethical and didactic orientation, which became a characteristic feature of the Dutch culture of the 17th century.

XVII в. стал Золотой эпохой голландской культуры, в которой ведущее место принадлежало литературе и живописи, находившимся в столь тесном взаимодействии, что нередко одно невозможно понять без другого. Ярким примером художника, черпавшего свои темы из литературных источников, был делфтский живописец Питер де Хох (1629–1684) — представитель круга «малых голландцев». Прежде чем перейти к рассмотрению родства его творчества с произведениями популярнейшего поэта Золотого века Якоба Катса, остановимся на разнообразных формах взаимосвязи изобразительного и словесного искусства в то время.

1. Взаимосвязь голландской литературы и живописи XVII в.

Первая и самая простая из них, существовавшая испокон веков и достигшая расцвета в Голландии в XVII в. благодаря совершенствованию гравировальной техники, — это связь между текстом и иллюстрацией в книге, от пользовавшихся большим спросом переизданий средневековых «народных книг» до популярных книжек с изложением библейских сюжетов. В XVI–XVII в. в городах можно было купить и отдельные листы с дешевыми гравюрами (*centprenten*) на общеизвестные сюжеты, в частности, изображения животных — иллюстрации к переводам басен Лафонтена [Resoort, 1990. Рр. 41–103]. В ту пору сборники басен зачастую печатались в типографиях разных стран на разных языках с одних и тех же гравировальных досок, которые издатели покупали друг у друга [Smith, 2006]. Изображения постепенно начали ассоциироваться с определенной басенной моралью, тем самым получая дополнительную смысловую нагрузку. Важный образец такого сборника — «Княжеский парк животных» Вондела (1617), к которому восходит памятник переводной литературы, созданный в допетровской России, «Зрелище жития человеческого» (1674)¹. В подобных сборни-

¹ «Зрелище жития человеческого <...> новопереведено из немецкаго языка всем в общую пользу трудолюбием А. А. с. В. в царствующем граде в Москве, в лето от воплощения бога слова 1674». Рукопись.

ках многие изображения трактуются с нескольких точек зрения и в подтверждение правильности преподаваемых животными уроков приводятся исторические анекдоты-«прилоги», в основном из античности. Названия басен даны на основе действующих в них животных и не содержат формулировки морали.

В несомненном родстве со сборниками басен находятся книги эмблематической поэзии (*emblemata*). Здесь наряду с басенными сюжетами иносказательно трактуются разные жизненные ситуации и просто предметы, причем названием каждой «эмблемы», состоящей из поучительного изречения, соответствующей картинки и пояснения иносказания, служит само изречение. Хотя основателем данного жанра был итальянец Андреа Альчиато (1492–1550), опубликовавший в 1531 г. латиноязычную «Книгу эмблем», он имел особенно много последователей именно в Голландии, где в XVII — начале XVIII в. вышло более 250 сборников *emblemata* [Jongh, 1967. P. 9]. Изречения голландские авторы порой придумывали сами, порой заимствовали у предшественников, из сборников пословиц, из христианской традиции и т. п. Примерами служат сборники П. К. Хофта (*Emblemata amatoria*, 1611), Румера Виссера (*Sinneporren*, 1614), Якоба Катса (*Proteus, of Sinne- en minnebeelden*, 1618), многократно переиздававшиеся на протяжении XVII в. [Михайлова, 2013. С. 95, 143, 219, 223]. Изображение и моралистическое изречение подчинены воспитательным целям, гравюры-иллюстрации просты и наивны. Приведенное ниже изображение из сборника Я. Катса работы Адриана ван дер Венне — египетская пирамида (эмблема № 50 «Только для глаза») — демонстрирует мысль о бессмысленности земной пышности, за которой ничего не стоит.

Лишь в самом конце XVII — начале XVIII в. в книгах гравера и поэта Яна Лёйкена иллюстрации достигли высокого художественного уровня. В сборнике «Поучительная домашняя утварь» (1711) Лёйкен трактует в эмблематическом ключе повседневные предметы обихода, от стола и стула до метлы: метлой хозяйка метет пол, поддерживая чистоту в доме, — но блюсти чистоту

души еще важнее. Иллюстрации в книге Яна Лёйкена по стилистике и сложности композиции близки к прославленной голландской жанровой живописи.

В огромной мере благодаря эмблематической поэзии на протяжении XVII в. в странах Северной Европы и особенно в Голландии сформировалась богатая система символов, которые перешли в жанровую живопись и в натюрморты, непосредственно не связанные к литературе². Человек XVII в. без труда распознавал эти символы, например, в бытовых сценках Яна Стена или на натюрмортах Виллема Класа Геда, которые наши современники, попадая в Эрмитаж, оценивают в первую очередь с эстетической точки зрения, не задумываясь о том, что дым, идущий из трубки курильщика, символизирует бренность бытия, открытая птичья клетка — супружескую неверность, а лимон — внешнюю красоту, под которой скрыта горечь.

Совсем другой вариант пересечения живописи с литературой демонстрируют многочисленные полотна, вдохновленные широко известными в XVII в. литературными произведениями. По-настоя-

² Не случайно по указанию Петра I в 1705 г. именно в Амстердаме был напечатан, а затем доставлен в Москву знаменитый сборник «*Symbola et emblemata*».

щему культовыми поэтами того времени были П. К. Хофт и особенно уже упомянутый Якоб Катс, первый из которых имел успех в аристократических кругах, второй — в широких демократических. Поскольку влиянию Якоба Катса на живопись «малых голландцев» уделено основное внимание ниже, здесь приведем пример использования популярного сюжета из пьесы П. К. Хофта. На полотне из коллекции Эрмитажа «Гранида и Дайфило» Якоба Адриансона Баккера (1635) изображена галантная сцена: перед богато одетой юной дамой с раковиной в руке склонился юноша с пастушеским посохом. В пасторали П. К. Хофта «Гранида» (1615) пастух Дайфило встречает в лесу персидскую принцессу Граниду, заблудившуюся во время охоты и мучимую жаждой, и подносит ей в раковине воду из источника. Этот эпизод зарождения высокой любви на лоне природы вдохновил множество художников с 1615 г. (Дирк ван Бабюрен) по 1711 г. (Питер ван дер Верф) [Роел, 1986]. В образе Граниды и/или Дайфило порой изображались реальные люди: известный пример — «Анна дю Пир как Гранида» Бартоломеуса ван дер Хельста (1660).

Примеров обратного влияния — живописи на литературу — в XVII в. также множество. Поэты нередко писали стихи, посвященные живописным полотнам. Широко известно стихотворение Гейгенса о портрете кисти Т. де Кейзера «К моему портрету, написанному незадолго до моей свадьбы» (1627). Еще один образец — стихотворение Вондела, в котором он рассуждает о своем преклонном возрасте, «К моему изображению, сделанному Ховертом Флинком в 1653 году».

С другим стихотворением Вондела, обращенным к Рембрандту, связан интересный случай двустороннего взаимодействия между поэзией и живописью, когда поэт и живописец вступили в диалог. Речь идет об истории создания Рембрандтом четырех портретов проповедника-менонита Корнелиса Ансло в 1640–1641 гг. По поводу первого из них Вондел написал четверостишие, намекающее на прославленное красноречие Корнелиса Ансло:

'Ay Rembrandt, mael Kornelis' stem,
Het zichtb're deel is het minst van hem;
't Onzichtb're kent men slechts deur d'ooren,
Wie Anslo zien wil, moet hem hooren.'

Ах Рембранд, нарисуй голос Корнелиса,
Его видимая часть — самая в нем неважная,
Невидимое можно узнать только с помощью ушей.
Кто хочет увидеть Ансло, должен его услышать.

Как показывает нидерландская исследовательница Е. Шусс [Schuss, 2006], художник воспринял это стихотворение как критику и предпринял новые попытки изобразить Ансло так, чтобы рассматривающим его картину казалось, будто они слышат голос проповедника. Приняв брошенный Вонделом вызов, Рембрандт выгравировал это стихотворение под третьим по счету портретным изображением Ансло (1641).

2. Якоб Катс и Питер де Хох

Характерным примером взаимосвязи литературы и живописи выступает творчество делфтского художника Питера де Хоха (1629–1684) — представителя круга «малых голландцев».

Более половины произведений из художественного наследия Питера де Хоха относятся к сюжетному направлению «домашние заботы». Оно объединяет группу интерьерных композиций, посвященных повседневным функциям женщины в ее качестве матери и хозяйки дома. Данная тема стала специфической именно для голландского искусства и не нашла столь широкого развития в живописи других национальных художественных школ XVII столетия. Хозяйки семейств, занятые домоводством и воспитанием детей, олицетворяют в подобных сюжетах супружеское благочестие, свидетельствуя о высоком значении семьи и важной роли женщины — хранительницы домашнего очага, добропорядочной жены и заботливой матери. Искусство Питера де Хоха явилось «зеркалом», отразившим этические постулаты своего времени [Köhne, 1981. S. 880–884].

Среди литературных источников, имевших особенно сильное влияние на голландскую живопись, известность приобрели назидательные поэмы Якоба Катса «Супружество» (1625) и «Обручальное кольцо» (1637), где раскрываются взаимные права и обязанности мужа и жены, а институт брака трактуется как основа раз-

вития человеческого рода от древних времен до будущей идиллии в раю. Поэзия Катса отвечала тем бюргерским настроениям, которые возобладали среди широких слоев зажиточного населения Голландии со второй половины XVII в.

В «Супружестве» (*Houwelyck*) модель семьи аллегорически представлена как последовательно сменяющие друг друга шесть этапов в жизни женщины: сначала она девочка (*Maecht*), юная девушка (*Vryster*), затем следует возраст невесты, ждущей обручения (*Bruyt*), после она становится женой (*Vrouwe*), затем матерью (*Moder*) и, наконец, престарелой вдовой (*Weduwe*). Многократное издание поэмы, особенно в 1632 г., когда она была богато украшена гравюрами Адриана ван дер Венне, встретило большой общественный резонанс, сочинение перепечатывалось неоднократно, а общий его тираж в XVII столетии, по смете, составленной издателем Яном Якобсом Схиппером, составил 50 тысяч экземпляров — по понятиям того времени число огромное [Sutton, 1998. P. 70]. Ни одна книга в Голландии ранее не имела такую широкую читательскую аудиторию. Иллюстрации, выполненные в соответствии с традициями искусства эмблематики, стремились к возможно полному пояснению текста. В «Семейном портрете» мастера школы Томаса Кейзера (ок. 1640 г., Будапешт, Музей изобразительных искусств) пожилая хозяйка семейства держит на коленях книгу Катса, открытую на странице 72. На ней ярким акцентом света выделено заглавие *Vrouwe* одной из частей «Супружества». Питер де Хох, делфтский период жизни которого совпал с расцветом творчества Катса, не мог не знать или остаться равнодушным к этим литературным наставлениям, т. к. они совпадали с его собственными тематическими поисками [Дмитриева, 2011. С. 219–248].

Произведения Питера де Хоха рассматривают женщину как символ и синоним понятия семьи. Между произведениями поэта и художника очевидны тематические и смысловые параллели. В картинах де Хоха женщина наделена добродетелями, присущими ей от природы и воспитанными старшими поколениями, в том числе ее матерью. В их числе скромность, преданность своему мужу, забота о нем и о детях. Катс утверждает, что сфера компетенции хозяйки — дом, кухня, воспитание детей и руководство прислугой (среди женских обязанностей автор перечисляет также стирку, по-

ходы на рынок, приготовление еды, уборку и многое другое). Идеальная жена, по словам поэта, умеет практически все, и при этом должна выражать покорность перед мужем³.

Хозяйка дома занимает центральное положение в большинстве картин Питера де Хоха на тему домашних забот. Она является хранительницей моральных добродетелей и супружеской гармонии, что в произведениях де Хоха ассоциируется с порядком и чистотой, царящих внутри дома. Аккуратность интерьеров, переданная в его домашних сценах, выражает не только любовь художника к геометрии и пространственным построениям, но и духовные ценности, которые возносятся на пьедестал протестантской этики, персонифицируясь в образе женщины.

Характерными примерами выступают картины «Женщина с ребенком и служанкой, подметающей пол» (1655/1657 г., частное собрание) и «Женщина, чистящая овощи» (ок. 1657 г., Париж, Лувр). В первом произведении женщина с ребенком на руках отдает распоряжения служанке, наводящей чистоту в доме. Справа за спинами героинь изображен камин с пылающими в огне дровами, рядом на свободный стул небрежно брошена одежда, подушка и покрывало (очевидно, мастер изображает начало домашней уборки). Украшающий стену мужской портрет в деревянной раме указывает на незримое присутствие хозяина семьи и олицетворяет супружескую гармонию, царящую в доме.

Второе произведение немногим отличается от описанного в деталях и колористическом исполнении. Действие вновь сосредоточено в правой части, где молодая женщина занята приготовлением трапезы, обращаясь взглядом к своей маленькой дочери, находящейся рядом. Дощатый пол, деревянные наличники и ставни на окнах, металлические скобы дверей и кольца замочных скважин — неотъемлемые атрибуты убранства голландского городского дома, тщательно переданные де Хохом. В этом и последующих произведениях мастера дом словно берет на себя психологическую нагрузку, выступая «продолжением» своих хозяев, о привычках и занятиях которых можно судить по предметам интерьера, деталям

³ «De man betracht de wet des lants / Het wijf den wille des mans». — Цит. по: [Sutton, 1998. P. 70].

декора и, что особенно важно, по колористической и светотеновой трактовке композиций⁴.

Сюжеты Питера де Хоха перекликаются и с тематикой гравюр, иллюстрирующих «Супружество» Катса. Например, титульный лист, открывающий главу «Жена», представляет выполненное амстердамским художником Корнелисом ван Киттенстейном (1598–1652) изображение знатного семейства в интерьере (1632 г., Амстердам, Библиотека университета Амстердама)⁵. Одетый в нарядный костюм мужчина, стоящий на втором плане мальчик и сидящая в кресле дама олицетворяют семейную идиллию, уют которой подчеркнут предметами мебели и элементами декора. Женщина, занимавшаяся вышиванием, вынуждена отвлечься от своего дела из-за появления служанки, собирающейся на рынок за покупками (на ее руке висит пустая корзина). В творчестве Питера де Хоха мы неоднократно встречаем такие же мотивы [Franits, 1989. S. 559–566].

Утверждение семейных ценностей как приоритетной смысловой основы произведений Питера де Хоха имеет место и в двухфигурных композициях, посвященных материнским заботам. Женщина, занятая воспитанием детей, показана в разнообразных ситуациях, которые варьируются в соответствии с течением событий ее жизни на этапе материнства, а также жизни ее детей. Художник изображает моменты самого интимного общения женщины с ребенком — кормление грудью, когда героиня предстает не только внимательной матерью, но и источником жизни для своего младенца. Еще чаще ее окружают дети четырех-пяти лет.

Таково произведение Питера де Хоха «Женщина с младенцем на коленях и маленькой девочкой» (1658 г., Нью-Йорк, Художественный фонд Аврора), где молодая женщина, сидящая у колыбели, держит на коленях маленького ребенка. О сфере женских обязанностей говорят украшающие камин керамические блюда и сте-

⁴ В частности, М. Холландер отмечала так называемую «знаковую функцию» пространства и световоздушной среды в композициях Питера де Хоха. По мнению автора, свет, пространство и строгий порядок выступают в композициях художника символами размеренности бюргерского быта и благочестия персонажей. См.: [Hollander, 2002; Hollander, 2000. Pp. 272–293; Hollander, 2001. Pp. 108–115].

⁵ Ibid. P. 101. Fig. 81.

клянный бокал-реймер, стоящий на невысоком буфете под окном кувшин и лежащее здесь же полотенце.

Проанализированные произведения Питера де Хоха и Якоба Катса показывают, что голландская живопись и литература XVII в. пребывали в тесном взаимодействии и обогащали друг друга сюжетами. Творческое наследие этих двух великих мастеров характеризуется ярко выраженной этической и назидательной направленностью, ставшей основной содержательной стороной голландской культуры Золотой эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

- Дмитриева А. А.* Бытовой жанр в творчестве Яна Вермера и Делфтской живописи середины — второй половины XVII века. СПб.: Исторический факультет СПбГУ, 2011. 431 с.
- От Лиса Рейнарда до Сна богов. История нидерландской литературы / отв. ред. И. М. Михайлова. Т. 1. СПб.: Александрия, 2013. 544 с.
- Franits W.* The depiction of servants in some paintings by Pieter de Hooch // *Zeitschrift für Kunstgeschichte*. 1989. Bd. 52. H. 4. S. 559–566.
- Hollander M.* An entrance for the eye. Space and meaning in seventeenth-century Dutch art. Berkeley: University of California Press, 2002. XVI, 263 p.
- Hollander M.* Public and private life in the art of Pieter de Hooch // *Nederlands Kunsthistorisch Jaarboek*. 2000. № 51. Pp. 272–293.
- Hollander M.* Space, light, order: the paintings of Pieter de Hooch // *The Low Countries*. 2001. № 9. Pp. 108–115.
- Jongh E. de.* Zinne- en minnebeelden in de schilderkunst van de zeventiende eeuw. Amsterdam: Stichting Openbaar Kunstbezit, 1967. 104 s.
- Köhne C.* Pieter de Hooch. Malerpoet altholländischer Wohnkultur // *Die Kunst*. 1981. H. 12. S. 880–884.
- Poel M.A.H. te.* De Granida en Daifilo-voorstellingen in de Nederlandse kunst van de 17e eeuw. Utrecht, 1986.
- Resoort R.* Een proper profitelijc boec // *De hele Biblebontse berg*. Amsterdam, 1990. Pp. 41–103.
- Schuss E.* Dove verf? De relatie tussen Rembrandt en Vondel in historisch perspectief // *De zeventiende eeuw*. Jaargang 22. Hilversum, 2006. S. 225–246.
- Smith P.* Het schouwtoneel der dieren. Embleemfabels in de Nederlanden (1567 — ca. 1670). Hilversum, 2006. 124 s.
- Sutton P.* Pieter de Hooch, 1629–1684. Dulwich Picture Gallery, Exhibition. Catalogue. London; Hartford, 1998. 184 p.

REFERENCES

- Dmitrieva A. A. *Bytovoï zhanr v tvorchestve Iana Vermera i Delftskoi zhi-vopisi serediny — vtoroi poloviny XVII veka* [Domestic interior scenes in the works by Jan Vermeer and Delft School in the mid- and late XVII century]. St. Petersburg, Istoricheskii fakul'tet SpbGU, 2011, 431 s.
- Ot *Lisa Reinarda do Sna bogov. Istoriia niderlandskoi literatury* [From Reynard The Fox to Dreams of Gods. The history of the Dutch literature], t. 1 [vol. 1], otv. red. [editor-in-chief] I.M. Michajlova. St. Petersburg, Aleksandriia Publ., 2013, 544 s.
- Franits W. The depiction of servants in some paintings by Pieter de Hooch. *Zeitschrift für Kunstgeschichte*, 1989, Bd. 52, H. 4, S. 559–566.
- Hollander M. *An entrance for the eyes. Space and meaning in seventeenth-century Dutch art*. Berlkey, University of California Press, 2002, XVI, 263 p.
- Hollander M. Public and private life in the art of Pieter de Hooch. *Nederlands Kunsthistorisch Jaarboek*, 2000, № 51, pp. 272–293.
- Hollander M. Space, light, order: the paintings of Pieter de Hooch. *The Low Countries*, 2001, № 9, pp. 108–115.
- Jongh E. de. Zinne- en minnebeelden in de schilderkunst van de zeventiende eeuw [Emblems in Dutch Painting of the Seventeenth Century]. Amsterdam, Sticing Openbaar Kunstbezit, 1967, 104 s.
- Köhne C. Pieter de Hooch. Malerpoet altholländischer Wohnkultur [Pieter de Hooch. Painting Poet of Dutch Old Domestic Interior]. *Die Kunst* [The Art], 1981, H. 12 [vol. 12], S. 880–884.
- Poel M.A.H. te. *De Granida en Daifilo-voorstellingen in de Nederlandse kunst van de 17e eeuw* [Representations of Granida and Daifilo in Dutch Seventeenth-Century Painting]. Utrecht, 1986.
- Resoort R. Een proper profitelijc boec [A proper profitable book]. *De hele Biblebontse berg*. Amsterdam, 1990, pp. 41–103.
- Schuss E. *Dove verf? De relatie tussen Rembrandt en Vondel in historisch perspectief* [Deaf Paint? Relationship between Rembrandt and Vondel in Historical Perspective]. De zeventiende eeuw [The Seventeenth Century]. Jaargang 22. Hilversum, 2006, S. 225–246.
- Smith P. *Het schouwtoneel der dieren. Emblemfabels in de Nederlanden (1567 — ca. 1670)* [A Theatre of Animals. Emblematic fables in the Netherlands (1567 — ca. 1670)]. Hilversum, 2006, 124 s.
- Sutton P. *Pieter de Hooch, 1629–1684*. Dulwich Picture Gallery, Exhibition. Catalogue. London; Hartford, 1998, 184 p.

Дмитриева Анна Алексеевна

Доктор искусствоведения, доцент,
заведующий кафедрой истории западноевропейского искусства,
исторический факультет,
Санкт-Петербургский государственный университет.
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9

Anna Dmitrieva

Doctor of Art History, Associate Professor,
Head of the Department of History of West European Art,
St. Petersburg State University.
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

E-mail: a.dmitrieva@spbu.ru

Михайлова Ирина Михайловна

Доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры скандинавской и нидерландской филологии,
филологический факультет,
Санкт-Петербургский государственный университет.
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9

Irina Michajlova

Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of Scandinavian and Dutch Philology, Faculty of Philology,
St. Petersburg State University.
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

E-mail: i.mikhailova@spbu.ru

О. С. ЕРМАКОВА

Санкт-Петербургский государственный университет

НОВЕЛЛА А. ДЮБФЕСТА «ОДИНОКИЙ» В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Ключевые слова: норвежская литература, декаданс, декадент.

В данной статье рассматривается новелла Арне Дюбфеста (1869–1892), который стал для современников воплощением писателя-декадента. Хотя ни одно из его произведений нельзя поставить в один ряд с важнейшими произведениями норвежской литературы, появившимися в 1890-х гг., в его новелле «Одинокий» (1892) можно найти ряд стилистических черт и тем, характерных для данного периода, когда новые тенденции стали вытеснять социально-критическое направление в литературе и искусстве.

OLGA ERMAKOVA

St. Petersburg State University

ARNE DYBFEST'S SHORT STORY "A LONESOME" IN THE HISTORICAL-CULTURAL CONTEXT

Keywords: Norwegian literature, decadency, decadent.

The article discusses a short story by Arne Dybfest (1869–1892), who has become a personification of a decadent writer for his contemporaries. Though none of his writings can be equaled to the most prominent opuses of 1890s, his short story "A Lonesome" touches upon some themes that were popular in the time when realism in literature gave way to the new modern tendencies.

Следует отметить, что в норвежской литературе 1890 г. был во многих отношениях переломным. Именно тогда вышел роман К. Гамсуна «Голод», за которым последовал знаменитый манифест

«Из бессознательной жизни души», где Гамсун порывает с натуралистической, социально направленной литературой; тогда же дебютировали молодые поэты Вильгельм Краг, Сигбьерн Обстфельдер, представившие модернистские тенденции в лирике. В этом же году в журнале «Самтиден» были опубликованы статьи о Поле Бурже и Фридрихе Ницше; таким образом широкой публике были представлены идеи декаданта.

Полемика о декадансе занимала значительное место в печатных изданиях на протяжении первой половины 1890-х гг. Многие из старшего поколения выступали против эстетики декаданта, среди них Б. Бьёрнсон, который предостерегал молодежь от подражания французским декадентам и русскому психологическому роману, выступая за «здоровую» и жизнеутверждающую литературу. Наиболее многословно и последовательно эту точку зрения выражал профессор Кристен Коллин, опубликовавший цикл статей в газете «Верденс Ганг» (1894). Позднее он собрал свои статьи в сборник «Писатели и критики-декаденты». В них он выступил против декадентской литературы с позиций морали, называя ее «гнилой», «болезненной», обвиняя писателей-декадентов в моральном разложении и отрицании радости жизни. При этом мишенями его нападок стал целый ряд писателей — Г. Хейберг, А. Гарборг, К. Крог и Г. Брандес, т. е. писатели разных поколений, придерживающиеся разных эстетических взглядов. На это обратил внимание Арне Гарборг, который в статье «Благодарность господину Коллину» (Самтиден, 1894) отмечает: «Итак, декаденты — это все те, кто не разделяет правильные евангелистски-спенсерские воззрения на мораль» [Garborg, 1894. S. 130].

Далее Гарборг пишет: «В нашей стране пока нет потребности в новом Евангелии, поскольку у нас нет декаданта. У нас есть своего рода безволие, в основном политического свойства <...> А в остальном мы видим некоторое количество веселых, настроенных оппозиционно и рвущихся в бой молодых людей, которые хотят избавиться от нас, стариков, и установить господство своего движения, — именно так и должна поступать нормальная, здоровая молодежь. Они назвали себя декадентами, потому что так в свое время называла себя оппозиция в Париже и Копенгагене. Кроме того, они поняли, что это слово будет весьма раздражать нас, стариков» [Ibid. S. 134–135].

В сущности, А. Гарборг был прав, утверждая, что декаданса, подобного французскому, в Норвегии не было: не сформировалось единого художественного движения, развивавшего эстетику декаданса, не было и действительно крупных писателей, которых можно было бы характеризовать как стопроцентных писателей-декадентов. Единственное значительное произведение, в котором литературоведы прослеживают черты декаданса, — это, как ни парадоксально, роман «Усталые люди» (1891) самого Гарборга. Анализу этого романа посвящена, например, значительная часть монографии П. Т. Андерсена «Декаданс в скандинавской литературе 1890–1900» [Andersen, 1992].

Тем не менее, можно назвать нескольких авторов, дебютировавших в 1890-е гг., которые, как утверждает П. Т. Андерсен, «писали книги, где упадок и декаданс раскрывались как литературная тема, отчасти переданная стилем, который должен был показать психологию героев-декадентов и разрабатывался согласно новым эстетическим идеалам» [Andersen, 2001. S. 322]. В их числе он называет Арне Дюбфеста.

Рольф Опос в своей монографии «Арне Дюбфест — миф о писателе?» характеризует Дюбфеста так: «Его считали самым болезненным и самым странным писателем своего времени. Он был самым одиноким. Он наиболее остро ощутил на себе влияние действительности» [Opås, 1997. S. 14]. Это несколько пафосное высказывание отражает скорее миф о Дюбфесте, нежели реальное положение вещей. Если рассматривать факты, то творческая карьера молодого писателя начиналась весьма успешно. В свои 23 года Дюбфест был редактором нескольких газет, о его первой книге и статьях с похвалой отзывались Гарборг и Гамсун, он находился в центре жизни молодежи, провозглашая идеи анархизма и декаданса. К сожалению, ранняя смерть помешала полностью раскрыться его таланту, при этом можно утверждать, что именно обстоятельства его смерти привели к тому, что декаданс стал предметом столь горячей полемики.

17 марта 1892 г. застрелился близкий друг Дюбфеста, студент и начинающий писатель Вильгельм Сульхейм. Вечер перед самоубийством он провел в Тиволи вместе с Дюбфестом и тепло распрощался с ним. Гибель Сульхейма всколыхнула общество, и Дюб-

фест был обвинен в том, что он, зная о намерениях друга, не только не препятствовал его смерти, но и якобы подталкивал его. В газетах разразился скандал, самоубийство Сульхейма трактовали как свидетельство упадка в декадентской среде, а Дюбфеста обвиняли в преступном равнодушии. Вот, например, что писал Халвдан Мариус в газете «Моргенбладет»: «Театральный конец экстравагантной жизни <...>, рассчитанный на то, чтобы пустить публике пыль в глаза и спрятать душевную пустоту. Жаль, что такого типа нельзя вызвать на поклон публике <...>. Но его сообщник живет. Он ведет своего друга вплоть до темной двери <...>. Он с любовью обнимает его и дарует ему братский поцелуй. Он, так сказать, вкладывает ему пистолет в руки и отпускает его блуждать в темном лабиринте, откуда никто не возвращается»¹. Истерика в газетах была настолько велика, что когда Р. Юнсен опубликовал свою критику декадентов в «Дагбладет», где он предложил все-таки отличать писателей-декадентов от остальной молодежи, другие журналисты трактовали это как защиту Дюбфеста, и газету «Дагбладет» стали называть «Органом декадентов».

Судебное разбирательство, а главное, давление общественного мнения сломало Дюбфеста. 7 июля того же года он покончил с собой, бросившись в море во время лодочной прогулки.

Дюбфест успел опубликовать три книги: сборник статей «Среди анархистов» (1890), который был высоко оценен А. Гарборгом и К. Гамсуном; роман «Ира» (1891) и «Две новеллы» (1892). Новелла «Одинокий», вошедшая в последний сборник, представляет особый интерес как в художественном отношении, так и с точки зрения тем, затронутых в ней.

В новелле изображается любовная история между старой девицей, Лисе Гаде, и молодым человеком Харменсом. Она, испытывая неутолимый любовный голод, в открытую предлагает ему себя, в то время как он, испуганный столь пылкой страстью, чувствует, тем не менее, что она его завораживает. После нескольких лет редких встреч и переписки он наконец покоряется ее воле, и она под грохот бури увлекает его за собой в темную пещеру на берегу моря, где они наконец должны соединиться.

¹ Цит. по: [Nettum, 1977. S. 214–215].

Следует отметить, что многие критики характеризовали отношения главных героев как «странные» и «неестественные». Но если проанализировать лишь развитие сюжета, не принимая во внимание чувственные образы, характеризующие стиль автора, то странность отношений персонажей заключается, в сущности, в том, что мужчина и женщина меняются гендерными ролями: героиня добивается героя, не выказывая при этом ни смущения, ни разочарования при его отказах. Сам главный герой воспринимает чувства героини как ненормальные и болезненные именно по этой причине: «В мечтах он перенесся в мир <...>, где глаза молодой девушки блестели, но она опускала взгляд, когда мужчина хотел заглянуть в них, где она смущенно краснела, когда дерзкий мужчина брал руку женщины» [Dybfest, 1892. S. 91]².

Название новеллы может быть переведено на русский язык и как «Одинокий», и как «Одинокая». На первый взгляд кажется, что этот эпитет относится к главной героине: на протяжении всей новеллы подчеркивается то, как она страдает, лишенная любви и дружбы, и даже редкое, небрежное внимание Херманса служит пищей для ее фантазии и становится основой ее существования. Сам герой, казалось бы, имеет все: любовь женщин и дружбу мужчин; тем не менее он лишен и дома, и постоянных привязанностей; к женщинам он не испытывает любви, а ищет их общества тогда, когда уже не может выносить одиночества. И эпитет, который автор чаще всего использует в отношении своего героя, — это «усталый». Если одиночество женщины и ее болезненная потребность в любви объясняется физиологическими причинами (наследственным душевным расстройством героини, которую дважды помещали в лечебницу), то главный герой является типичным для литературы декаданса героем, лишенным опоры в реальности и воли к жизни. Его отчуждение от окружающих людей подчеркивается уже в первой сцене: «Этот бледный молодой человек кажется таким отличным от других. <...> Он устало слушает, смотрит в пространство, иногда затягивается сигаретой, в то время, как слова будто бы не достигают его слуха» (с. 8).

О том, что Херманс — типичный герой своего времени, свидетельствует и его постоянный поиск ценностей, которые могли

² Далее указания страниц этого издания приведены в тексте статьи в скобках.

бы наполнить его жизнь смыслом. В начале новеллы мы узнаем, что он когда-то активно участвовал в рабочем движении и что его мнение высоко ценилось в кругах социалистов. Но на момент начала действия он разочаровался в рабочем движении, речи его бывших единомышленников вызывают у него скуку. Когда его просят произнести речь, он говорит «о том, что грядет, — не о медном царстве рабочих, но о царстве, отблеск которого он видит далеко на горизонте, царстве из золота и грез, какие не являлись еще ни одному человеку, царстве, где избранные станут господами, а все дети человечья их рабами» (с. 10–11). По этой цитате можно судить, что главный герой увлекся идеями Ницше.

Далее, в письме, написанном год или два спустя, главный герой полушутливо признается своему знакомому, что его занимает религия: «Как ты знаешь, я иногда бываю религиозен, — от этого приходишь в такое чудесное настроение» (с. 41).

Достаточно просмотреть подшивку журнала «Самтиден» за 1890–1900 гг., чтобы увидеть, насколько метания героя новеллы соответствуют темам, интересующим общество того времени: среди наиболее часто встречающихся статей можно найти статьи о религии, мистике, анархизме и рабочем движении.

Главная героиня также переходит от увлечения социализмом к увлечению религией, при этом, в отличие от героя, который, судя по всему, не принимает эти искания всерьез или, по крайней мере, пытается создать такое впечатление у окружающих, она бросается в поиски смысла жизни страстно, экстатически. Однако, по-видимому, обоим героям их метания не приносят никакого успокоения, и во второй части речь идет только о тяге к эротическим переживаниям и гипертрофированной чувственности.

Здесь же, во второй части, появляются намеки на стремление главного героя к самоуничтожению. Одна из самых ярких сцен — прогулка на лодке. Приехав по приглашению Лисе на берег моря, Херманс отправляется на лодочную прогулку вместе с ней и ее подругами. Одна из них наливает вино в бокал и передает его по кругу. «Когда бокал доходит до Харменса, он встает, хватается за ванты и говорит со смехом: А что если бы это был наш последний бокал! И он осушает его и швыряет вниз, в волны и ставит ногу на планшир. Вода заливают лодку. <...> — Садись, садись, чертов

горожанин! кричит Пер-Ула и отпускает шкот. Лодка, которая чуть было не перевернулась, снова выравнивается. Херманс садится и улыбается. — Разве это было так опасно?» (с. 98). В свете последующей трагической гибели писателя эта сцена воспринимается как выражение намерений самого автора.

Что касается финальной сцены, которую справедливо считают кульминацией новеллы, то ее можно трактовать отнюдь не только как эротическую: эта встреча может привести к гибели если не обоих героев, то по крайней мере мужчины. Героиня обретает черты сверхъестественного существа: «Тогда он увидел, как за окнами, залитыми дождем, на него пристально смотрят ее глаза. И за мокрым стеклом ее глаза горели, как зеленые угли, а ее лицо было зеленовато-черным, как старая медь. Хотя он и ожидал ее, его все же охватил ужас. Будто бы его посетило одно из ночных видений, несущее весть от мертвых» (с. 101).

Она ведет молодого человека в темную пещеру у самой кромки прилива, и он следует за ней, испытывая не желание, а страх. Писатель ярко описывает их путь сквозь непогоду и тьму; когда они достигают входа в черную пещеру, он, как испуганный ребенок, отшатывается. «Но тогда она склоняется над ним, он видит, как ее зеленые глаза горят сумасшествием, на ее губах играет улыбка, особая, ужасная улыбка, и она говорит: — Мой принц, мой принц, эта ночь принадлежит мне» (с. 106).

Таким образом, женщина увлекает героя не к восторгам любви, а к ужасу и гибели, и этим напоминает популярный в ту эпоху образ «роковой женщины», которая губит мужчину своей чувственностью. Следует отметить, однако, что героиня — отнюдь не красавица. С самого начала подчеркивается, что она некрасива, слишком смугла, с неправильными чертами лица. Но в тексте постоянно упоминаются ее «горящие глаза» и «прекрасный, звучный голос», которым она околдовывает молодого человека. Тут уместно привести цитату из воспоминаний Маргрете Хьяр, урожденной Донс, в молодости вращавшейся в кругу молодых писателей и журналистов, к которому принадлежал и Дюбфест: «Сейчас, конечно, молодые дамы оценивают друг друга по красивому лицу, но тогда, в девятые годы, нужно было лишь быть „забавной“» [Kjær, 1950. S. 8–9]. Другими словами, женщина, выделяющаяся благодаря оригинальности своего характера, могла покорять мужчин, не будучи красивой.

В композиции и стилистике новеллы можно также выделить ряд черт, характерных для зарождающегося в Норвегии модернизма. Композиция фрагментарна, подробно описываются встречи героев, в то время как промежутки между встречами, иногда длиной в год, описываются несколькими предложениями. Главный герой подвержен саморефлексии, и автор подробно излагает и его мысли, и движения души, даже те, в которых он сам не отдает себе отчета. Тем не менее он появляется будто бы ниоткуда: читатель не узнает ни о его социальном положении, ни о его занятиях; это явно образованный человек из буржуазной среды, не нуждающийся в средствах, но ничего кроме этого о нем сказать нельзя. Язык новеллы красочен и выразителен, но и языковые образы подчеркивают общую картину упадка, разложения и смерти: постоянно встречаются эпитеты «болезненный», «усталый», «склизкий», преобладают цвета, напоминающие о гниении, — желтоватый, черный, цвет окислившейся меди; встречи героев несколько раз сопровождаются описанием бурного моря, яростного ветра и ливня.

Новая книга Дюбфеста была воспринята критикой в штыки. Безусловно, такой прием в значительной степени был вызван скандалом, связанным с именем Дюбфеста. Однако Карл Нерюп, один из наиболее талантливых молодых критиков того времени, заявил, что эта новелла — единственное настоящее произведение в духе декаданса в норвежской литературе на нынешний день [Dorholt, 2003]. Возможно, столь высокая оценка так же преувеличена, как и негативные высказывания в адрес Дюбфеста, но нельзя отрицать, что новелла «Одинокий» представляет интерес для истории норвежской литературы как характерное для своего времени описание гипертрофированной чувственности человека эпохи декаданса.

ЛИТЕРАТУРА

- Andersen P. T.* Dekadanse i nordisk litteratur 1880–1900. Oslo: Aschehoug, 1992. 623 s.
- Andersen P. T.* Norsk litteraturhistorie. Oslo: Universitetsforlaget, 2001. 613 s.
- Dorholt R.* En syk sjel? En presentasjon av Arne Dybfest [Электронный ресурс] // *Prosopopeia*. Nr 1. 2003. URL: http://www.hf.uib.no/andre/prosopopeia/01_2003/ensyksjel.html.
- Dybfest A.* To noveller. Kristiania: Norli, 1892. 140 s.
- Garborg A.* En tak til herr Collin // *Samtiden*. Bergen, 1894. S. 130.

- Kjær M. Nils Kjær og hans samtidige. Erindringer 1895–1924. Oslo: Gyldendal, 1950. 220 s.
- Nettum R. Arne Dybfest — anarkist og modernist. Etterord i *Ira og To noveller* av Arne Dybfest, Oslo: J. W. Cappelens Forlag, 1977. S. 214–215.
- Opås R. Arne Dybfest — en forfattermyte? Fredrikstad: Kulturforlaget Gylden Ask, 1997. 75 s.

REFERENCES

- Andersen P.T. *Dekadanse i nordisk litteratur 1880–1900* [Decadence in Scandinavian Literature 1880–1900]. Oslo, Aschehoug, 1992, 623 s.
- Andersen P.T. *Norsk litteraturhistorie* [The History of Norwegian Literature]. Oslo, Universitetsforlaget, 2001, 613 s.
- Dorholt R. En syk sjel? En presentasjon av Arne Dybfest [A Sour Soul? The Presentation of Arne Dybfest]. *Prosopopeia*. Nr 1. 2003. URL: http://www.hf.uib.no/andre/prosopopeia/01_2003/ensyksjel.html.
- Dybfest A. *To noveller* [The Two Short Stories]. Kristiania, Norli, 1892, 140 s.
- Garborg A. En tak til herr Collin [Thanks to Mr. Collin]. *Samtiden*. Bergen, 1894, s. 130.
- Kjær M. *Nils Kjær og hans samtidige. Erindringer 1895–1924* [Nils Kjær and his Contemporaries. Memoirs 1895–1924]. Oslo: Gyldendal, 1950, 220 s.
- Nettum R. *Arne Dybfest — anarkist og modernist. Etterord i Ira og To noveller av Arne Dybfest* [Arne Dybfest — an anarchist and modernist. The Afterword to “Ira” and “The Two Short Stories” by Arne Dybfest]. Oslo, J.W. Cappelens Forlag, 1977, s. 214–215.
- Opås R. *Arne Dybfest — en forfattermyte?* [Arne Dybfest — the Myth of the Author?] Fredrikstad, Kulturforlaget Gylden Ask, 1997, 75 s.

Ермакова Ольга Сергеевна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры скандинавской и нидерландской филологии, филологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет.
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9

Olga Ermakova

Candidate of Philology, Associate Professor,
Department of Scandinavian and Dutch Philology,
Faculty of Philology, St. Petersburg State University.
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

E-mail: o.ermakova@spbu.ru

Б. С. ЖАРОВ

Санкт-Петербургский государственный университет

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ВКРАПЛЕНИЯ В НОРВЕЖСКИЙ ТЕКСТ

Ключевые слова: норвежская литература, Ю Несбё, переводы, иноязычные вкрапления, передача вкраплений, как их воспринимают норвежцы, шведский язык в Норвегии.

В статье рассматриваются сложные случаи перевода иноязычных вкраплений, которые иллюстрируются примерами из книг Ю Несбё. Французские, английские и испанские вкрапления фигурируют в этих книгах так, как их воспринимают и передают норвежцы. Этот способ воспроизведен в русских переводах русскими буквами (с переводом в сносках). Тексты на шведском языке, которые обычно в норвежских книгах даются без перевода, переводятся на русский с намеком на акцент.

BORIS ZHAROV

St. Petersburg State University

FOREIGN LANGUAGE INSERTIONS IN THE NORWEGIAN TEXTS

Keywords: Norwegian literature, Jo Nesbø, translations, foreign languages insertions, written as Norwegians receive them, Swedish in Norway.

The report deals with complicated cases of translation of foreign languages insertions which are illustrated by examples from the books by Jo Nesbø. French, English and Spanish insertions are written in the book as Norwegians receive them, the same is done by Russian letters (with translation in notes). The Swedish texts which is normally given in Norway in the original writing without translating records with a slight Russian accent.

Основное положение теории и практики перевода иноязычных вкраплений хорошо известно. Полагается воспроизвести оригинальное написание на языке вкрапления, в сноске дать русский перевод и в скобках указать исходный язык. В то же время в практике перевода встречаются другие, более сложные случаи, способы перевода которых в дальнейшем изложении предлагаются к обсуждению.

Варианты возможных способов перевода иллюстрируются на примерах из четырех книг норвежского писателя Ю Несбё (р. 1960), уже известного российскому читателю по переводам целой серии детективных романов. Однако он написал многое другое, в частности книги-сказки, посвященные жизни доктора Проктора и его друзей (см. список литературы в конце статьи)¹. Книги рассчитаны на подростков и молодежь и с юмором рассказывают о невероятных приключениях и путешествиях в пространстве и времени нескольких колоритных героев. Автор обладает буйной, можно сказать, раблезианской фантазией, обожает парадоксальные ситуации и языковую игру. Он очень любит передавать дефекты речи разных видов, произношение, когда заложен нос, человек говорит «л» вместо «р», жует, заикается и т. п.

«Фонетическое» написание иноязычного вкрапления. Ю Несбё писал книги для подростков среднего школьного возраста и, по-видимому, исходил из того, что норвежские школьники не очень сильны в иностранных языках, поэтому систематически писал иноязычные слова, предложения и цитаты так, как школьники записали бы их на слух норвежскими буквами.

Такие слова и предложения в тексте переводчик, следуя логике автора, по аналогичной системе передает русскими буквами. Способ можно назвать дублированием фонетического написания.

Если перевод иноязычного вкрапления на норвежский язык дан прямо в тексте, то нет необходимости делать русский перевод в сноске. В других случаях дается русский перевод.

Вкрапления из французского языка.

“Sjø sui Jyliett Margaræ”, sa Juliette. “E ty e Bulle?” — som altså er fransk og betyr: “Jeg er Juliette Margain. Og du er Bulle?” (NT). ‘Жё суи

¹ Подготовленный автором статьи перевод этих книг выпущен издательством «Азбука».

Жюльет Маргарэн, — сказала Жюльет. — Э тью э Булле? Это по-французски и значит: — Я — Жюльет Маргарин. А ты — Булле?

O allevo? (NT). ‘У аллеву?’ (* Куда ехать?)’

Voset famij? (NT). ‘Восе фамий?’ (* Ваш родственник?)’

Keske vosave di? (NT). ‘Кеске восаве ди?’ (* Что вы говорите?)’

Присутствуют в тексте и широко известные русскому читателю выражения: *Vånn soar* (NT). ‘Бон суар*. (* Добрый вечер.)’ или название велогонки *Tor dø frans* (NT) ‘Тур де Франс’.

Испанский язык с пояснением прямо в тексте: *Parla unata sijones senor Galvanius los portes?* (NV) ‘*Парла уната сийонес сеньор Гальваниус лос портес, си?..* Я прошу его позвонить в звонок, если он увидит, что идет синьор Гальваниус’.

В книгах есть аналогичные случаи употребления английских слов и высказываний.

В тексте встречаются цитаты из хорошо известных произведений, созданных на других языках. Так, в одной из книг многократно используются строки популярных во всем мире песен групп «АББА» и «Битлз» на английском языке в норвегизированном написании, как, например: “Slåvsju” и “Jua dedænsin kvin”. В русском тексте сохранение норвежского написания неуместно. Целесообразно использовать упрощенное русифицированное с переводом на русский язык в сноске.

“Slåvsju” (NV). ‘Шилавзью* (* Как хорошо с тобой (англ.).).

“Jua dedænsin kvin” (NV) ‘[— Ой, я ее обожаю! — воскликнула Лисе и запела:] — Юа де дэнсин квин...* (* Ты — танцующая королева (англ.).)

Слова и тексты из шведского языка, родственного норвежскому и близкому ему, в норвежских книгах, как правило, приводятся в оригинальном написании и без перевода. В одной из четырех книг Ю Несбё шведско-язычные персонажи произносят длинные монологи. Давать в тексте шведский оригинальный вариант тем более невозможно, что по сюжету один отрицательный персонаж, в действительности прилетевший на Землю с Луны (!), но изображающий из себя шведа, на время узурпировал в Норвегии власть и несколько раз обратился ко всему населению Норвегии по телевидению в прямом эфире на шведском языке. Все норвежцы легко понимали его без перевода. Воспроизведение его речей и других

многочисленных реплик на шведском языке в этой абсурдной ситуации с последующим русским переводом в сноске выглядело бы очень странным. Поэтому русский перевод шведского языка дается прямо в тексте, но при этом наличествует некоторое количество языковых ошибок, намекающих на речь иностранца: «Все должны делать, что я сказать» и т. п.

Уникальной особенностью Норвегии является наличие двух национальных вариантов норвежского языка, в частности использование совершенно официального с теми же правами на гражданство новонорвежского языка (называемого также «нюношк»), который по лексике и произношению существенно отличается от основного норвежского языка («букмол»).

В книгах Ю Несбё есть два периодически появляющихся персонажа, которые говорят только на новонорвежском языке. Пока действие происходит на территории Норвегии, читатель воспринимает это нормально. Вполне можно представить себе лиц, предпочитающих говорить на новонорвежском языке, в частности, солдат, несущих службу в столице у королевского дворца. Совершенно ясно, что основным смыслом является создание комического эффекта, подчеркивание необразованности персонажей. Поэтому логичным представляется в переводе использовать разного рода русские просторечия: *Må ha vorre plass te et heilt lite orkester (NV)*. ‘А места, поди, хватит на маленький оркестр’.

Однако автор идет дальше. Главные герои легко путешествуют и во времени, и в пространстве. И всюду они наталкиваются на эту парочку любителей новонорвежского языка. Герои попадают, например, в шатер Наполеона Бонапарта в ответственный момент мировой истории — накануне битвы под Ватерлоо. Пожалуйста, и тут на страже стоят два французских солдата, которые говорят на новонорвежском.

“Kva i all verda var det?.. Eg trudde det var du som naus... Sjå... Kva var det?.. Hadde eg ikkje visst betre, ville eg trudd det var ein sprell levande fyr i nattdrakt” (NT). ‘Чего-чего тут такое-этакое?.. Я, понимаешь, подумал, что это ты чихнул... Глянь-ка... Что там такое-этакое?.. Кабы я не знал, что этакого не может быть никогда, я бы подумал, что живой человек, одетый в ночную рубашку, летает по небу...’

Эти же «новонорвежские» стражники охраняют перед казнью французскую героиню Жанну д'Арк. “Kva skal dette tyde?” (NT). ‘И чо это значит?’

В целом можно сказать, что, несмотря на трудности в языковом плане, перевод таких книг доставляет переводчику большую радость.

ЛИТЕРАТУРА

- Nesbø* Ю. Доктор Проктор и его волшебный порошок / пер. Б. С. Жарова. СПб.: Азбука, 2013. 208 с.
- Nesbø* Ю. Доктор Проктор и его машина времени / пер. Б. С. Жарова. СПб.: Азбука, 2013. 304 с.
- Nesbø* Ю. Доктор Проктор и конец света (как бы) / пер. Б. С. Жарова. СПб.: Азбука, 2013. 320 с.
- Nesbø* Ю. Доктор Проктор и великое ограбление / пер. Б. С. Жарова. СПб.: Азбука, 2014. 240 с.
- Nesbø, Jo.* Doktor Proktors prompepulver. Oslo, 2007 (NP).
- Nesbø, Jo.* Doktor Proktors tidsbadekar. Oslo, 2008 (NT).
- Nesbø, Jo.* Doktor Proktor og verdens undergang. Kanskje. Oslo, 2010 (NV).
- Nesbø, Jo.* Doktor Proktor og det store gullrøveriet. Oslo, 2012 (NG).

REFERENCES

- Nesbø, Jo.* Doktor Proktor i ego volshebnyi poroshok [Doctor Proktor's Fart Powder], per. B.S. Zharova [transl. by B.S. Zharov]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2013, 208 s.
- Nesbø, Jo.* Doktor Proktor i ego mashina vremeni [Doctor Proktor's Fart Powder: Bubbie in the Bath tub], per. B.S. Zharova [transl. by B.S. Zharov]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2013, 304 s.
- Nesbø, Jo.* Doktor Proktor i konets sveta (kak by) [Doctor Proktor's Fart Powder: The End of the World. Maybe], per. B.S. Zharova [transl. by B.S. Zharov]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2013, 320 s.
- Nesbø, Jo.* Doktor Proktor i velikoe ograblenie [Doctor Proktor's Fart Powder: The Great Gold Robbery], per. B.S. Zharova [transl. by B.S. Zharov]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2014, 240 s.
- Nesbø, Jo.* Doktor Proktors prompepulver [Doctor Proktor's Fart Powder]. Oslo, 2007 (NP).

Nesbø, Jo. Doktor Proktors tidsbadekar [Doctor Proktor's Fart Powder: Bubble in the Bathtub]. Oslo, 2008 (NT).

Nesbø, Jo. Doktor Proktor og verdens undergang. Kanskje [Doctor Proktor's Fart Powder: The End of the World. Maybe]. Oslo, 2010 (NV).

Nesbø, Jo. Doktor Proktor og det store gullrøveriet [Doctor Proktor's Fart Powder: The Great Gold Robbery]. Oslo, 2012 (NG).

Жаров Борис Сергеевич

Кандидат филологических наук, доцент кафедры скандинавской и нидерландской филологии, филологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет.
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9

Boris Zharov

Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Scandinavian and Dutch Philology, Faculty of Philology, St. Petersburg State University.
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

E-mail: b.zharov@spbu.ru

Б. С. ЖАРОВ

Санкт-Петербургский государственный университет

С. В. ПЕТРОВ И ДИСКУССИЯ О ШВЕДСКОЙ ЭТИМОЛОГИИ «АТЬ-ДВА»

Ключевые слова: шведский язык, этимология слова «*ать* (*ать-два*)», фонетические трансформации.

Сергей Владимирович Петров (1911–1988), замечательный поэт, прозаик и переводчик, на конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии в Ленинграде в 1965 г. предложил свою трактовку происхождения слова «ать». Он предположил, что оно вошло в русский язык в допетровскую эпоху из шведской команды *ett, två, tre* (один, два, три). На том же заседании в дискуссии выступил автор этой статьи, который изложил фонетическое объяснение сочетания «ать-два» как результат трансформации по правилам русского произношения счета «раз-два...». В статье показаны этапы этой трансформации: «(р)аС-Тдва...».

BORIS ZHAROV

St. Petersburg State University

S. V. PETROV & DISCUSSION ABOUT SWEDISH ETYMOLOGY OF “АТЬ-ДВА”

Keywords: Swedish, etymology of the word «*ать* (*ать-два*)», Phonetic changes.

Sergey V. Petrov (1911–1988), a famous Russian writer and translator, suggested his etymology of the word “*ать*” during the Second Nordic conference in Leningrad in 1965. He explained that the word was based on the Swedish *ett, (två, tre)* which Swedish military instructors introduced to Rus-

sian solders in the 17th century. At the same conference the author of the article suggested his etymology, based on the Phonetic changes of the Russian «раз-два...». The article shows the stages of transformation.

Сергей Владимирович Петров (1911–1988) — замечательный поэт, прозаик и переводчик, жизнь которого сложилась драматически. Он родился в Казани, поступил на отделение западноевропейских языков и культур факультета языкознания и материальной культуры (ЯМФАК) Ленинградского университета в 1928 г. Проявив необыкновенные языковые способности, в 1931 г. он досрочно закончил факультет, который за это время сменил название на Ленинградский институт лингвистики и истории (ЛИЛИ). В течение года после окончания преподавал здесь же немецкий язык. Много лет спустя, уже в 1970-е гг., С. В. Петров вспоминал этот период, когда в течение одного семестра руководил семинаром по художественному переводу для студентов кафедры скандинавской филологии ЛГУ. А тогда, в 1930-е гг., он начал преподавать шведский язык в Высшем военно-морском училище имени М. Фрунзе, являясь одновременно консультантом по шведскому языку в Военно-морской академии. Учебников шведского языка не существовало, и он написал свой учебник, который готовился к изданию, но судьба распорядилась по-другому. В 1933 г. С. В. Петров был по ложному обвинению арестован, последовали три года тюрьмы, а потом 17 лет сибирской ссылки, во время которой он в самых разных учебных заведениях многих городов преподавал английский, немецкий, французский, латинский язык, а иногда заодно гигиену.

С 1954 г. он преподавал немецкий язык в Новгородском педагогическом институте, в начале 1970-х гг. переехал в Ленинград. С этого времени публикуются его многочисленные переводы. Филологам-скандинавистам С. В. Петров стал известен, прежде всего, замечательными переводами поэзии скальдов, которая, как считалось, вообще не может быть переведена стихами [Поэзия скальдов, 1979], кроме этого, также переводами многочисленных поэтических и прозаических произведений литературы Скандинавии [Бельман, 1995; Якобсен, 1962]. Но список языков, с которых он переводил, необыкновенно широк. В 1960 г. он стал руководить

семинаром по переводу при Ленинградском отделении Союза писателей.

В это время он часто привлекался издательствами к редактированию переводов. Редактором он был необыкновенно внимательным, проявлявшим поразительные знания и чувство языка. Однажды он редактировал сборник рассказов М. Андерсена Нексе для издательства «Художественная литература». Один из рассказов шел под названием «Осенний перелет птиц». Прочитав перевод, С. В. Петров отметил, что в русском заглавии есть только буквальный смысл, но не отражен намек на стремление героя улететь далеко от земных забот. Переводчики ответили, что по-русски этого не выразить. Редактор подумал всего несколько секунд и сказал: «Почему не выразить? Например, „Осенняя тяга“». Именно этот вариант названия вошел в печатный текст [Андерсен Нексе, 1967. С. 262; 1978. С. 300]¹.

Тогда мало кто знал, что, начиная с 1920-х гг., С. В. Петров постоянно писал собственные стихи, отличающиеся необыкновенным богатством лексики, совершенством стиля и поисками формы². О его поэтическом даровании говорит то, что поэт Евгений Евтушенко, работавший над антологией «Тысяча лет русской поэзии», назвал его «незамеченным гением» [Евтушенко, 2008].

С. В. Петров не занимался систематическими исследованиями в области лингвистики, но, будучи человеком энциклопедических знаний, проявлял интерес ко всем сторонам языка. Во время работы Второй всесоюзной научной конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии, которая проходила в Ленинграде в сентябре 1965 г., он выступил с докладом, в котором предложил оригинальную трактовку происхождения слова «*ать*». Он предположил, что оно вошло в русский язык еще в допетровскую эпоху из шведской команды *ett, två, tre* (один, два, три). В качестве аргументации были описаны подробности захвата шведами крепости в Ладогe (позже Старой Ладогe) и последующей осады крепости воеводой Салтыковым, которая завершилась добровольной сдачей шведами крепости. Поскольку в последующем некоторое количе-

¹ Переводчики — Б. Жаров, И. Куприянова.

² Позже они не раз издавались: [Петров, 2008].

ство пленных шведов стало инструкторами русских воинов, они, по мнению С. В. Петрова, вполне могли подарить им слово «*ать*», хотя это тогда не было зафиксировано. Через несколько лет после конференции С. В. Петров опубликовал в «Скандинавском сборнике» статью, содержащую основные положения этого доклада [Петров, 1969. С. 51–53].

Шведское объяснение происхождения слова «*ать*» стало широко известным. В качестве примера можно привести шедшую в 2013 г. по Первому каналу телепередачу, где прозвучал лингвистический вопрос: «Какое слово, по мнению некоторых филологов, появилось в русском языке, благодаря шведскому числительному „один“?»³. Подразумевался ответ: «*ать*».

Автор этих строк присутствовал на заседании, которое проходило в 1965 г. в здании филологического факультета ЛГУ и принял участие в обсуждении. Не касаясь шведской этимологии, он выдвинул свою версию происхождения выражения «*ать-два*», для чего использовал фонетическую подготовку, полученную им в период обучения на кафедре фонетики ЛГУ.

Начать следует с того, что «*ать*» никогда не использовалось изолированно, а всегда входило в состав комплекса «*ать-два*». Этот оборот также никогда не был официально признанной командой в языке военнослужащих. Официальным счетом шагов, которым новобранцев обучали ходить «в ногу», причем обязательно с левой ноги (вспомним знаменитые «сено-солома» для малограмотных крестьян, не знавших, где лево, где право), всегда были чисто русские слова: «Раз (подразумевается «один раз»), два, три, четыре». Реже всего и только в самом начале этот полный счет звучит подряд. Когда ритм задан, далее достаточно говорить: «Раз... Раз... Раз... Два...». При многократном — на практике сотни, возможно, тысячи раз в течение дня — повторении этого счета командиром подразделения наблюдаются хорошо известные фонетические явления. Разберем их по этапам.

³ Телевизионный клуб «Что? Где? Когда?», 15 июня 2013 г., вопрос был задан жителем Уфы. «Знатоки» не только не дали ожидавшегося ответа, но и опозорились, сказав: «По-шведски „один“, по-видимому, „уно“, которое дало русское слово „она“(!)». На это последовала ироническая реплика ведущего: «Видимо, раньше слова „она“ в русском языке не было?»

- 1) Первое слово произносится всегда по нескольку раз. При этом последняя согласная первого слова по законам русского произношения непременно должна оглушаться: раС... раС... раС... (два... три... четыре).
- 2) При соприкосновении с конечным глухим согласным последующий звонкий согласный также оглушается: раС... раС... раС...Т-два... (три... четыре).
- 3) Согласные С и Т произносятся кончиком языка, так что в результате при многократном повторении они соединяются в один: раС... раС... ра-СТ-два... (три... четыре).
- 4) Начальный согласный первого слова Р — дрожащий звук, крайне неудобный и утомительный для многократного повторения. Нормальное звучание в русском языке наблюдается при 2–4 колебаниях кончика языка.

Если необходимо произнести этот согласный громко и отчетливо, то надо сделать гораздо больше колебаний. При этом получаются весьма забавные на слух для постороннего слушателя, но совершенно естественные для говорящего крики старшины типа: «Р-р-рота, р-р-разойдись!» Можно также вспомнить аффектированное чтение собственных стихов поэтами перед большой аудиторией. Это делали практически все поэты, выступавшие в эпоху «оттепели» в Москве на площади Маяковского, что сохранилось в многочисленных записях.

А вот если не делать особых усилий, то при многочисленных повторениях колебаний кончика языка окажется меньше двух, и тогда этот звук вообще не будет слышен: (р)аС... (р)аС... (р)аС-Тдва... (три... четыре).

Подводим итог. В результате фонетических преобразований в соответствии с законами русского произношения вместо подразумеваемого при многократном повторении счета «раз... два» неминуемо появляется звучание: «...аСТдва», которое обычно не сами говорящие, а те, кто слушает, воспринимают как нечто похожее на «ать-два».

Но если существует простое фонетическое объяснение, основанное на русском произношении, то вообще нет необходимости вовлекать в процесс рождения этого замечательного слова шведских военных инструкторов далекого XVI в. Ведь вот и сам

С. В. Петров признает: «...форма „ать“ фиксируется значительно позже петровской эпохи» [Петров, 2008. С. 53].

Автор этих строк после конференции излагал свою трактовку этимологии «ать-два» на заседаниях кафедры фонетики ЛГУ и этимологического семинара под руководством проф. Ю. В. Откупщикова, где она была одобрена. Но публикации этой трактовки тогда не последовало.

ЛИТЕРАТУРА

- Андерсен Нексе М. Молодость: Рассказы / пер. Б. Жарова, И. Куприяновой. Л.: Художественная литература, 1967. 376 с.
- Андерсен Нексе М. Рассказы / пер. Б. Жарова, И. Куприяновой. Л.: Художественная литература, 1978. 400 с.
- Бельман К. М. Послания, песни и завещание Фредмана в переводах С. В. Петрова. СПб.: Изд-во Чернышева, 1995. 160 с.
- Евтушенко Е. Незамеченный гений // Новые Известия. 2008. 23 авг.
- Петров С. В. Собрание стихотворений. СПб.: Водолей Publishers, 2008. Кн. 1–2. 640 с.
- Петров С. В. О происхождении слова «ать» // Скандинавский сборник. Таллин, 1969. Вып. 14. С. 51–53.
- Поэзия скальдов. Л.: Наука, 1979. 186 с.
- Якобсен Й. П. Фру Мария Груббе / пер. С. Петрова, В. Адмони. М.; Л.: Художественная литература, 1962. 256 с.

REFERENCES

- Andersen Nekse M. Molodost': Rasskazy [Adolescence: Short stories], per. B. Zharova, I. Kuprijanovoj [transl. by B. Zharov, I. Kuprijanova]. Leningrad, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1967, 376 s.
- Andersen Nekse M. Rasskazy [Short stories], per. B. Zharova, I. Kuprijanovoj [transl. by B. Zharov, I. Kuprijanova]. Leningrad, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1978, 400 s.
- Bel'man K.M. *Poslaniia, pesni i zaveshchanie Fredmana v perevodakh S.V. Petrova* [Letters, songs and will of Friedman translated by S.V. Petrov]. St. Petersburg, Chernyshev's Publ., 1995, 160 s.
- Evtushenko E. Nezamechennyi genii [Invisible genius]. *Novye Izvestiia*, 2008, 23 avg.
- Petrov S.V. *Sobranie stikhotvorenii* [The collection of poems]. St. Petersburg, Vodolei Publishers, 2008, kn. 1–2 [vol. 1–2], 640 s.

Petrov S.V. O proiskhozhdenii slova «at'» [On the origin of the word “*amb*”]
Skandinavskii sbornik [Scandinavian collection]. Tallin, 1969, vyp. 14,
s. 51–53.

Poeziia skal'dov [The poetry of Scalds]. Leningrad, Nauka Publ., 1979, 186 s.
Iakobsen I. P. Fru Mariia Grubbe [Fru Marie Grubbe], per. S. Petrova,
V. Admoni [transl. by S. Petrov, V. Admoni]. Moscow; Leningrad, Khu-
dozhestvennaia literatura Publ., 1962, 256 s.

Жаров Борис Сергеевич

Кандидат филологических наук, доцент кафедры скандинавской
и нидерландской филологии, филологический факультет,
Санкт-Петербургский государственный университет.
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9

Boris Zharov

Candidate of Philology, Associate Professor,
Department of Scandinavian and Dutch Philology,
Faculty of Philology, St. Petersburg State University.
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

E-mail: b.zharov@spbu.ru

Е. Л. ЖИЛЬЦОВА

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова

СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПРИЧИННОСТИ В ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: сложное предложение, шведский язык, семантика причинности.

В статье рассматриваются три группы сложных предложений в шведском языке, как сложноподчиненных, так и сложносочиненных, объединенных значением причинности, но имеющих при этом свои структурные и коммуникативные особенности. В каждой из этих групп выделяется доминирующий тип предложений с союзами *för att*, *eftersom* и *för*, которые, как показал сравнительный анализ произведений шведской художественной литературы середины XX в. и конца XX — начала XXI в., постепенно вытесняют предложения с союзами *därför att*, *då* и *ty*.

ELENA ZHILTSOVA

Lomonosov Moscow State University

COMPLEX SENTENCES WITH CAUSAL SENCE IN SWEDISH

Keywords: complex sentence, causal, modern Swedish.

The article describes complex sentences which express cause in modern Swedish. Different types of these sentences have specific structural and lexical features. According to these features there are three groups of sentences. Each group has the main type of sentence which is more useful than the

other. The sentences with subjunction *för* are used most often in modern Swedish literature because they have free structure which lets the speakers communicate more information.

В современном шведском языке в сложных предложениях (СП) с семантикой причинности употребляются как подчинительные (*därför att, för att* «*потому что, так как*», *eftersom, då* «*поскольку*»)¹, так и сочинительные (*ty* «*потому что, ибо*», *för* «*оттого что, потому что*») союзы, обладающие специализированным значением причины.

Семантически рассматриваемые СП представляют ситуацию, в рамках которой два события связаны отношениями причинной обусловленности [Русская грамматика, 1981. С. 576] и одно из них служит достаточным основанием для реализации другого. При этом содержание союзной части играет роль мотивирующего фактора, тогда как бессоюзная часть информирует о следствии. Таким образом, между частями СП устанавливаются причинно-следственные отношения, которые могут реализовываться либо как собственно-причинные, либо как несобственно-причинные².

В предложениях с **собственно-причинным** значением союзная часть сообщает о непосредственной причине того, о чем говорится в бессоюзной: *Och vi lade märke till henne för att hon var så ung* (Fredriksson) «*И мы обратили на нее внимание, потому что она была такой молодой*».

В предложениях с **несобственно-причинным** значением факт, представленный в союзной части, является косвенным свидетельством или аргументом, на основе которого делается вывод, содержащийся в бессоюзной части [Svenska Akademiens grammatik, 2000. S. 625]: *Hon sov när jag kom hem, förklarade Gabriella, för då tittade jag in till henne* (Lang) «*Она спала, когда я пришла домой, — пояснила Габриэлла, — потому что тогда я заглянула к ней в комнату*».

¹ В шведском языке существуют и другие союзные средства, выражающие причинные отношения. Это подчинительные союзы *emedan, enär* [Wellander, 1948. S. 352], предлог *efter* и относительное местоимение *som* [Чекалина, 1984. С. 93]. Однако в настоящее время они почти вышли из употребления, не встречаются в произведениях шведской художественной литературы, послуживших материалом для данного исследования, и поэтому не рассматриваются в статье.

² Термины заимствованы из [Русская грамматика, 1981. С. 576].

Как видно из приведенных примеров, шведские СП причины, обозначая один и тот же тип взаимообусловленности двух событий, по форме могут быть как сложноподчиненными (СПП), так и сложносочиненными (ССП), в зависимости от того, какое союзное средство в них употреблено. Многие шведские исследователи указывают на синонимию и взаимозаменяемость СПП и ССП со значением причины. Так, по мнению авторов Шведской Академической грамматики, причинные ССП, которые в шведской грамматической традиции именуется поясняющими (*explanativa*), «могут заменяться на СПП, в которых второй части сложносочиненного предложения соответствует придаточное причины» [Svenska Akademiens grammatik, 2000. S. 942]. Того же мнения придерживался и Н. Бекман еще в начале прошлого века, указывая, что отнесение союзов *ty* и *för* к сочинительным, а *emedan*, *då* и *eftersom* к подчинительным «представляется странным, поскольку они означают почти совершенно одно и то же» [Beckman, 1964. S. 198].

Различия между причинными ССП и СПП Н. Бекман усматривал не на уровне семантики, а лишь на уровне синтаксиса [Beckman, 1964. S. 198]. В СПП придаточная часть, вводимая подчинительным союзом, имеет маркированный порядок слов, характеризующийся отсутствием инверсии и предфинитной позицией фразовых обстоятельств: *Han stannade eftersom han inte hade bråttom* (Sundman) «Он остановился, потому что не спешил». В союзной части ССП сохраняется порядок слов самостоятельного предложения: в них возможна инверсия, а при прямом порядке слов фразовые обстоятельства стоят после финитной формы глагола: *Det här måste vara trickfotograferat på något sätt, för så här kan man bara inte göra* (Gardell) «Это, наверное, какие-то комбинированные съемки, потому что так делать просто невозможно»; *Jag kan inte vända mig till någon, för jag finns ju inte till för någon...* (Ahlin) «Я не могу ни к кому обратиться, потому что я ведь не существую ни для кого...».

Наряду с категориальными особенностями структуры, СПП и ССП с каждым отдельным союзом имеют свои характерные черты, обусловленные рядом синтаксических и коммуникативных факторов.

СПП с союзами *därför att* и *för att* очень близки и даже идентичны, о чем свидетельствует употребление однородных прида-

точных с этими союзами, объединенных сочинительной связью, в рамках одного СП: «Nämen Gunnar», sa Anders därför att mamma sa så och för att han just nu hade ett ryck då han härmades (Thorvall) «„Ну, Гуннар“, — сказал Андерс, потому что мама так сказала и оттого что его только что одернули, когда он передразнивал». СПП с этими союзами являются предложениями негибкой структуры, поскольку в них придаточная часть в абсолютном большинстве случаев находится в постпозиции по отношению к главной. Придаточное обычно имеет простую синтаксическую структуру, для него не характерно употребление большого количества второстепенных членов.

Придаточные причины только с этими союзами могут употребляться самостоятельно в диалогической речи при ответе на вопрос о причине того или иного события. Главная часть при этом подвергается эллипсису: — Varför har du inte berättat det? — Därför att jag slog bort det (Mankell). — «Почему ты не рассказал об этом? — Потому что я отогнал от себя эту мысль». Такое употребление подтверждает тезис Шведской Академической грамматики о том, что придаточные с союзами därför att и för att «имеют большую информативную значимость по сравнению с главной частью» [Svenska Akademiens grammatik, 2000. S. 629], т. е. являются коммуникативным центром предложения, его ремой. Рематическое придаточное нередко присоединяется к чисто формальной главной части det är, которая служит лишь для его дополнительного выделения. Следствие же события, составляющего содержание придаточного, выражено в предшествующем высказывании: Alla är rädda för honom. Det är för att han är så bister (Gardell) «Все его боятся. Это потому что он такой суровый».

Придаточная часть с рассматриваемыми союзами может также выделяться посредством ограничительного наречия bara «только», подчеркивающего, что указанное в придаточном основание представляется единственно возможным, и усилительного наречия just, выделяющего выраженную придаточным причину из ряда других: Vi besökte dem bara för att vi tyckte om Marilyn (Fredriksson) «Мы навещали их только потому, что нам нравилась Мерилин»; Men sådant sladder hade han aldrig trott på, just därför att han inte trodde att det ens vore fysiskt möjligt... (Guillou) «Но в эту болтовню он

никогда не верил именно потому, что считал, что это было бы невозможно даже физически...». Следует отметить, что встречающаяся крайне редко препозиция придаточной части с союзами *därför att* и *för att* возможна лишь в случае употребления перед союзом указанных усилительно-выделительных наречий. В таких СПП имеет место эмфаза препозитивной придаточной части: Just därför att samtalet hållit en gymnasial ton hade han först inte tagit Roberts berättelse om Wennerström på allvar... (Larsson) «Именно потому, что они разговаривали, как гимназисты, он поначалу не принял рассказ Роберта о Веннерстреме всерьез...».

Предложения с союзом *eftersom*, в отличие от СПП с *därför att* и *för att*, обладают гибкой структурой — придаточное может занимать препозицию, постпозицию, а иногда даже интерпозицию по отношению к главной: Vid rättegången kunde fadern inte, eftersom han var så ädel, åberopa självförsvaret (Guillou) «На судебном процессе отец не мог, поскольку он был слишком благороден, привести аргументы в свою защиту». При постпозиции придаточного *eftersom* и *därför att* (*för att*) могут быть «в значительной мере взаимозаменяемы» [Svenska Akademiens grammatik, 2000. S. 628]: Linda försvann eftersom Hans ropade på henne (Mankell) «Линда вышла, потому что ее позвал Ханс». Напротив, при препозиции придаточного *eftersom* не может быть заменен ни одним из этих двух союзов: Eftersom husen var av sten måste belastningen på grunden vara förfärligt stor... (Guillou) «Поскольку дома были из камня, нагрузка на фундамент должна была быть очень большой...».

Препозиция придаточного с союзом *eftersom* встречается чаще всего (70% проанализированных примеров). В таких предложениях основную информацию содержит главная часть, и поэтому говорящий выделяет ее, помещая в конец СПП. Придаточное же, находящееся в инициальной позиции, в этом случае обеспечивает логическую связь с предыдущим контекстом. Поэтому СПП с препозитивным придаточным нередко бывают частью более сложных синтаксических структур, в частности, ССП, присоединяясь к их первой части посредством сочинительного союза: Och när han bekräftat det började hon fråga om vikingar och eftersom han själv var så passionerat intresserad av ämnet hade han svar på nästan allt (Guillou) «И когда он подтвердил это, она начала спрашивать про викин-

гов, и, поскольку он сам был страстно заинтересован этой темой, у него был ответ почти на все».

СПП с союзом *då* в структурном и коммуникативном плане идентичны СПП с *eftersom*. В них придаточная часть также чаще находится в препозиции, а СПП в целом представляет собой часть еще более сложной синтаксической структуры: *Christers brev anlände till pensionat Fryksdalen vid niotiden på lördagsmorgonen, och då det var adresserat enbart till Einar behärskade jag min nyfikenhet och lade det öppnat i handväskan (Lang) «Письмо Кристера пришло в пансионат Фриксдален около 9 часов утра в субботу, и, поскольку оно было адресовано Эйнару, я поборола любопытство и положила его нераспечатанным в сумочку».*

ССП с сочинительными союзами *för* и *ty* также имеют сходные морфосинтаксические признаки. Союзная часть, обозначающая основание, всегда располагается в них после той части предложения, которая выражает следствие: *Aj, sa mumintrollet för han hade bränt sig (Jansson) «„Ай“, — сказал Муми-троль, потому что он обжегся».* Союзные части ССП отличаются также значительно большим лексическим богатством и морфологическим и синтаксическим разнообразием, чем придаточные причины в СПП. В них употребляются нехарактерные для придаточных отрицательные местоимения *ingen* «никакой» и *ingenting* «ничто» и модальные частицы *ju, nog, väl* «ведь, же»: *Han darrar för det finns ingen väg ut ur detta (Gardell) «Он дрожит, потому что из этого нет никакого выхода»; Gunnar tyckte många gånger att det hade passat bättre att säga «Nämen mamma», för nog var det hon som var konstig och inte han (Thorvall) «Гуннар много раз думал, что более подходящим было бы сказать: „Ну, мама“, потому что ведь это она была странная, а не он».*

В силу того, что после *för* и *ty* возможна инверсия, в качестве замещающего предфинитную позицию исходного компонента вводимой ими части ССП может выступать не только подлежащее, как в придаточном, но и другие члены предложения: *Det hade hänt förr och det skulle hända igen, ty sådan var kustfolkets lott i livet (Guilou) «Это случалось прежде, и это будет случаться снова, потому что такова была участь людей на побережье».* Нередко союзная часть ССП представляет собой СПП с препозитивным придаточ-

ным времени или условия: *Egentligen är det ruskigt olikt Gabriella alltihop, för om jag ska vara uppriktig, så är hon faktiskt inte någon snobb...* (Lang) «На самом деле все это ужасно непохоже на Габриеллу, потому что, если быть искренней, то она, в сущности говоря, никакой не сноб...»; *Egentligen borde hon låta allt förbli hemligt, för så länge allt är hemligt kan det vara som hon vill...* (Gardell) «На самом деле ей нужно было сохранить все в тайне, потому что, пока все остается в тайне, все может быть так, как она хочет...».

За счет такой гибкости структуры союзная часть ССП обладает богатым арсеналом средств для выражения смысловой связи с предшествующей частью предложения и тем самым для выражения коммуникативной перспективы ССП в целом. Для связи с предшествующей частью ССП в предфинитной позиции после союзов *för* и *ty* употребляются обстоятельства *där* «там», *då* «тогда», *i så fall* «в таком случае», *så* «так» и ряд других, а также прямой объект, выраженный местоимением *det* «это», указывающие на всю первую часть предложения или какой-либо из его членов, а иногда даже на предшествующее высказывание, и акцентирующие на них внимание слушающего: *Marianne skriker att hon vill läsa en stund i sängen, för det brukar hon alltid få för mamma* (Gardell) «Марианна кричит, что она хочет немного почитать в постели, потому что это ей обычно всегда разрешает мама»; *Och de får inte ändras för då blir man jätteorolig* (Fredriksson) «И их нельзя менять, потому что тогда начнешь сильно беспокоиться»; *Jo då, visst var det sant, det där med Nangijala! Jonatan ville att jag skulle skynda mej att komma dit, för där är så bra på alla sätt, sa han* (Lindgren) «Ну да, конечно, это было правдой, все это про Нангиялу! Юнатан хотел, чтобы я поспешил приехать туда, потому что там так хорошо во всех отношениях, — сказал он».

Нередко, когда в предфинитную позицию в союзной части помещается выраженное распространенным словосочетанием или придаточным обстоятельством места или времени, несущее исходную информацию, предикативный центр, вытесняемый таким образом в конец предложения, выделяется как носитель информации новой: *Jag låg vaken mycket länge, men till sist måste jag väl ändå ha slumrat till, för när Christer kom för att meddela att pappa var död, sov jag* (Lang) «Я очень долго лежал без сна, но в конце концов я, навер-

ное, все же задремал, потому что, когда Кристер пришел, чтобы сообщить, что папа умер, я спал».

В ССП с *för* и *ty* сочинительная синтаксическая связь между частями намного более слабая, чем подчинительная связь между частями в причинных СПП. Поэтому части ССП, вводимые этими союзами, могут функционировать как самостоятельные предложения, обозначая при этом причину того события, о котором говорится в предыдущем высказывании: *Han har nästan tänkt säga till pappa att porträttet kunde hängas upp igen. För Juha är inte rädd av sig, det ska ingen kunna komma och säga (Gardell) «Он уже почти собрался сказать папе, что портрет можно повесить снова. Потому что Юха не трус, никто не может этого сказать»*; *En kvarts timme senare hittade man Severin och bar honom hem till hans moster. Ty hans mamma var bortrest och hans pappa hade alltid varit bortrest och därför bodde han hos sin moster (Kyrklund) «Четверть часа спустя Северина нашли и отнесли домой к его тетке. Потому что его мама была в отъезде, а его папа всегда был в отъезде, и поэтому он жил у своей тетки»*.

Таким образом, проведенный анализ показал, что по своим структурно-синтаксическим признакам СП со значением причинности разделяются на три подгруппы: СПП с союзами *därför att* и *för att*, СПП с союзами *eftersom* и *då* и ССП с союзами *för* и *ty*. В каждой из этих подгрупп, в свою очередь, выделяется доминирующий, наиболее употребительный, тип СП и периферийный, менее употребительный. Опираясь на результаты проведенного исследования, можно сделать вывод о том, что доминирующими типами СП со значением причинности в языке современной шведской художественной литературы являются предложения с союзами *för att*, *eftersom* и *för*. Эти СП вытесняют соответственно предложения с периферийными союзами *därför att*, *då* и *ty*. Особенно наглядно процесс такого вытеснения демонстрирует сравнительный анализ частотности употребления СП с различными причинными союзами в ряде произведений шведской художественной литературы 40–60-х гг. XX в. и последних четырех десятилетий (с 70-х гг. XX в. по 2011 г.), послуживших материалом для данной статьи. Так, если в произведениях 40–60-х гг. доля СП с союзом *därför att* составила 7%, с союзом *ty* — 6% и с союзом *då* — 3%, то в про-

изведениях последних сорока лет предложения с *därför att* и *ty* являются единичными и составляют всего 1% от общего количества примеров, а СПП с союзом *då* отсутствуют совсем. Особенно следует отметить, что в произведениях последних четырех десятилетий все большее распространение получают ССП причины с союзом *för*. Они составляют более 75% всех примеров, тогда как СПП с *för att* — 15%, а с *eftersom* — около 9%. В произведениях же 1940–1960-х гг. доля ССП с союзом *för* составила лишь чуть больше 50%. Вряд ли поэтому можно считать справедливым для современного шведского языка утверждение, что *för*, наряду с *för att*, характерны только для разговорной речи [Svenska Akademiens grammatik, 2000. S. 940; Beckman, 1964. S. 198; Wellander, 1948. S. 353]. В проанализированных произведениях оба эти союза активно используются как в диалогах персонажей, имитирующих устный язык, так и в авторской речи. Причины «экспансии» ССП с *för*, вероятно, заключаются в том, что их союзная часть значительно более свободна и разнообразна в структурном плане, чем придаточные части СПП, структура которых строго регламентирована. Это дает возможность говорящему или пишущему выразить посредством предложений с союзом *för* более богатое содержание и тем самым достичь лучшего результата в процессе коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

- Русская грамматика: в 2 т / под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 2: Синтаксис. М.: Наука, 1981. 717 с.
- Чекалина Е. М. Грамматика шведского языка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 105 с.
- Beckman N. Svensk språklära för den högre elementarundervisningen. Stockholm: Svenska Bokförlaget Bonniers, 1964. 318 s.
- Svenska Akademiens grammatik. Del 4. Stockholm: Norstedts Ordbok, 2000. 977 s.
- Wellander E. Riktig svenska. Stockholm: Svenska bokförlaget, 1948. XVI, 813 s.

REFERENCES

- Russkaia grammatika* [Russian Grammar]. V 2 t [In 2 vol.]. Pod red. N.Iu. Shvedovoi [Chief-editor N.Iu. Shvedova]. T. 2 [Vol. 2]: Sintaksis [Syntax]. Moscow, Nauka, 1981, 717 s.

- Chekalina E.M. *Grammatika shvedskogo iazyka* [Swedish Grammar]. Moscow, Mosk. Univ. Publ., 1984, 105 s.
- Beckman N. *Svensk språklära för den högre elementarundervisningen* [Swedish linguistics for the higher elementary teaching]. Stockholm, Svenska Bokförlaget Bonniers, 1964, 318 s.
- Svenska Akademiens grammatik* [Swedish Academy Grammar]. Del 4. [Part 4]. Stockholm, Norstedts Ordbok, 2000, 977 s.
- Wellander E. *Riktig svenska* [Correct Swedish]. Stockholm, Svenska bokförlaget, 1948, XVI, 813 s.
-

Жильцова Елена Леонидовна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры германской и кельтской филологии, филологический факультет, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1

Elena Zhiltsova

Candidate of Philology, Associate Professor,
Department of Germanic and Celtic Philology, Faculty of Philology,
Lomonosov Moscow State University.
GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
E-mail: el-zhilc@yandex.ru

С. Ю. КОНОНОВА

Санкт-Петербургский государственный университет

**ПРОБЛЕМА ИССЛЕДОВАНИЯ
СЕМАНТИКИ ГЛАГОЛОВ С ПОСТВЕРБАМИ
В ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ НА ПРИМЕРЕ ГЛАГОЛОВ
С ПОСТВЕРБАМИ *IN, UT***

Ключевые слова: шведский язык, глаголы с поствербами, семантика, семантический анализ.

Статья посвящена проблеме исследования семантики глаголов с поствербами в шведском языке. В центре проблемы находится взаимодействие между глаголом и поствербом, приводящее к изменению семантики простого глагола или созданию нового интегративного значения. Проведенное исследование показало необходимость комплексного подхода к семантике сложных глаголов, а также выявило основные принципы воздействия поствербов *in/ut* на семантику простого глагола.

SVETLANA KONONOVA

St. Petersburg State University

**THE PROBLEM OF STUDYING
THE SEMANTICS OF PHRASAL VERBS:
SWEDISH PHRASAL VERBS
WITH THE POSTVERBS *IN AND UT***

Keywords: Swedish language, phrasal verb, semantics, semantic analysis.

The meaning of the Swedish particles analyses when these function as verbal particles and thereby, together with the verb, build semantic units — phrasal

verbs. The analysis, primarily based on cognitive semantics, includes semantically regular as well as lexicalized phrasal verbs, and seeks to explain the polysemy of the particles in/ut.

Глаголы с поствербами (partikelverb) представляют собой значительную группу фразовых глаголов в шведском языке. В центре проблемы исследования семантики глаголов с поствербами оказывается взаимодействие между глаголом и поствербом, приводящее к изменению семантики простого глагола или созданию нового интегративного значения, которое не может быть описано при отдельном изучении самих поствербов или при изучении конкретных значений, отличающих глаголы с поствербами от исходных простых глаголов.

Существует различие между «собственным значением языкового знака и его реализацией в процессе коммуникативного акта» [Касевич, 2006. С. 380]. Углубление наших познаний в области семантики во многом связано с развитием представлений о релятивизации значения. Данная мысль неоднократно высказывалась в работах шведских лингвистов Дж. Олльвуда и Л. Андерссона [Allwood, Andersson, 1976. S. 50]. В сочетании с поствербом у глагола могут возникать несколько лексико-семантических вариантов. Проблема релятивизации значения связана с семантическими изменениями той или иной лексической единицы в процессе коммуникации. Соответственно, для понимания семантики глаголов с поствербами большое значение имеет контекст.

Очевидно, что значение слова реализуется в контексте высказывания, т. е. оно релятивно по отношению к высказыванию. Значение высказывания точно так же реализуется в тексте, а значение текста — в ситуации общения. Ч. Нурен [Norén, 1992. S. 244–251] и Т. Юханниссон [Johannisson, 1939. S. 25] используют в своих работах термин «*usuell betydelse*» для обозначения собственного значения языкового знака и «*ockasionell betydelse*» для обозначения значения, реализованного в определенной ситуации общения. С точки зрения семантики, значение глагола с поствербом, с одной стороны, может быть комбинаторно обусловлено, а с другой стороны, лексикализовано. В случае если значение глагола с поствербом

невозможно вывести путем сложения значений входящих в него компонентов, говорят о высокой или низкой степени лексикализации значения.

Семантический анализ поствербов шведского языка предполагает углубленное исследование обширной и широкоупотребительной группы фразовых глаголов. Количество лексических единиц, способных выступать в таких глаголах в функции постверба, также достаточно велико, что в свою очередь определяет необходимость разного подхода к разным поствербам. В работе, посвященной историческому и семантическому анализу шведских глаголов с поствербом *till*, Н. Челльман выдвигает мысль о том, что «сравнение глагола с частицей и простого глагола не является исчерпывающим и обоснованным без указания на семантику частицы» [Kjellman, 1929. S. 119]. Методом анализа Н. Челльмана является *uppdelningsmetod* ‘метод разделения’, в основе которого лежит идея о том, что у каждого компонента есть собственное значение, которое влияет на значение целого. Для проведения семантического анализа глаголов с поствербами важным представляется воспользоваться мыслью С. Хелльберга [Hellberg, 1984. S. 65–67], предложенной в статье, посвященной вопросам семантики, о возможности образования и употребления в разных коммуникативных ситуациях глаголов с поствербами при слитном и раздельном написании. В статье разрабатывается принцип комплексного подхода к семантике сложных глаголов. Нередко собственное значение постверба остается за рамками анализа. Это связано с тем, что частица нередко определяется как «семантически несамостоятельная часть речи» [Jørgensen, Svensson, 1986. S. 40]. Однако рассмотрение вопроса воздействия поствербов на семантику глагола заключается именно в комплексном всестороннем описании собственных значений поствербов и их способности сочетаться с теми или иными типами глаголов.

Особенно интересным и малоизученным является проведение семантического анализа глаголов с поствербами и построение классификаций, основанных на теоретических положениях когнитивной лингвистики. Исследование семантики глаголов с поствербами следует считать тесно связанным с изучением процессов

мышления и структурирования наших знаний об окружающем мире в языке и в процессе коммуникации.

В ходе проведения семантического анализа глаголов с поствербами *in/ut* была применена «теория сферы», предложенная Дж. Лакоффом и М. Джонсоном в работе, посвященной вопросам когнитивной лингвистики английского языка. Согласно этой теории, выделяется два типа сфер — прототипическая и непрототипическая. По мнению американских лингвистов, разделение картины мира на некие сферы является основной схемой для представления и описания окружающего нас мира [Lakoff, 1990. S. 54]. Прототип сферы, как любой трехмерный предмет, обладает неким заданным центром и периферией, т. е. внешними границами. В работе высказывается мысль о том, что «мы практически всегда накладываем такую схему на существующую действительность для более точного описания картины мира» [Johnson, 1987. S. 125].

Существует ряд физических объектов, которые могут классифицироваться как прототипические сферы (дом, гараж, машина). С другой стороны, можно выделить большое число как физических, так и абстрактных понятий, которые также нередко концептуализируются как сфера (общество, память). Деление сферы на прототипическую и непрототипическую, а также основные положения данной теории легли в основу проведения анализа описания семантической характеристики поствербов *in/ut*. Полученная в ходе работы классификация отражает принципы употребления поствербов и изменение их семантики.

1. Первичным ориентиром для определения направления действия, выраженного с помощью поствербов *in/ut*, является трехмерный объект, внутрь которого можно что-то поместить. Ориентир, по отношению к которому совершается действие, остается неизменным, в то время как субъект или объект действия меняет свое положение. В большинстве случаев поствербы *in/ut* указывают на противоположное направление движения или действия. Так, постверб *in* в большинстве случаев указывает на движение внутрь закрытого пространства (*ställa in mjölken i kylskåpet* ‘поставить молоко в холодильник’), в то время как постверб *ut* предполагает противоположное на-

правление, из закрытого пространства в открытое (ställa ut varog 'выставлять товар', gå ut ur huset 'выходить из дома'). В случае если текучие вещества приобретают характеристики «оболочки», глагольное действие протекает в двухмерном пространстве (tvåla in 'намылить'). В редких случаях постверб in указывает на движение вниз по вертикальной шкале (läcka in 'протекать'). Заметим, что данное значение более свойственно поствербу ner (falla ner 'падать вниз', komma ner 'спускаться вниз').

2. Согласно другому положению «теории сферы», на описание траектории движения по отношению к центру определяющим образом влияет *перспектива*. На примере употребления глаголов с поствербами in/ut можно показать, что в зависимости от положения говорящего одно и то же действие может быть описано с помощью разных поствербов (gå in i trädgården 'войти в сад', gå ut i trädgården 'выйти в сад').
3. Понятие сферы может также лежать в основе образования большой группы метафор шведского языка и накладываться на такие явления, как человеческая сфера, обозначение эмоций, процессов памяти и мыслительной деятельности (öva in sitt tacktal 'заучивать благодарственную речь'); сфера явлений и процессов общественной жизни (lämna in ansökan 'подать заявление'); замкнутая группа людей (träda ut ur kyrkan 'выйти из церкви'); сфера спорта (kasta sig in i spelet 'бросаться с головой в игру') и сфера абстрактных понятий, например, времени (gå in i en ny epok 'войти в новую эпоху').

Однако далеко не все глаголы с поствербами in/ut можно классифицировать исходя только из положений теории сферы. Семантический анализ — это многогранный анализ, состоящий из множества компонентов, полноценную характеристику которых невозможно построить, основываясь на положениях отдельных теорий. В ходе проведения анализа материала были также выделены следующие положения.

1. Поствербы in/ut могут указывать на перфективность глагольного действия (andas ut 'выдохнуть', ställa in 'отменить', jämna ut 'выровнять').

2. В некоторых случаях употребление постверба *ut* связано с процессом уменьшения (*ebba ut* ‘сходить на нет’) и передает значение действия протяженного во времени, но стремящегося к своему завершению (*brinna ut* ‘выгорать’).
3. В ряде случаев значение глаголов при употреблении постверба *ut* дополняется отрицательными коннотациями, что во многом может быть связано с лексическим значением простого глагола (*dö* ‘умирать’ — *dö ut* ‘вымирать’, *torka* ‘сушить’ — *torka ut* ‘засыхать’, *skratta* ‘смеяться’ — *skratta ut* ‘высмеивать’, *arbeta* ‘работать’ — *arbeta ut sig* ‘изнурять себя работой’).
4. Поствербы *in* и *ut* могут способствовать появлению оттенков значения уменьшения и увеличения у простого глагола, не изменяя его семантику (*dra in på kakor* ‘есть меньше печенья’, *spilla ut vatten* ‘разлить воду’).

Проведенное исследование показало важность восприятия изучаемых глаголов как целостных единиц номинации с высокой частотностью употребления и многозначностью. Построение классификации дало возможность установить основные принципы воздействия поствербов *in/ut* на семантику простого глагола. Семантический потенциал глагольных компонентов и их структурная вариативная подвижность находятся в зависимости друг от друга. Чем шире семантика глагола, тем легче он подвергается изменениям и образует разные лексико-семантические варианты.

Многие глаголы могут употребляться в разных контекстах, что в свою очередь усложняет определение границ значения того или иного глагола. Исходя из этого, можно предположить, что из всех частей речи больше всего сложностей в изучении и употреблении связано с глаголами, в частности с глаголами с поствербами.

В связи с тем, что глаголы с поствербами составляют значительный пласт словарного состава, их анализ является актуальным и необходимым для выяснения путей его пополнения, а также позволяет рассмотреть номинативную роль данной группы глаголов. Свидетельством целесообразности проведения подобных исследований является количественный рост этих образований и их функциональная активность в процессе коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

- Kasevich B. B. Труды по языкознанию. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. 664 с.
- Allwood J., Andersson L. G. *Semantik*. Göteborg: Institute för lingvistik, Göteborgs universitet, 1976. VI, 223 p.
- Hellberg S. Ta över eller överta // *Sanningen om svenskan*. 75 artiklar om vårt språk. Göteborg, 1984. S. 65–67.
- Johannisson T. Verbal och postverbal partikelkomposition i de germanska språken. Lund, 1939. 381 s.
- Johnson M. *The Body in the Mind. The Bodily Basis of Reason and Imagination*. Chicago: University of Chicago Press, 1987. XXXVIII, 233 p.
- Jørgensen N., Svensson J. *Nusvensk grammatik*. Malmö: Liber, 1986. 216 s.
- Kjellman N. Partikeln till i sammansättning med verb // *Nysvenska studier*. Uppsala, 1929, Årg. 9. S. 119.
- Lakoff G. The Invariance hypothesis. Is abstract reason based on image schemas // *Cognitive Linguistics* 1. Chicago; London, 1990. Pp. 39–74.
- Norén K. Att sätta samman eller sammansätta. Ett försök till klassificering av svenska flerledade (verb)uttryck ur lexikologisk synvinkel // *Svenskans beskrivning*. Lund, 1992. Årg. 19. S. 244–251.

REFERENCES

- Kasevich V. B. *Trudy po iazykoznaniiu* [Linguistic studies]. St. Petersburg, Filologicheskii fakul'tet SPbGU Publ., 2006, 664 s.
- Allwood J., Andersson L.G. *Semantik* [Semantics]. Göteborg, Institute för lingvistik, Göteborgs universitet, 1976, VI, 223 p.
- Hellberg S. *Ta över eller överta. Sanningen om svenskan* [The truth about the Swedish language]. 75 artiklar om vårt språk [75 articles about our language]. Göteborg, 1984, s. 65–67.
- Johannisson T. *Verbal och postverbal partikelkomposition i de germanska språken* [Verbal and post-verbal particle compositions in the Germanic languages]. Lund, 1939, 381 s.
- Johnson M. *The Body in the Mind. The Bodily Basis of Reason and Imagination*. Chicago, University of Chicago Press, 1987, XXXVIII, 233 p.
- Jørgensen N., Svensson J. *Nusvensk grammatik* [Modern Swedish grammar]. Malmö, Liber, 1986, 216 s.
- Kjellman N. Partikeln till i sammansättning med verb [Particle *till* in the verb compositions]. *Nysvenska studier*. Uppsala, 1929, Årg. 9, s. 119.
- Lakoff G. The Invariance hypothesis. Is abstract reason based on image schemas. *Cognitive Linguistics*. 1. Chicago; London, 1990, pp. 39–74.

Norén K. *Att sätta samman eller sammansätta. Ett försök till klassificering av svenska flerledade (verb)uttryck ur lexikologisk synvinkel* [Classification of the Swedish multi-jointed (verb)expressions from the lexicological point of view]. *Svenskans beskrivning* [Description of the Swedish language]. Lund, 1992, Årg. 19, s. 244–251.

Кононова Светлана Юрьевна

Аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет.
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9

Svetlana Kononova

Post-graduate student, St. Petersburg State University.
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

E-mail: svetik.kononova@gmail.com

E. B. КРАСНОВА

Санкт-Петербургский государственный университет

**ПРОБЛЕМА ОБРАЗОВАНИЯ
И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДАТСКИХ КОМПОЗИТОВ
В КОНТЕКСТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ
ДАТСКОГО ЯЗЫКА**

Ключевые слова: словообразование, сложное слово, датский язык.

Словосложение является основным словообразовательным способом в датском языке. Несмотря на то, что словосложение имеет как специфические, так и универсальные черты в различных языках, этому явлению не уделяется должного внимания в контексте преподавания датского языка иностранным студентам, особенно носителям славянских языков. В статье предлагается система ориентиров для успешного овладения правилами образования датских композитов, а также их верной интерпретации.

ELENA KRASNOVA

St. Petersburg State University

**ON CREATION AND INTERPRETATION
OF DANISH COMPOUNDS
FOR THE PURPOSES OF TEACHING DANISH**

Keywords: Word formation, compound, Danish.

Compounding is a major word formation process in Danish. We argue that compounding has both specific and universal features in different languages and that the role of compounding is often underestimated in the teaching

of Danish for foreigners, especially for those from the Slavic countries. The set of guidelines is suggested to help Russian students with the creation and interpretation of Danish compounds.

Один из наиболее актуальных вопросов современной композитологии — изучение механизмов образования и интерпретации сложных слов в языках, где словосложение является основным словообразовательным механизмом. В скандинавских языках окказиональные или так называемые *ad hoc-compounds* могут создаваться говорящим в речи «по случаю» с целью осуществления определенного коммуникативного намерения, при этом не только иностранцы, но и носители языка зачастую допускают двойное толкование (*sommerbørn* в зависимости от контекста может означать и «детей, рожденных летом», и «детей, приезжающих на лето к бабушке и дедушке»). Еще больше вопросов у носителей языка и у иностранцев могут вызывать эллиптические сложные слова или структурно-немотивированные композиты (по терминологии О. Д. Мешкова [Мешков, 1976]), в которых отсутствует непосредственная связь между компонентами (*burkaforslag*, *oplevelsesgave*, *sneaflysning*). Вместе с тем именно эти группы композитов интересны как с теоретической точки зрения, так и в практике преподавания иностранного языка, поскольку именно при образовании окказиональных и структурно-немотивированных сложных слов проявляются основные словообразовательные механизмы, свойственные языку.

Словосложению посвящена обширная теоретическая литература на материале многих языков в рамках различных теоретических школ и с использованием различных методов анализа [Adams, 1973; Levi, 1978; Marchand, 1960; Ryder, 1994; Warren, 1978; Павлов, 1985; Степанова, Фляйшер, 1984]. Большая часть исследований проводилась на материале английского и немецкого языков и многие из результатов исследования применялись позднее к другим языкам [Kobayasi, Tokunaga, Tanaka, 1994. Pp. 865–869; Моуна, 2011]. Вместе с тем очевидно, что принципы словосложения и семантические прототипы в разных языках при наличии некоторых универсальных черт характеризуют и специфические особенности, которые обнаруживаются, в частности, при сравнении датского языка с русским.

Очевидно, именно предположение об универсальном характере принципов словосложения привело к тому, что этой теме не уделяется должного внимания в контексте преподавания датского языка. Упражнения на овладение механизмами создания сложных слов практически отсутствуют в учебных пособиях и учебных материалах, подготовленных в Дании для иностранных студентов. Этому факту можно найти и другое объяснение. Ведь для носителя датского языка проблемы создания окказионального композита не существует, именно поэтому она оказывается несущественной в контексте преподавания¹.

Вместе с тем очевидно, что для носителей славянских языков, где словосложение не является продуктивным словообразовательным способом и где набор моделей композитов ограничен, овладение механизмами образования сложных слов и приобретение навыков интерпретации представляют особую сложность. Русскоязычные студенты нередко создают громоздкую конструкцию с несколькими предложениями там, где можно использовать компактное сложное слово (*et middel til beskyttelse af træ* вместо *et træbeskyttelsesmiddel* или *person, som er mistænkt for terror* вместо *terrormistænkt*). При этом попытка самостоятельно создать сложное слово может закончиться неудачей, и в процессе коммуникации это слово совсем не обязательно будет понято носителями языка.

Опираясь на контрастивный анализ датского и русского языков, на результаты исследования семантических и синтаксических особенностей датского сложного слова и на основные модели интерпретации, можно выделить пять основных направлений, в рамках которых следует работать со сложным словом: *написание сложного слова, произношение сложного слова, создание сложного слова, интерпретация сложного слова, перевод сложного слова*.

Проблема *написания сложного слова* в основном актуальна для современной Дании, где наблюдается тенденция к ошибочному

¹ Следует отметить, что в последнее время в Дании был разработан ряд упражнений для младших школьников, в которых предлагается составить сложное слово из отдельных элементов. Однако эти упражнения носят скорее характер игры или служат для обучения чтению. Примеры таких упражнений представлены на сайте: <http://www.duda.dk/opgaver/dansk/sammensatte-ord/sammensatte-ord.html>.

раздельному написанию сложного слова при нормативном слитном или дефисном написании — возможно, под влиянием английского языка. У русских студентов раздельное написание встречается крайне редко, но овладение навыками использования соединительных элементов требует времени и выполнения большого количества упражнений, тем более, что, как показывают исследования, сложно определить строгий набор правил использования этих элементов [Szubert, 2009. S. 237–244].

Правильное произношение сложных слов является одной из основных проблем при овладении датским языком, поскольку русские учащиеся автоматически переносят модель ударения русского сложного слова на датский язык (ср. *рус.* кораблестроение и *дат.* 'skibs,bygning) и произносят датские сложные слова с ударением на втором компоненте. В связи с этим уже на этапе проведения вводного фонетического курса требуется постепенное введение упражнений на сложные слова. В дальнейшем, при работе с текстами, следует обращать особое внимание на ударение в сложных словах.

Вопрос овладения механизмами *создания сложного слова* тесно связан с проблемой *интерпретации сложного слова*, которая в последнее время привлекает внимание исследователей, в первую очередь, в связи с трактовкой окказиональных композитов разного типа. Наибольшее распространение получили три основные модели интерпретации.

1. Контекстуальная модель, согласно которой широкий контекст помогает разрешить семантическую неопределенность. Однако в некоторых случаях изолированные окказиональные или структурно-немотивированные композиты легко поддаются интерпретации, и оказывается, что широкий контекст совсем не обязателен для интерпретации *ad hoc*-композитов [Coolen, Van Jaarsveld, Schreuder, 1991. Pp. 341–352].
2. Вторая модель основывается на так называемой теории «фрейм-слот», согласно которой механизм порождения речи предполагает наличие некоторой модели построения речевого произведения («фрейма»), которая в процессе речепроизводства заполняется конкретными знаковыми единицами («слотами»).

3. При использовании «аналоговой модели» значения лексикализованных композитов используются в качестве образца или модели при интерпретации нелексикализованных композитов [Derwing, Skousen, 1989. Pp. 48–62; Ryder, 1994].

Если первая из предложенных моделей может использоваться в контексте преподавания датского языка лишь на занятиях по аналитическому чтению — при анализе катафорического или анафорического использования композита в тексте, то использование фреймового подхода при овладении механизмами создания и интерпретации композитов может оказаться чрезвычайно плодотворным при работе с лексикой. В типичном сложном слове со вторым опорным компонентом первый компонент конкретизирует или уточняет признак предмета или явления, что представляется чрезвычайно интересным для анализа процесса категоризации в различных группах композитов.

Проиллюстрировать это можно на примере построения фрейма для категории наименования типов жилья, состоящей из нескольких базовых категорий. Значение различных категориальных признаков при наименовании различных типов жилья (*glashytte, feriehytte, fiskerhytte, pensionistlejlighed, jernalderhytte, vinterbolig, bjerghytte, funkisvilla, højhus, ejerlejlighed, velhavervilla, luksuslejlighed*) можно наглядно представить в виде схемы (на с. 89), где в качестве «типа жилья» может использоваться любая базовая категория, относящаяся к данной группе, например, слова *hus, lejlighed, villa, hytte, bolig* и т. п.

Такое изображение композитов с категориальными признаками является наглядным, но при этом обладает и целым рядом недостатков, в первую очередь потому, что представляет собой некое упрощение и не всегда может объяснить существующие модели [Краснова, 2012]. Вместе с тем оно оказывается чрезвычайно плодотворным для усвоения продуктивных правил создания композита и может быть использовано как основа для создания целого ряда упражнений, помогающих овладеть механизмами создания композитов в датском языке.

Для формирования у студентов понимания и навыков создания окказиональных композитов предлагается определенная последовательность выполнения заданий.

1. Студентам представляют схему приведенного выше типа, основанную на материалах Корпуса датского языка [<http://ordnet.dk/korpusdk>] для группы слов, имеющих общую базовую категорию и категориальные признаки разного типа, и предлагается проанализировать их, сформулировав названия признаков.
2. Студентам предлагается самостоятельно составить подобные схемы для нескольких базовых категорий на основе данных Корпуса датского языка, определить категориальные признаки и прокомментировать составленные схемы, определив общие черты.

3. Студентам предлагается перевести русские словосочетания, содержащие один базовый признак, с использованием датских композитов.
4. Студентам предлагается дать компактный и адекватный перевод окказиональных композитов на русский язык.

Аналоговая модель интерпретации композитов также может оказаться полезной в практике преподавания датского языка. Эта модель объясняет интерпретацию целого ряда структурно-немотивированных композитов или так называемых «модных» слов, поскольку говорящий не пользуется определенным набором регулярных продуктивных правил, актуальных для данного языка, а прибегает к одной из уже существующих в языке моделей, выбирая ее в качестве образца.

Аналоговая модель предполагает, что неопределенность в трактовке композита, неясность взаимоотношений между первым и вторым элементами разрешается на основе проведения аналогии с лексикализованными композитами. При разработке упражнений в данном случае следует учитывать четыре уровня аналогии: от конкретного до наиболее абстрактного. Особенно продуктивными оказываются упражнения на частотный первый компонент, представляющий собой конкретное существительное (*by-, bus-, land-, krise-, samfund-*), или на использование частотного второго компонента, представляющего собой существительное с расширенной семантикой или метафорическим переносом (*-effekt, -flade, -kløft, -konflikt, -pakke, -syndrom*), где студентам предлагается пополнить ряды на основе нескольких примеров.

В датском языке, как и в других скандинавских языках, субстантивная модель сложного слова является самой распространенной. При этом в отличие от других моделей, например, «глагол + существительное», «прилагательное + существительное», она является наименее «прозрачной» для русских учащихся, поскольку семантические и синтаксические связи между элементами в ней наименее ярко выражены. Это еще один аргумент в пользу необходимости уделять внимание проблеме образования и интерпретации композитов в контексте преподавания датского языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Краснова Е. В.* Проблема описания сложного слова в датском языке // Скандинавская филология (Scandinavica). Вып. 12. СПб., 2012. С. 65–74.
- Мешков О. Д.* Словообразование современного английского языка. М.: Наука, 1976. 312 с.
- Павлов В. М.* Понятие лексемы и проблема отношений синтаксиса и словообразования. Л.: Наука, 1985. 299 с.
- Степанова М. Д., Фляйшер В.* Теоретические основы словообразования в современном немецком языке. М.: Высшая школа, 1984. 264 с.
- Adams V.* An Introduction to Modern English Word-Formation. London: Longman, 1973. VIII, 230 p.
- Coolen R., Van Jaarsveld H. J. V., Schreuder R.* The interpretation of isolated novel nominal compounds // Memory and Cognition. Vol. 19. 1991. Pp. 341–352.
- Derwing B.L., Skousen R.* Real-time morphology: symbolic rules or analogic networks? // Proceedings from the fifteenth annual meeting of the Berkeley Linguistic Society. Berkeley, 1989. Pp. 48–62.
- Kobayas, Y., Tokunaga, T., Tanaka H.* Analysis of Japanese compound nouns using collocational information // Proceedings of the 15th International Conference on Computational Linguistics (COLING'94), 1994. Pp. 865–869.
- KorpusDK [Электронный ресурс]. URL: <http://ordnet.dk/korpusdk>.
- Levi J. N.* The Syntax and Semantics of Complex Nominals. New York; San Francisco; London: Academic Press, 1978. XXIV, 301 p.
- Marchand H.* The Categories and Types of present-day English Word-formation: a synchronic-diachronic approach. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1960. XIII, 379 p.
- Моyna M. I.* Compound Words in Spanish: Theory and history. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 2011. 451 p.
- Ryder M. E.* Ordered Chaos: The Interpretation of English Noun-Noun Compounds. Berkley; Los Angeles; London: University of California Press, 1994. XI, 449 p.
- Szubert A.* Bindeelementer i danske nominalkomposita // Folia Scandinavica. 2009. Vol. 10. S. 237–244.
- Warren B.* Semantic Patterns of Noun-noun Compounds (Gothenburg Studies in English 41). Goteborg: Acta Universitatis Gothoburgensis, 1978. 266 p.

REFERENCES

- Krasnova E.V. Problema opisaniia slozhnogo slova v datskom iazyke [The problem of compounding in the Danish language]. *Skandinavskaiia filologiiia (Scandinavica)* [Scandinavian Philology (Scandinavica)]. Vyp. 12 [Vol. 12]. St. Petersburg, 2012, s. 65–74.
- Meshkov O.D. *Slovoobrazovanie sovremennogo angliiskogo iazyka* [Word-formation in the modern English language]. Moscow, Nauka Publ., 1976, 312 s.
- Pavlov V.M. *Poniatie leksemy i problema otnoshenii sintaksisa i slovoobrazovaniia* [The concept of lexeme and relation between syntax and word-formation]. Leningrad, Nauka Publ., 1985, 299 s.
- Stepanova M.D., Fliiaisher V. *Teoreticheskie osnovy slovoobrazovaniia v sovremennom nemetskom iazyke* [The theoretical bases of word-formation in the modern German language]. Moscow, Vysshiaia shkola Publ., 1984, 264 s.
- Adams V. *An Introduction to Modern English Word-Formation* Longman. London, Longman, 1973, VIII, 230 p.
- Coolen R., Van Jaarsveld H.J.V., Schreuder R. The interpretation of isolated novel nominal compounds. *Memory and Cognition*, vol. 19, 1991, pp. 341–352.
- Derwing B.L., Skousen R. *Real-time morphology: symbolic rules or analogic networks?* Proceedings from the fifteenth annual meeting of the Berkeley Linguistic Society. Berkeley, 1989, pp. 48–62.
- Kobayas Y., Tokunaga T., Tanaka H. *Analysis of Japanese compound nouns using collocational information*. Proceedings of the 15th International Conference on Computational Linguistics (COLING'94), 1994, pp. 865–869.
- KorpusDK [Danish corpus]. URL: <http://ordnet.dk/korpusdk>.
- Levi J.N. *The Syntax and Semantics of Complex Nominals*. New York; San Francisco; London, Academic Press, 1978, XXIV, 301 p.
- Marchand H. *The Categories and Types of present-day English Word-formation* Otto Harrassowitz. Wiesbaden, Otto Harrassowitz, 1960, XIII, 379 p.
- Moyna M. I. *Compound Words in Spanish. Theory and history*. Amsterdam and Philadelphia, Benjamins, 2011, 451 p.
- Ryder M.E. *Ordered Chaos. The Interpretation of English Noun-Noun Compounds*. Berkley; Los Angeles; London, University of California Press, 1994, XI, 449 p.
- Szubert A. Bindeelementer i danske nominalkomposita [Linking elements in Danish nominal compounds]. *Folia Scandinavica*, 2009, vol. 10, s. 237–244.
- Warren B. *Semantic Patterns of Noun-noun Compounds* (Gothenburg Studies in English 41). Goteborg, Acta Universitatis Gothoburgensis, 1978, 266 p.

Краснова Елена Всеволодовна

Кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой скандинавской и нидерландской филологии, филологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет.
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9

Elena Krasnova

Candidate of Philology, associate professor,
Head of the Department of Scandinavian and Dutch Philology,
Faculty of Philology, St. Petersburg State University.
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

E-mail: e.krasnova@spbu.ru

Э. Б. КРЫЛОВА

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова

ДАТСКИЕ ЧАСТИЦЫ КАК ИНДИКАТОРЫ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ ГОВОРЯЩЕГО

Ключевые слова: модальная частица, коммуникативная стратегия, эпистемическая модальность.

Статья посвящена контрастивно-прагматическому анализу датских вопросительных предложений с частицами *da*, *vel* и *så*. Предпочтение говорящим той или иной частицы для использования в сходных контекстных условиях сигнализирует о выборе им разных коммуникативных стратегий, определяющих его позицию по отношению к собеседнику, его стратегиям, к сложившейся ситуации, а также устанавливающих меру ответственности говорящего за свое высказывание.

ELVIRA KRYLOVA

Lomonosov Moscow State University

DANISH PARTICLES AS MARKERS OF SPEAKER'S COMMUNICATIVE STRATEGIES

Keywords: modal particle, communicative strategy, epistemic modality.

The article presents a contrastive-pragmatic analysis of Danish interrogative sentences with a shared meaning of doubt, but different modal particles. The speaker's use of one or another particle in similar contextual conditions signals about his or her reaction to the fellow interlocutor's speech or to the current situation, about the speaker's desire to express his or her attitude to them or to influence the fellow interlocutor. Thus, modal particles serve as a sort of indicators of the speaker's communicative strategy.

...Endnu en gang ser vi at et grammatisk valg påvirker hele kommunikationen og således ikke kun det enkelte område, det repræsenterer.

*Per Durst-Andersen*¹

Коммуникативная стратегия одного из участников коммуникации нацелена на получение со стороны другого определенного результата, как коммуникативного, так и поведенческого. Формирование такого речевого поведения основывается на анализе целого ряда факторов, включая саму ситуацию и личность коммуникантов. Стратегический план является, таким образом, своего рода гипотезой одного из участников коммуникации о достижении желаемого результата в случае успешного осуществления данного плана. Это, однако, не гарантирует его реализацию, т. к. любая вербальная коммуникация может быть расценена как попытка воздействия на другого человека. Реализуя свою речевую стратегию, говорящий становится одним из участников интерактивного процесса, другой участник которого проводит, в свою очередь, собственную стратегическую линию.

Выработка коммуникативной стратегии является ментальным действием коммуниканта, а тактические приемы ее реализации определяются вариативными возможностями системы конкретно языка [Тюпа, 2004. С. 66–87].

Датский язык, являясь языком аналитического строя, располагает определенным набором разноуровневых средств, используемых говорящим для вербального оформления своих речевых намерений и правильной их интерпретации адресатом. Коммуникативная стратегия говорящего может проявляться в самой структуре датского высказывания, в выборе и порядке следования его коммуникативных компонентов, а также в его просодическом рисунке [Крылова, 2012].

Особую роль в этой системе значимых единиц датского языка играют модальные частицы, семантический, просодический, структурный и позиционный потенциал которых используется говорящим для реализации своих стратегических целей:

(1) Det er **vel** kun interessant, fordi det er Lars von Triers film?

Наверно, это интересно, только потому что это фильм Ларса

¹ Durst-Andersen, 2011. S. 178.

фон Триера? (Предложение говорящего адресату своей гипотетической оценки ситуации в расчете на ее принятие, т. е. позитивную альтернативу ответа — Ja / Jo.)

(2) Er det **vel** kun interessant, fordi det er Lars von Triers film? *Разве это интересно, только потому что это фильм Ларса фон Триера?* (Пolemическая реакция говорящего на высказывание собеседника, выражающая сомнения говорящего в достоверности высказывания и расчет на негативную альтернативу ответа — Nej.)

(3) Du vil **nok** ikke hjælpe mig... *Ты, скорее всего, мне не можешь...* (Речевой акт гипотезы и ожидание отрицательного ответа — Nej.)

(4) Vil du ikke **nok** hjælpe mig? *Ну ты можешь мне?* (Речевой акт настойчивой просьбы, упрощивания и расчет на позитивную альтернативу ответа — Ja.)

В рамках данной статьи мы остановимся на сопоставительном анализе коммуникативных намерений говорящего, выраженных специальными средствами в одном и том же контексте вопросительного предложения: Hvad er / var mere naturligt end... «*Что (может быть) более естественно, чем...*». Особенностью вопросительных предложений такого типа является то, что они большей частью характерны для публицистической монологической речи, служат своеобразным средством ее диалогизации и чаще всего воспринимаются как вопросительно-риторические:

(5) Den tyske Wismar gjorde en ekstra indsats for at lokke studerende til byen sidste år. Og **hvad er mere naturligt** end at lokke med billige cykler. Alle nye studerende, der flyttede til byen, modtog 200 DM i tilskud til køb af en ny cykel.

Как показывает анализ языкового материала, в вопросительных предложениях такого типа могут также употребляться модальные частицы **vel**, **da** и **så**, которые, на первый взгляд, в целом никак не меняют исходного значения:

Hvad er **vel** mere naturligt end...

Hvad er **da** mere naturligt end...

Hvad er **så** mere naturligt end...

(6) <...> I denne tid fejres 600-året for Kalmarunionen. Så **hvad er vel mere naturligt end** at binde børn i Nord endnu tættere sammen via det store Net? Med officiel velsignelse fra de nordiske lande, er Valhalla genopstået, og du er velkommen til at klikke dig ind på: <http://valhallla.norden.org>.

(7) <...> I stedet for vedvarende uenighed om dåbsform, gendåb etc., burde alle kristne kirker blive enige om, at uden Helligånden bliver der ikke megen bøn fra hjertet af længsel efter Gud og heller ingen kraft til tjeneste. **Hvad er da mere naturligt, end** at alle kristne kirker læser på lektien og især gør noget ved det?

(8) Når man som ung skuespiller skal leve sig ind i rollen som Nissefar på 630 år, **hvad er så mere naturligt end** selv at flytte ind på loftet? Det gjorde skuespilleren Kristoffer Fabricius.

Проведенное нами ранее исследование большой группы датских частиц позволило выявить их функционально-семантические особенности и показать, что они являются самым субъективным коммуникативным средством в датском языке, т. к. выражают целый ряд субъективно-модальных значений и за каждой из них стоит сам говорящий, который в той или иной степени берет на себя ответственность за свое высказывание [Крылова, 2009. С. 275–285].

Таким образом, задача нашего исследования — определить, чем объясняется выбор говорящим той или иной частицы в сходных, на первый взгляд, коммуникативных и контекстных условиях, и описать их роль в оформлении речевых намерений говорящего.

1. **Hvad er vel mere naturligt, end...**

Функционально-семантический анализ частицы **vel** в различных структурах и контекстах высказывания позволил конкретизировать ее **прагмасемантический инвариант** как предложение говорящего слушающему принять свою гипотетическую оценку сложившейся ситуации и разделить с ним ответственность за ее достоверность. Это позволило определить частицу **vel** как **гипотетический экспликатив 2 лица** [Крылова, 2012. С. 14].

Vel, находясь в вопросительной структуре анализируемого предложения, выражает сомнение говорящего: «*Разве есть что-то*

более естественное, чем...» и его установку на негативную альтернативу ответа.

(9) Han var på jagt efter byens borgmester for at få en aktuel kommentar, og **hvad var 'vel mere naturligt** end at lede efter ham på rådhuset... — Intet.

При этом прототипически безударная частица оказывается в ударной позиции, что способствует усилению ее функциональной направленности на адресата, которого говорящий пробует «заразить» своим сомнением:

(10) Ferie, sommerhus og regnvej, hvad var **'vel mere naturligt end** at aflægge besøg på et af omegnens museer. Frederiksborg Slot skulle det være...

Модальная частица *vel* преобразует вопрос в высказывание, т. к. эксплицирует позицию говорящего. Выбор же из всех частиц именно этой обусловлен прежде всего тем, что частица имеет функциональную направленность на адресата, у которого говорящий ищет поддержки своей гипотетической оценки ситуации, как, например, в (10): «*Что было более естественно, чем нанести визит в один из близлежащих музеев?*». И это при том, что возможны и другие варианты разрешения сложившейся ситуации: посидеть дома с интересной книгой в руках или перед экраном телевизора, пригласить к себе гостей и т. п. Говорящий, однако, не пытается переубедить слушающего. Частица только эксплицирует его желание, чтобы слушающий солидаризировался с ним и признал его предложение наиболее естественным. Такое добровольное единение партнеров по коммуникации предполагает, в свою очередь, и разделение между ними ответственности за достоверность принятой оценки.

2. **Hvad er da mere naturligt, end...**

Модальная частица **da** относится к группе средств аффирмативной модальности, прототипической функцией которых является функция воздействия на слушающего, попытки повлиять на его мир, изменить его мнение, для чего, как предполагает говорящий,

ему достаточно высказать свое. В связи с наличием у частицы в прототипически безударной позиции функции целенаправленного воздействия на адресата, она, в отличие от *vel*, не имеет ударного варианта. В такой ситуации говорящему приходится брать всю ответственность за предпринимаемое на себя. Описанные функционально-семантические особенности частицы *da* позволили нам определить ее как **аффирмативный конклюдив I лица** [Крылова, 2012. С. 20].

Маркируя сомнение говорящего в достоверности конституирующего компонента вопроса, частица *da* так же, как и *vel*, выражает установку говорящего на отрицательный ответ собеседника: «*Что более естественно, чем ...? — Ничего*»:

(11) Dronning Margrethe førte rask an, da der pludselig opstod små indendørsarkitektoniske pladsproblemer på slottet i Berleburg. Dronningen var taget til sin nieces og sit gudbarns, prinsesse Alexandras, konfirmation og efter kirkehøjtidligheden samledes konfirmanden og forældre, prinsesse Benedikte og prins Richard sammen med fadderne i det smukke, private hjem. Er her en anelse for mange møbler, ja, **hvad er da mere naturligt, end** at man tager et nap med som “flyttemand” — om man så nok så meget er regerende dronning derhjemme?

Функционально-семантические особенности данного аффирмативного конклюдива объясняют стратегию его использования говорящим в ситуациях, когда есть или могут быть иные, возможно, отрицательные или скептические, оценки описываемых действий, например, к (11): «*Как можно заниматься перестановкой мебели в присутствии королевы?*». В связи с тем, что объектом целенаправленного воздействия говорящего является слушающий и его, возможно, иная точка зрения на ситуацию, вводимое частицей *da* мнение говорящего может восприниматься последним как обоснование ее правильности (11, 13), как критика чьих-либо действий или ситуации, описанной в анафорическом высказывании (17). Попытка говорящего отместить все иные точки зрения и навязать слушающему свою может также восприниматься как оправдание. Так, в примере (12) священник, которого могут критиковать за то, что «*идея изменения ритуала крещения не пришла в голову ему*

самому», сожалеет об этом, но пытается оправдать себя, убеждая слушающего в логичности произошедшего. Формируемая таким вопросительно-риторическим высказыванием с частицей *da* установка говорящего на негативную альтернативу ответа (= *net noget mere naturligt, end...*) является стратегической установкой на победу его плана. Ответственность за такое «навязывание» своего мнения слушающему берет на себя, разумеется, сам говорящий:

(12) <...> Og så var sandheden også, at det i virkeligheden slet ikke var mig, der undfangede ideen til denne ændring af dåbsritualet, desværre <...> Men når det er sagt, må det nødvendigvis tilføjes, at det nok ikke er helt tilfældigt, at det netop blev Morsø Frimenighed, der førte tanken ud i livet. **Hvad var da mere naturligt**, end at en så væsentlig ting som ændring af dåbsritualet <...> groede ud af menigheden selv?

(13) Efterhånden fik natteroderiet Mikael til at ønske sig en mere fast køreplan — og hvad var **da** mere naturligt end at oprette en rutebilsti?

Таким образом, выбирая именно этот аффирмативный конклюдив 1 лица, говорящий эксплицирует свою позицию по отношению к ситуации, ее возможным оценкам другими, а также к слушающему. Частица *da* сигнализирует, что говорящий, высказывая свое мнение о сложившейся ситуации, отмечает все другие и берет всю ответственность за это на себя.

3. **Hvad er så mere naturligt, end...**

Еще одной частицей, встречающейся в том же контексте, что *da* и *vel*, является частица *så*. При, казалось бы, общем для всех высказываний с частицей значении вопроса «*что есть / было более естественно, чем...*», выбор говорящим именно данного прагматического показателя также не является случайным, о чем свидетельствует анализ представленных ниже примеров:

(14) Det den århusianske rockgruppe lige kom forbi var Grønland, hvor Steffen Brandt og Co. turnerede i 14 dage i september og oktober. Og når de nu alligevel lige kom forbi, hvad var så mere na-

turligt, end at optage begivenhederne på film? Og det har de altså gjort.

(15) Han er en driftig mand, og nu, hvor firmaet med fire års eksistens hviler stabilt i sig selv og i Europa og næste skridt hedder USA, hvad er så mere naturligt end at købe et værtshus? <...> “Til hverdag består mit liv af jakkesæt og møder, og jeg savnede et sted, hvor jeg kunne dukke op i cowboybukser og drikke en øl med drengene...” siger Peter Jensen.

Используя частицу *så*, говорящий сигнализирует слушающему, что описанная в ближайшем контексте ситуация является условием / обоснованием логичности или успешности совершения действия, которое он считает наиболее естественным. *Så* является анафорической частицей и имеет эвиденциальное значение, т. к. отсылает слушающего к ситуации в реальной действительности, описанной в анафорическом высказывании. Говорящий специальными средствами выделяет ситуацию, обусловившую возможность или актуальность данного действия. Такими языковыми средствами в приведенных примерах являются союзы *da*, *når*, наречие *nu* *теперь, сейчас* и др. То, что выбор действия, эксплицируемого во второй части вопросительного высказывания с *så*, обусловлен самой ситуацией, снижает, или ограничивает, ответственность говорящего за оценку такого действия как наиболее естественного. Таким образом, частицу *så* можно отнести к **эвиденциальным ситуативам 3 лица**:

(16) Vi har to drenge med navnene Claus og Niels, så da den første skotte skulle have navn, blev en sammentrækning af de to drenge navne brugt — og **hvad var så mere naturligt end** at lade det blive vores firmanavn (Kennel Niela), da vi i 1992 fik kennelmærke.

(17) Når man som ung skuespiller skal leve sig ind i rollen som Nissefar på 630 år, **hvad er så mere naturligt end** selv at flytte ind på loftet? Det gjorde skuespilleren Kristoffer Fabricius.

Таким образом, частица *vel* как гипотетический экспликатив 2 лица маркирует установку говорящего на диалогическое согласие с ним слушающего, которому он предлагает принять свою гипотетическую оценку сложившейся ситуации и разделить с ним ответственность за нее.

Частица *da* как аффирмативный конклюдив 1 лица маркирует допущение говорящим возможности или наличия диалогического разногласия, т. е. иного, чем у него, мнения на сложившуюся ситуацию. Представляя свое мнение как единственно верное, говорящий отмечает, не рассматривая, все остальные точки зрения и берет всю ответственность за это на себя.

Частица *så* как эвиденциальный ситуатив 3 лица маркирует наличие определенной ситуации в реальной действительности, которая обуславливает естественность предлагаемого действия, ограничивая тем самым ответственность говорящего за этот выбор.

Таким образом, анализ однотипных высказываний вопросительной структуры, отличающихся функционированием в них одной из трех частиц (*da*, *vel* и *så*), показывает, что частицы, являясь индикаторами разных коммуникативных стратегий говорящего как субъекта высказывания, формируют практически разные высказывания, т. к. по-разному определяют как отношение говорящего к слушающему и ситуации, так и меру его ответственности за достоверность содержания высказывания: говорящий берет всю ответственность на себя (*da* — 1 л.), предлагает слушающему разделить ее с ним (*vel* — 2 л.) или перекладывает часть ответственности на другое лицо, что обусловлено ситуацией (*så* — 3 л.).

ЛИТЕРАТУРА

- Крылова Э. Б. Просодика и другие средства выражения прагматических значений в датском и русском языках // Контрастивные исследования языков мира. Материалы Третьих лингвистических чтений памяти В. Н. Ярцевой. ИЯ РАН. М., 2009. С. 275–285.
- Крылова Э. Б. Система и функции модальных частиц в датском языке. Автореф. дис. докт. филол. наук. М., 2012. 44 с.
- Тюпа В. И. Основания сравнительной риторики // Критика и семиотика. 2004: Вып. 7. С. 66–87.
- Durst-Andersen P. Bag om sproget. Det kulturmentale univers i sprog og kommunikation. Copenhagen: Hans Reitzel, 2011. 200 s.

REFERENCES

- Krylova E.B. *Prosodika i drugie sredstva vyrazheniia pragmaticheskikh znachenii v datskom i russkom iazykakh* [Prosody, and other means of expression of pragmatic values in the Danish and Russian]. *Kontrastivnye issle-*

dovaniia iazykov mira. Materialy Tret'ikh lingvisticheskikh chtenii pamiati V.N. Iartsevoi. IIA RAN [Contrastive study of languages. Readings of the third linguistic readings memory V.N. Yartseva. FL RAS]. Moscow, 2009, s. 275–285.

Krylova E.B. *Sistema i funktsii modal'nykh chastits v datskom iazyke. Avtoref. diss. dokt. filol. nauk* [System and function of modal particles in Danish. Thesis abstract. Doctor of Philol. Sciences]. Moscow, 2012, 44 s.

Tiupa V.I. *Osnovaniia sravnitel'noi ritoriki* [Grounds comparative rhetoric]. *Kritika i semiotika* [Criticism and Semiotics], 2004, vyp. 7 [vol. 7], s. 66–87.

Durst-Andersen P. *Bag om sproget. Det kulturmentale univers i sprog og kommunikation* [Behind the language. The culture mental universe of language and communication]. Copenhagen, Hans Reitzel, 2011, 200 s.

Крылова Эльвира Борисовна

Доктор филологических наук, доцент кафедры германской и кельтской филологии, филологический факультет, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1

Elvira Krylova

Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of Germanic and Celtic Philology,
Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University.
GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia

Email: elvira_krylova@yahoo.dk

ПЕТРА КУВЕ

Нидерландский Языковой Союз

ОТ ИНДИЙСКОГО АРХИПЕЛАГА ДО ГУЛАГА: СЛАВА МУЛЬТАТУЛИ В РОССИИ

Ключевые слова: Мультатули (Эдуард Дауэс-Деккер), Э. Выгодская, К. Паустовский, В. Астафьев, нидерландская литература XIX в., русская литература XX в., советская детская литература, положительный герой, голландская Ост-Индия, (анти)колониализм, литературное влияние.

Нидерландский писатель Мультатули (Эдуард Дауэс-Деккер, 1820–1887) сыграл значительную роль в русской литературе XX в. Русским читателям он был представлен как «певец свободы», анти-колониалист и «Солженицын XIX века», который на родине не всегда получал ту оценку, которую он заслуживал. Героический пример Мультатули вдохновлял таких значительных русских писателей, как Константин Паустовский и Виктор Астафьев.

PETRA COUVÉE

Dutch Language Union

FROM THE EAST INDIAN ARCHIPELAGO TO THE GULAG: MULTATULI'S FAME IN RUSSIA

Keywords: Multatuli (Eduard Douwes Dekker), E. Vygodskaya, K. Paustovsky, V. Astafyev, Dutch literature 19th century, Russian literature 20th century, children's literature in the Soviet Union, positive hero, Dutch East Indies, (anti)colonialism, literary influence.

The Dutch writer Multatuli (Eduard Douwes Dekker 1820–1887) has played a significant role in 20th century Russian literature. To the Russian reader he was presented as a bold freedom fighter, an anti-colonialist, both a fine

example of a positive hero and a “Solzhenitsyn of the 19th century”, who in his home country was never given the honour he deserved. Multatuli’s heroic example has been emulated by prominent Russian writers such as Konstantin Paustovsky and Viktor Astafyev.

В культуре, в которой страдание и его духовная ценность занимают такое важное место, как в русской, авторский псевдоним, означающий «многострадальный», или «я много вынес», просто не может не попасть в точку. Нидерландский писатель Мультиатули (Эдуард Дауэс-Деккер, 1820–1887) много переводился на русский [Ошис, 1971; Схелтъенс, 2003], влияние его на русскую литературу XX в. очевидно и значительно, в России по сей день чтят его память и считают героем свободного слова. В. В. Битнер еще до революции заложил фундамент русского почитания писателя в биографическом очерке «Мультиатули и его произведения»:

«Этот гениальный писатель, — пишет Битнер, — является „певцом свободы“ в самом широком смысле слова. Он не только боролся за освобождение яванцев из-под европейского ига и потому, по справедливости, должен быть назван голландским Бичер-Стоу, только несравненно более талантливым, чем эта писательница, — но „Мультиатули“ боролся, вообще, против всякого стеснения свободы личности, слова, мысли, — выступал против авторитета, высмеивал устарелые предрассудки, защищал слабых, не поддавался сильным, был любимейшим писателем народа...» [Битнер, 1903. С. VI].

После революции, в советское время «певец свободы» нашел отклик как у сторонников официальной идеологии, так и в кругах диссидентов. Говорят, творчеством Мультиатули интересовался Ленин. Партийные руководители в области искусства рекламировали Мультиатули как положительного героя, борющегося против хищного империализма, заступающегося за угнетенные братские народы, то время как в неофициальных кругах его считали «Солженицыным XIX века», защитником свободы личности и мысли.

Самой горячей и успешной поборницей литературного наследия Мультиатули в России была, пожалуй, детская писательница Эмма Выгодская (урожденная Хейфец, 1898–1949.) Начав свою де-

тельность как переводчик, она стала известна широкой публике как автор повести «Опасный беглец», действие которой разыгрывается на фоне народного Сипайского восстания в Индии.

«История Эдварда Деккера», романтизированная биография (*vie romancée*) голландского писателя, вышла в свет в 1936 г. тиражом 25 000 экземпляров в серии «Жизнь замечательных людей» [Выгодская, 1936]. Она была предназначена для школьников старшего возраста. Цена: 3 рубля 50 копеек! В 1949 г. была издана книга «Пламя гнева» — сокращенная переработка первоначальной «Истории Эдварда Деккера». В 1953 г. увидел свет ее немецкий перевод «Flamme des Zorns, Die Geschichte des Eduard Dekker», предназначенный для социалистической молодежи. По сообщению Голландского литературоведа Нопа Мааса, рецензировавшего книгу для голландской публики в амстердамском журнале «О Мультатули», немецкий перевод был напечатан «небывало большим тиражом» и выдержал несколько изданий.

«История Эдварда Деккера» представляет собой хронологический обзор жизни Мультатули до публикации «Макса Хавелара» в 1860 г. в четырех частях: «Амстердам, магазин мира», «Голландия в тропиках», «Крушение», «Макс Хавелаар». В слегка переработанном «Пламени гнева» первая глава является ретроспективой. Читатель может следить за Мультатули с момента его прибытия в Паданг (1844) до второго издания «Макса Хавелара».

В России детская книга в качестве педагогического орудия достигла высшего расцвета в коммунистическую эпоху. Государство не жалело ни денег, ни сил, чтобы лепить из детей истинных социалистов. В 1919 г. Максим Горький стал инициатором издания первого советского журнала для детей «Северное сияние». Одновременно ограничение творческой свободы с конца 1920-х гг. заставляло группу «спорных» писателей, таких как Хармс, Введенский, Олеша и других, обращаться к детской литературе. Это дало детской литературе неожиданный новый импульс, в то время как литература для взрослых вынужденно ограничивалась рамками правил социалистического реализма. Для детской литературы 1930-х гг. характерно стремление к экзотике, которое становилось сильнее по мере того, как ограничивалась возможность ездить за рубеж.

Биография Мультатули объединяет оба эти важные элемента: описание приключений и педагогическая направленность. Жизненный путь Мультатули был настолько полон приключений и экзотики, что не мог не захватывать молодой ум. Фигура Мультатули полностью отвечает образу положительного героя как воплощение увлеченного, оптимистичного человека, выступающего в защиту угнетенных людей.

Первая часть «Истории Эдварда Деккера», которая описывает детство писателя в Амстердаме, напоминает классику детской литературы «Ханс Бринкер, или Серебряные коньки» — американскую детскую книгу о Нидерландах, которую никто не знает в Нидерландах. Ни Мэри Мэйпс Додж, ни Эмма Выгодская никогда не бывали в Нидерландах: обе писательницы опираются на знания, почерпнутые из книг. Такие «бумажные» далекие края называются «вычитанными странами», по роману Стивенсона «The Land of Story Books»: страны, в которых ты бывал только в уме. Это Выгодской вполне удалось, кроме какого-то одного немецкого названия, которое для голландцев звучит очень странно. Она создает удачный коктейль из романтики амстердамских каналов, экзотики Инсулинды и пламени освободительной борьбы.

В книге Эдвард быстро берет на себя роль положительного героя в сцене, которая явно моделируется по образцу «Истории Ваутертье Питерсе», другого романа Мультатули. Когда учитель (меестер) Шнаппель просит учеников написать сочинение о том, что делает Нидерланды великой державой (сельдь, какао, Золотой век, голландская добродетельность), молодой Эдвард, в стиле Абеллино, героя романа «Разбойник в Венеции» Мэтью Льюиса, с усердием начинает писать сочинение о прибыльном голландском пиратстве. Но учитель Шнаппель вдруг говорит:

— Неслыханная дерзость! — сказал меестер Шнаппель. Прости прощения!

— За что? — спросил Эдвард.

— За дерзкие выдумки и ложь!

— Я написал правду, — сказал Эдвард. — Если бы не пираты...

— Замолчи! — сказал меестер Шнаппель. Он хлопнул Эдварда тетрадкой по щеке. — Прости прощения!

Эдвард потемнел лицом.

— Не стану! — сказал Эдвард. Он с силой потянул тетрадь к себе.

Все замерли. В дверях Эдвард видел бледное лицо Лины, она с ужасом смотрела на него, прижав обе руки к груди. Тетрадь, разорванная пополам, лежала на полу.

Меестер Шнаппель схватился за парик обеими руками.

— Вон! — закричал меестер Шнаппель. — Ты сам пират!.. Вон из моей школы!.. [Выгодская, 1936. С. 12]

Из этого мятежного «пирата» у Выгодской и рождается положительный герой Мультатули, который играет эту роль на протяжении всего повествования с большим подъемом. Зато история никогда не становится скучной, предсказуемой или нравоучительной. Она имеет скорость и азарт настоящей книги для юношей: босые ноги, копыя, кровь, ядовитые стрелы и истинный борец, типа «Виннету».

Другим пропагандистом творчества Мультатули в России был писатель Константин Паустовский (1892–1968). В 1925 г., когда появилось также первое полное издание «Макса Хавелара», Паустовский написал пламенную речь о писателе в курьезной, слегка шаржированной истории «Королева Голландская», в которой героизм Деккера ярко выделяется на фоне серости голландского неба, скупости купцов и декадентства ее величества [Паустовский, 1972. С. 51–55].

История жизни Мультатули рассказана от лица голландского моряка, плававшего в Нидерландскую Индию, где он услышал о великом писателе от туземца, чистильщика сапог. Тридцать лет спустя Паустовский включил другую биографию Мультатули в повесть «Золотая Роза» [Паустовский, 1967]. Неизвестно, знал ли Паустовский роман Выгодской, а также неизвестно, была ли Выгодская в курсе раннего рассказа Паустовского о Мультатули и Нидерландах. Зато поразительно, что оба заканчивают свои истории предупреждением, обращенным к нидерландским властям, о взрывной силе литературного наследия Мультатули. Выгодская пишет: «И Ван-Гронниус вдруг почувствовал ненависть к этому имени, словно под его плантацию, под цветники, под белый дом прочной голландской стройки этот Мультатули подложил заряд динамита». У Паустовского говорится: «Рукописи были изданы

в таком количестве экземпляров и по такой недоступной цене, что это было равносильно их уничтожению. Голландские купцы и власти не могли чувствовать себя спокойно, пока эта пороховая бочка была не у них в руках».

В конце своей истории Паустовский выражает надежду что, в независимой Индонезии Мультиатули будет оценен по заслугам. Действительно, так и произошло. Индонезийский писатель Прамудья Ананта Тур является его большим поклонником. Нидерландский биограф Мультиатули Дик ван дер Мелен пишет, что в Рангкас-Бетунге (Лебак) каждый человек, даже не читавший романа «Макса Хавелара», знает Мультиатули как «борца за независимость Индонезии», и что в городе есть даже «Jalan Мультиатули» — улица Мультиатули [Ван дер Мелен, 2002. С. 302–303].

Первые русские почитатели Мультиатули единодушны в том, что в родной стране писатель не получил должного признания. Сочувствие голландскому писателю объясняется также тем, что роман «Макс Хавелар» подвергался цензуре: книга стала доступной для широкой публики только через лет десять после ее выхода в свет. Примечательно, что поздние русские поклонники упорно настаивают на этом мнении, несмотря на то, что в Нидерландах роман уже давно опубликован. О сохранении памяти о писателе заботятся общество Мультиатули, музей Мультиатули, фонд Мультиатули, комиссия Мультиатули, и ему установлен бюст, выпущена марка с его портретом...

Стоит упомянуть, что так открыто и щедро, как в России, героев не почитают нигде в мире. В годы советской власти в России в ранг героев было возведено огромное множество людей, после которых остались знаки их почитания: статуи, бюсты, мемориальные доски, значки, плакаты, баннеры, надгробные плиты со свежими цветочками и дома-музеи.

Возмущение непризнанием Мультиатули в Голландии отчетливо звучит в рассказе его позднего поклонника, сибирского деревенского писателя Виктора Астафьева (1924–2001). Один из его «Затесов», называющийся «Мультиатули», посвящен совершенной Астафьевым в 1990 г. поездке в Голландию по приглашению издательства «Меленхофф» (упомянутого в тексте как «Мехелен») [Астафьев, Затесы, тетрадь шестая].

«В далеком-далеком детстве, на далеком-далеком Севере, в длинные заполярные ночи, читал я книги, какие мне посылала судьба, какие я мог достать, выпросить и даже украсть. Какими судьбами, откуда попала мне книга из серии „Жизнь замечательных людей“ — о голландском писателе Эдварде Деккере, по прозвищу Мультадули, что значит в переводе с малазийского — мученик, а с латинского — „много пережил“, по-нашему выходит почти Максим Горький, сейчас не вспомню. <...>

А годы шли, жизнь перевалила за середину, и сам я в чем-то повторял судьбу Мультадули, сделался литератором, и отчего-то обратило на меня внимание голландское издательство „Мехелен“, принадлежащее Мартину Ашеру (ПК Maarten Asscher) <...>

Однажды издатель решил пригласить меня в гости, в Голландию, и сделал это не через Союз писателей, где была мода вместо приглашенных писателей ездить в гости секретарям, консультантам и вообще „своим людям“. Приглашение он послал в контору по защите авторских прав, где меня и снарядили в путь-дорогу, даже гильденов дали, не своих, конечно, а мною же заработанных и на мое имя за книги переведенных. И хотя гонорар был весь оципан и обрезан родным государством и верными его слугами, я все равно чувствовал себя если не богатым, то хотя бы относительно независимым человеком.

В Голландии, в Амстердаме меня хорошо встретили и разместили в небольшом уютненьком отеле Амвассад, давши ключ от подъезда, где размещалось несколько номеров, в том числе и мой, но никакой бумаги, никаких программ мне не вручили, и я, привыкший жить по указке и согласно плану, на котором указано: когда спать ложиться, когда вставать, когда завтракать, обедать, какие и где мероприятия проводить, — несколько даже растерялся от такой воли и, никем и ничем „не охваченный“, почувствовал себя почти неудобно».

Далее читатель знакомится со спутниками Астафьева, фотографом и переводчиком с русского, и идет вместе с автором вдоль каналов Амстердама, мимо паба «Петр Великий», мимо уток в канале... Пока Астафьев «глубоко в дебрях города» вдруг не сталкивается с бюстом своего великого наставника на мосту Торенслейс, перекинутом через канал Сингел.

«И чем далее я углублялся в дебри города, тем причудливей, тем ажурней становились мостики через каналы, большей частью уже отделенные от улиц, неосвященные или освещенные совсем скупо. Так вот, перейдя один мостик, кружевным литьем перекинутый замостьем далее, чем другие мостики, я заметил меж квадратно посаженных кленов чуть освещенную, листьями присыпанную, сиротливую скульптуру, прошел уже было ее, как вдруг что-то заставило меня замедлить шаги, остановиться, затем и вернуться.

Скульптура была откована из меди в виде кленового листа и вся уже озеленела под лист летнего налива, покрылась купоросной плесенью, по стокам и завалам совсем отемнелой. Кто-то, скорее всего садовник или дворник, обмел скульптуру мягкой, просяной или тростниковой метлою — на медном пояске, в который острием листа упиралась скульптура, читалось отчетливо: „МУЛЬГАТУЛИ“.

Более никаких здесь сведений об Эдварде Деккере не содержалось, ни столбиков, ни табличек, ни загороди, ни велеречивых слов, даже скамеек никаких не было, только мостик да недвижимый канал с пестро в нем плавающей листвой, да белые чайки и утки, спящие на воде.

„И правильно! — думал я, — зачем национальному герою или родному дитю писать паспортные данные на могиле — его и так должны знать, любить и помнить...“

Я долго всматривался в оплывший зеленью памятник. Неяркое освещение, напавшие листья усиливали мотив одиночества этого человека-скитальца, как бы укрывшегося в тень и гущу деревьев от людей и городского шума. Благородные черты усталого, испитого лица с темными от зелени, почти уже почерневшими глазами, притемненные усы и узкая, клинышком борода придавали скульптуре вид древней, покорной молчаливости, но сквозь наслоения окиси, сквозь толщу листьев на плечах и на голове блестками просверкивала яркая медь, мокро блестело слово „МУЛЬГАТУЛИ“, как бессмертное дыхание неугасающего, хоть и умолкшего времени. <...>

Назавтра я спросил у журналиста, у русской переводчицы, наконец, у своего издателя о Мультатули, об Эдварде Декке-

ре — замечательном путешественнике и писателе — никто ничего не знал и не слышал о человеке редчайшей судьбы и даже о памятнике ему, найденном мною ночью в глубинах старого Амстердама, никто ничего внятно сказать не мог.

В последующие дни мне предстояло открыть маленькую, ухоженную страну, погруженную в сытое равнодушие ко всему, что не касалось домашнего очага, семейного благополучия, своего кормного корыта, в том числе и истории своей».

В декабре 2002 г. в газете «Столичные новости» появилась статья, написанная Вадимом Скуратовским [Скуратовский, 2002]. В этой статье автор ставит под сомнение широко распространенное мнение о влиянии Горького на творчество Астафьева. И вдруг — *deus ex machina* — Скуратовский выдвигает новый тезис о том, что решающее влияние на писателя-Астафьева имел Дауэс-Деккер. Из статьи трудно понять, основана ли теория Скуратовского на личных разговорах с Астафьевым, на документах или он сам это придумал. В любом случае, он в значительной мере опирается на затес Астафьева «Мультатули».

«Голландский писатель Эдуард Дауэс Деккер. Более известный под псевдонимом Мультатули, то есть „много перенесший“. Мультатули — Солженицын XIX века. Это не метафора, а компаративистика. <...>

Молодой Эдуард Деккер в поисках заработка уехал из Европы, как говорили тогда, в Малайскую Индию и даже стал там видным чиновником колониальной администрации. И вот он всмотрелся во все круги колониального ада — и ужаснулся. А потом и возмутился. Голландская администрация после множества жестоких интриг избавилась от этого строптивого сановника, и Деккер, нищий, больной, потеряв карьеру, а затем и семью, возвращается в Европу. И бешено работая, создает там, вопреки нищете и интригам, свой так сказать, индонезийский „Архипелаг ГУЛАГ“ XIX века. Яростное сочетание неопровержимой и неимоверной в своих ужасах фактичности и самой трагической лирики. <...>

Тот голландский писатель и стал тайным литературным наставником Виктора Астафьева. Русский мальчик с крестьян-

ской каторги Северного полушария, по загадочным законам или случайностям упомянутой компаративистики, и натолкнулся на голландское, но дантовской силы изображение такой же каторги — но уже в Южном полушарии.

Якобы „детская повесть“ Эммы Иосифовны Выгодской, а затем уже и непосредственное астафьевское знакомство с литературой ее героя. Жаркая Сибирь — та „Голландская Индия“. Яростный ее оппонент Деккер-Мультатули. Происходит литературный синтез в собственно Сибири».

И, сгущая краски, Вадим Скуратовский заканчивает статью:

«В 1990-х Виктор Петрович наконец-то приехал в Голландию. Вроде для того, чтобы там издать переводы своих сочинений. А на самом деле — возложить цветы к памятнику Эдуарда Дауэса-Деккера в Амстердаме. Писатель спросил своих переводчиков: „Где у вас здесь тот памятник?“ — „Не слышали ничего, не знаем“. Изъездил на такси весь город. Никто ничего не знает, не помнит. И вдруг таксист вспомнил: „Какой-то памятник в таком-то парке“.

В том парке стоял без пьедестала бронзовый Деккер-Мультатули. Виктор Петрович подошел к нему, постоял и помолчал. И сразу же уехал на встречу со своим голландским издателем. Понятно, опоздал. Говорит: „Ездил к памятнику Деккера“. В ответ: „А кто такой этот Деккер?“»

* * *

В своей книге «Идеи» под номером 590 Мультатули пишет: «Надо ли увековечивать труды сегодняшние памятниками в будущем? Не лучше ли людям жить... до того, как они умрут?»

ЛИТЕРАТУРА

Астафьев В. Затёсы, тетрадь шестая, последняя народная симфония. «Мультатули» [Электронный источник]. URL: http://lib.meta.ua/?book_id=13851.

Битнер В. В. Мультатули и его произведения, критико-биографический очерк // Читальня «Вестника Знания». СПб., 1903. С. VI.

- Ван дер Мелен Д. Мультатули: Жизнь и произведения Эдуарда Дуаэса Деккера (Meulen D. van der. Multatuli. Leven en werken van Eduard Douwes Dekker). Nijmegen, 2002. Pp. 302–303.
- Выгодская Э. И. История Эдварда Деккера. Л.: Детиздат, 1936. 236 с.
- Ошис В. В. Мультатули, библиографический указатель. М.: Книга, 1971. 40 с.
- Схелтъянс В. Библиография нидерландской литературы на русском языке. СПб.: Алетейя, 2003. 302 с.
- Паустовский К. Рассказы, очерки, публицистика. Статьи и выступления по вопросам литературы и искусства. М.: Художественная литература, 1972. 526 с.
- Паустовский К. Собрание сочинений в 8-ми томах. Т. 3: Повести. М.: Художественная литература, 1967. 526 с.
- Скуратовский В. «Писатель» Виктор Астафьев, или Печальный компаратив // Столичные новости. № 146 (242). 03.09.2002.

REFERENCES

- Astaf'ev V. *Zatesy, tetrad' shestaia, posledniaia narodnaia simfoniia. «Mul'tatuli»* [Notches, notebook 6, The Last Popular Symphony]. URL: http://lib.meta.ua/?book_id=13851.
- Bitner V.V. *Mul'tatuli i ego proizvedeniia, kritiko-biograficheskii ocherk* [Multatuli and His Work, a Critical and Biographical Sketch]. Chital'nia «Vestnika Znaniia». St. Petersburg, 1903, s. VI.
- Meulen D. van der. Multatuli. Leven en werken van Eduard Douwes Dekker [Multatuli. Life and Works of Eduard Douwes Dekker]. Nijmegen, 2002, s. 302–303.
- Vygodskaia E.I. *Istoriia Edvarda Dekkera* [The History of Edvard Dekker]. Leningrad, Detizdat Publ., 1936, 236 s.
- Oshis V.V. *Mul'tatuli, bibliograficheskii ukazatel'* [Multatuli, Bibliographical Index]. Moscow, Kniga Publ., 1971, 40 s.
- Scheltjens W. *Bibliografiia niderlandskoi literatury na russkom iazyke* [Bibliography of Dutch Literature in Russian Translation]. St. Petersburg, Aleteia Publ., 2003, 302 s.
- Paustovskii K. *Rasskazy, ocherki, publitsistika. Stat'i i vystupleniia po voprosam literatury i iskusstva* [Stories, Sketches, Publicistic Writings. Articles and Speeches on Literature and Art]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1972, 526 s.
- Paustovskii K. *Sobranie sochinenii v 8-mi tomakh* [Collected Works]. T. 3: *Povesti* [Vol. 3, Tales]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1967, 526 s.

Skuratovskii V. «Pisatel'» Viktor Astaf'ev, ili Pechal'nyi komparativ ["The Writer" Viktor Astafyev, or the Sad Comparative]. *Stolichnye novosti*, № 146 (242), 03.09.2002.

Куве Петронелла Ингрид

Нидерландский Языковой Союз, преподаватель

Petra Couvée

Dutch Language Union, Teacher of Dutch.

Lange Voorhout, 19, 2514 EB Den Haag, Nederland

E-mail: pcouvee@mail.ru

Ю. В. КУШНАРЕНКО

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова

СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА ДОКУМЕНТОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КОМИТЕТА С АНГЛИЙСКОГО НА ШВЕДСКИЙ ЯЗЫК

Ключевые слова: язык официально-делового общения, трансформации, композиты, генитивные словосочетания, инфинитивные обороты.

Статья посвящена анализу стратегий, которые используют переводчики документов в Европейском социально-экономическом комитете. Автор сопоставляет оригинальные тексты, созданные на английском языке, с их переводами на шведский. На основе проведенного исследования выявлено, что многие грамматические конструкции были преобразованы с учетом специфики официально-делового дискурса шведского языка.

YULIA KUSHNARENKO

Lomonosov Moscow State University

STRATEGIES OF TRANSLATING EESC DOCUMENTS FROM ENGLISH INTO SWEDISH

Keywords: official discourse, transformations, compounds, genitive word combinations, infinitive combinations.

The article is dedicated to the analysis of the strategies used by translators at EESC. The author compares original texts written in English with their Swedish translations. It has been found out that many grammar structures were transformed considering the official discourse of the Swedish language.

В Европейском Союзе, состоящем на данный момент из 28 стран-участников, перевод является важнейшим инструментом, обеспечивающим эффективную коммуникацию между институтами, органами и непосредственно гражданами. Поскольку не все жители ЕС в совершенстве владеют английским языком, на котором создается абсолютное большинство текстов, они нуждаются в переводе. Все документы обязательно представлены на всех 24 официальных языках Европейского Союза.

В среднем длина шведского предложения соответствует длине оригинальной фразы (15–20 слов), что значительно облегчает анализ текстов. Однако, например, в шведском языке невозможно употребление столь характерных для английского несогласованных именных словосочетаний *сущ. + сущ.*: *business registers* — «списки предприятий», *employment opportunities* — «возможность трудоустройства», *government departments* — «департаменты правительства», *gender equality responsibilities* — «ответственность за равноправие полов». В большинстве случаев такие сочетания заменяются композитами. У Турель считал, что в шведском возможности образования композитов «в принципе безграничны» [Thorell, 1981. S. 14]. Действительно, эта модель словообразования является наиболее продуктивной и оказывается наиболее эффективной переводческой стратегией в сфере общественно-политического дискурса. Соединяя значения двух лексем, композиты обеспечивают компактность, смысловую ёмкость и лаконичность.

Представим примеры сочетаний *существительное + существительное* в виде таблицы:

Английский	Перевод на шведский	Перевод на русский
government bodies, где <i>government</i> — правительство, <i>bodies</i> — органы	regeringsorgan, где <i>regering</i> — правительство, <i>organ</i> — органы	органы правительства
action plan, где <i>action</i> — действие, <i>plan</i> — план	handlingsplan, где <i>handling</i> — действие, <i>plan</i> — план	план действий
labour market, где <i>labour</i> — труд, <i>market</i> — рынок	arbetsmarknad, где <i>arbete</i> — труд, <i>marknad</i> — рынок	рынок труда

Английский	Перевод на шведский	Перевод на русский
labour force, где <i>labour</i> — труд, <i>force</i> — сила	arbetskraft, где <i>arbete</i> — работа, труд, <i>kraft</i> — сила	рабочая сила
retirement age, <i>retirement</i> — пенсия, <i>age</i> — возраст	pensionsålder, где <i>pension</i> — пенсия, <i>ålder</i> — возраст	пенсионный возраст
work place, <i>work</i> — работа, <i>place</i> — место	arbetsplats, <i>arbete</i> — работа, труд, <i>plats</i> — место	место работы

Данные сложные существительные образованы по схеме «определяющее + определяемое». Между частями этих атрибутивных композитов разные отношения: партитивности и принадлежности (*regeringsorgan*), уточнения (*arbetsplats*, *arbetskraft*), цели (*handlingssplan*), времени (*pensionsålder*).

Также атрибутивными композитами могут заменяться английские предложные словосочетания:

diagnosis of dementia, где <i>dementia</i> является по сути приложением к <i>diagnosis</i>	demensdiagnos, где <i>demens</i> — слабоумие, <i>diagnos</i> — диагноз	диагноз «слабоумие»
the Committee of the Regions, где <i>Committee</i> обозначает целое, группу	Regionkommittén, где <i>region</i> — регион, <i>kommittén</i> — комитет	Комитет регионов

Но эти конструкции могут переводиться и другими способами. Например, словосочетания с полифункциональным предлогом *of* заменяются в шведских текстах:

- словосочетаниями с предлогом *av*
 - с партитивным значением (часть от целого):

Английский	Перевод на шведский	Перевод на русский
part of the Europe 2020 strategy	en del av Europa 2020-strategin	часть стратегии «Европа 2020»

- с притяжательным значением:

Английский	Перевод на шведский	Перевод на русский
the definition of “enterprise”	definitionen <i>av</i> “företag”	определение предприятия
value of women	värdet <i>av</i> kvinnor	ценность женщин

- с указанием на объект действия (отглагольное существительные + *av* + дополнение):

Английский	Перевод на шведский	Перевод на русский
the implementation of the EU 2020 strategy	genomförandet <i>av</i> EU:s 2020-strategi	проведение стратегии 2020 ЕС
continuation of the promotional activities	en fortsättning <i>av</i> de främjande åtgärder	продолжение мер по развитию
the review of CSR policy frameworks	översynen <i>av</i> rambestämmelserna för ansvarsfullt företagande	проверка рамочных соглашений по ответственному предпринимательству

- с причинно-следственным значением:

Английский	Перевод на шведский	Перевод на русский
as a result of the increasing attention — «в результате растущего внимания»	till följd <i>av</i> den allt större fokuseringen	вследствие всё большей концентрации
as a result of the crisis — «в результате кризиса»	på grund <i>av</i> krisen	по причине кризиса

Таким образом, одна английская конструкция *as a result of* переводится на шведский язык двумя устойчивыми словосочетаниями: *till följd av* обозначает следствие, а *på grund av* — причину.

2. словосочетаниями с предлогами *hos* («у») и *i* («в»), имеющими значение места:

Английский	Перевод на шведский	Перевод на русский
the voluntary nature of CSR	den frivilliga karaktären <i>hos</i> företagens sociala ansvar	добровольный характер социальной ответственности предприятий

Английский	Перевод на шведский	Перевод на русский
the transparency of the social and environmental information	insyn i de sociala och miljömässiga uppgifter	прозрачность социальных и экологических данных
the content of conventional agreements	bestämmelserna i gällande avtal	содержание действительных соглашений
part of their business strategy — «часть их бизнес-стратегии»	ett inslag i deras affärsstrategi	вклад в их бизнес-стратегию

Также возможно использование предлога *över* со значением целого, состоящего из частей. Этот предлог мотивирован управлением существительного:

Английский	Перевод на шведский	Перевод на русский
a database of international framework agreements	en databas över internationella ramavtal	база данных международных рамочных соглашений

3. генитивными конструкциями, характерными для шведского:

Английский	Перевод на шведский	Перевод на русский
the functioning of the European Union	Europeiska unionens funktionssätt	деятельность Европейского Союза
life of older	äldres liv	жизнь пожилых
needs of workers	arbetstagares behov	нужды рабочих
the responsibility of States and governments	staternas och regeringarnas ansvar	ответственность государств и правительств
the contribution of care givers and recipients	vårdgivares och vårdmottagares bidrag	вклад социальных работников и их клиентов
the social and the economical capital of the country	landets sociala och ekonomiska kapital	социальный и экономический капитал страны

Следующей стратегией, которую применяют шведские переводчики, является трансформация английских герундиальных конструкций в инфинитивные обороты, что облегчает восприятие текста:

Английский	Перевод на шведский
<p><i>To create</i> an enabling environment for female entrepreneurs the following should also be considered: («Чтобы создать благоприятную среду для женщин-предпринимателей, стоит также принять во внимание:») — <i>including</i> men in debate and communication; («вовлечение мужчин в дебаты и коммуникацию»)</p>	<p><i>För att skapa</i> gynnsamma förutsättningar för kvinnliga företagare är det även viktigt <i>att</i> («Чтобы создать благоприятные условия для женщин-предпринимателей, также важно») — <i>involvera</i> män i diskussionerna och kommunikationen («вовлекать мужчин в дискуссии и коммуникацию»)</p>
<p>— <i>removing</i> gender stereotyping, particularly in education... («устранение гендерных стереотипов, особенно в образовании»)</p>	<p>— <i>motverka</i> stereotypa könsroller, i synnerhet inom utbildning... («бороться со стереотипными гендерными ролями, особенно в образовании...») Глагол <i>motverka</i> имеет более конкретное значение и эмоциональную окраску по сравнению с англ. <i>remove</i></p>
<p>— <i>promoting</i> academic studies which can lead to new business start-ups for women; («поддержка высшего образования...»)</p>	<p>— <i>främja</i> akademiska studier som kan få kvinnor att starta nya företag («поддерживать высшее образование...»)</p>
<p>— <i>ensuring</i> fair access to funding and resources on equal terms («гарантирование справедливого доступа...»)</p>	<p>— <i>säkerställa</i> en rättvis tillgång till finansiering och resurser på lika villkor («гарантировать справедливый доступ»)</p>
<p>— <i>improving</i> social protection for self-employed («улучшение социальной защиты частных предпринимателей»)</p>	<p>— <i>förbättra</i> det sociala skyddet för egenföretagare («улучшить социальную защиту частных предпринимателей»)</p>

Кроме того, в шведском тексте инфинитив приобретает показатель целевого оборота *för* (см. начало вышеприведенного отрывка: англ. *to create* > шв. *för att skapa*). Такая конструкция проясняет

логические отношения между компонентами текста и облегчает восприятие. Этим инфинитивным оборотом с *för att* переводятся английские (бес)предложные герундиальные конструкции со значением цели:

Английский	Перевод на шведский	Перевод на русский
recommendations for promoting female entrepreneurship (герундиальный оборот с предложом — «рекомендации по развитию женского предпринимательства»)	rekommendationer för att främja kvinnligt företagande	рекомендации для того, чтобы развивать женское предпринимательство
Collect data and produce annual policy and research updates on women's enterprise across European regions, increasing access to... data (герундиальный оборот без предлога — «Собирать данные и разрабатывать ежегодные корректировки в политике и исследованиях, увеличивая доступ к... данным»)	Samla in data och ta fram årliga uppdateringar om politik och forskning som rör kvinnligt företagande i olika europeiska regioner för att öka tillgången till... uppgifter	Собирать данные и разрабатывать ежегодные корректировки в политике и исследованиях, которые касаются женского предпринимательства, чтобы увеличить доступ к... данным

Эта же инфинитивная конструкция цели *för att* используется при переводе придаточного изъяснительного предложения в английском тексте:

Английский	Перевод на шведский	Перевод на русский
an infrastructure that specifically supports female entrepreneurship	en infrastruktur för att specifikt stödja kvinnors företagande	инфраструктура для того, чтобы поддержать женское предпринимательство / по развитию женского предпринимательства

Наконец, английская герундиальная предложная конструкция в шведском тексте также может заменяться придаточным обстоятельством предложением *när det gäller* («когда речь идет»), за которым следует инфинитивный оборот (примеры 1 и 2 в нижеприведенной таблице). Кроме того, это придаточное используется и при переводе предложного словосочетания *in relation to* (примеры 3 и 4) и предложной конструкции с однородными обстоятельствами (пример 5):

Английский	Перевод на шведский	Перевод на русский
1. a role <i>in raising awareness...</i>	en roll <i>när det gäller</i> att öka medvetenheten...	функция, касающаяся подъёма сознательности...
2. One of the biggest challenges <i>in quantifying women's enterprise in Europe..</i>	Ett av de största problemen <i>när det gäller</i> att mäta kvinnors företagande i Europa...	Одной из наибольших проблем, касающихся измерения доли женского предпринимательства в Европе...
3. <i>in relation to</i> decisions	<i>när det gäller</i> beslut	что касается решений
4. <i>in relation to</i> monitoring	<i>när det gäller</i> övervakningssituationer	что касается наблюдения
5. removing gender stereotyping, particularly <i>in</i> education and career paths	motverka stereotypa könsroller, i synnerhet inom utbildning och <i>när det gäller</i> karriärmöjligheter	бороться со стереотипными гендерными ролями, особенно в образовании и когда речь идёт о карьерных возможностях

Во втором примере переводчик, по всей видимости, руководствовался тем, что шведский предлог *inom*, функционально соответствующий английскому *in* в таком контексте, может сочетаться исключительно с существительным, обозначающим какую-либо область, сферу, но не с композитом *karriärmöjligheter* («карьерные возможности»).

Эта же конструкция *när det gäller* используется при переводе придаточного *when it comes to* в английском языке, имеющего сходную семантику («что касается»): англ. *when it comes to influencing policy* — шв. *när det gäller att påverka politiken* — рус. *когда речь идёт о том, чтобы повлиять на политику*.

В придаточные предложения также могут трансформироваться (бес)предложные конструкции. В переводных документах на шведском языке довольно часто используются придаточные определительные с союзом *som* («который»):

Английский	Перевод на шведский	Перевод на русский
low impact projects	projekt <i>som</i> inte lett till några större resultat	проекты, которые не привели к хорошим результатам
research updates <i>on</i> women's enterprises («новые исследования о предприятиях женщин»)	forskning <i>som</i> rör kvinnligt företagande	исследования, касающиеся женского предпринимательства
investment <i>from</i> the increase of female-owned businesses («вложение из-за роста предприятий, принадлежащих женщинам»)	det större ekonomiska utbyte <i>som</i> blir resultatet av en ökning av kvinnoägda företag	большой экономический обмен, который станет результатом роста предприятий, принадлежащих женщинам
Statistical data <i>in relation to</i> older people («статистические данные в отношении пожилых людей»)	Statistik <i>som</i> handlar om äldre	статистика, которая касается пожилых

Таким образом, при переводе документов Европейского социально-экономического комитета с английского языка на шведский переводчики прибегали к следующим стратегиям:

- преобразование несогласованных именных и предложных словосочетаний в композиты;
- трансформация (бес)предложных герундиальных конструкций в словосочетания с предлогом, инфинитивные обороты с пред-

логами *av, hos, i*, а также генитивные словосочетания и придаточные обстоятельственные *när det gäller*;

- замена предложных словосочетаний придаточными определительными с союзом *som*.

Очевидна тенденция к использованию гипотаксиса, вообще характерного для официально-делового дискурса в шведском языке. Введение придаточных предложений вместо многочленных именных словосочетаний сложной семантики существенно облегчает шведским читателям восприятие юридических текстов.

ЛИТЕРАТУРА

Hultman T. *Svenska Akademiens språklära*. Stockholm: Svenska Akademien, 2003. 342 p.

Thorell O. *Svensk ordbildningslära*. Stockholm: Esselte studium, 1981. 180 p.

Opinion of the EESC on “A renewed EU strategy 2011–14 for Corporate Social Responsibility” (Yttrande från EESK om “En förnyad EU-strategi 2011–2014 för företagens sociala ansvar”).

Opinion of the EESC on “Female entrepreneurs — specific policies to increase EU growth and employment” (Yttrande från EESK om “Kvinnliga företagare — särskilda åtgärder för att främja tillväxten och sysselsättningen i EU”).

Opinion of the EESC on “The involvement and participation of older people in society” (Yttrande från EESK om “Äldres engagemang och delaktighet i samhället”).

Opinion of the EESC on the “Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions — A renewed EU strategy 2011–14 for Corporate Social Responsibility” (Yttrande från EESK om “Meddelande från kommissionen till Europaparlamentet, rådet, Europeiska ekonomiska och sociala kommittén och Regionkommittén — En förnyad EU-strategi 2011–2014 för företagens sociala ansvar”).

Svenska Akademiens ordlista [Электронный ресурс]. URL: http://www.svenskaakademien.se/svenska_spraket/svenska_akademiens_ordlista/saol_pa_natet/ordlista.

REFERENCES

Hultman T. *Svenska Akademiens språklära* [The grammar of the Swedish Academy]. Stockholm, Svenska Akademien, 2003, 342 p.

Thorell O. *Svensk ordbildningslära* [Derivation in Swedish]. Stockholm, Esselte studium, 1981, 180 p.

Opinion of the EESC on “A renewed EU strategy 2011–14 for Corporate Social Responsibility” (Yttrande från EESK om “En förnyad EU-strategi 2011–2014 för företagens sociala ansvar”).

Opinion of the EESC on “Female entrepreneurs — specific policies to increase EU growth and employment” (Yttrande från EESK om “Kvinnliga företagare — särskilda åtgärder för att främja tillväxten och sysselsättningen i EU”).

Opinion of the EESC on “The involvement and participation of older people in society” (Yttrande från EESK om “Äldres engagemang och delaktighet i samhället”).

Opinion of the EESC on the “Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions — A renewed EU strategy 2011–14 for Corporate Social Responsibility” (Yttrande från EESK om “Meddelande från kommissionen till Europaparlamentet, rådet, Europeiska ekonomiska och sociala kommittén och Regionkommittén — En förnyad EU-strategi 2011–2014 för företagens sociala ansvar”).

Svenska Akademiens ordlista [The Swedish Academy glossary]. URL: http://www.svenskaakademien.se/svenska_spraket/svenska_akademiens_ordlista/saol_pa_natet/ordlista.

Кушнarenко Юлия Валерьевна

Аспирант кафедры германской и кельтской филологии,
филологический факультет,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1

Yulia Kushnarenko

Post-graduate student, Department of Germanic and Celtic Philology,
Faculty of Philology,
Lomonosov Moscow State University.
GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
E-mail: yulia.kushnarenko@gmail.com

Е. А. ЛАВРИНАЙТИС

Руководитель отдела прессы, культуры и информации
Генерального консульства Королевства Норвегия
в Санкт-Петербурге

НЕКОТОРЫЕ НЕТРИВИАЛЬНЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ В НОРВЕЖСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: глаголы движения, семантика, манера перемещения.

Лексическая группа норвежских глаголов движения, в семантике которых маркирована манера передвижения, велика и разнообразна. В статье выделены и описаны глаголы, обладающие особым дифференциальным признаком, указывающим на определенный способ перемещения, характеризующийся особыми движениями тела. Выявленные оттенки значения сведены к пяти нетривиальным семантическим признакам и представлены в виде таблицы.

EKATERINA LAVRINAITIS

Head of Press, Culture and Information Section
at the Royal Norwegian Consulate General
in St. Petersburg

SOME NON-TRIVIAL SEMANTIC ATTRIBUTES OF THE NORWEGIAN MOTION VERBS

Keywords: verbs of motion, semantics, motion manner.

Lexical group of the Norwegian motion verbs with a manner of motion marked in their semantics, is big and diverse. The verbs with a specific feature — a special way of moving, moving with specific body movements — are identified and described in this article. Identified connotations are reduced to five non-trivial semantic attributes and are presented in a chart form.

Глаголы класса движения характеризуются категорией действия и процесса — динамическими доминантными признаками, и имеют фазисную структуру [Гак, 1996. С. 8]. Интегральным семантическим признаком семантического поля глаголов движения является «перемещение в пространстве» [ЛЭС, 1990]. Для семантического поля задаются также дифференциальные признаки, т. е. смыслы, присущие только части слов, с помощью которых значения слов данного семантического поля могут быть разделены [Кронгауз, 2005. С. 132]. Таким образом, конституирующим значением в семантической структуре глаголов движения, функционирующих в прямом значении, является сема «перемещение в пространстве». Однако в семантике глаголов движения часто бывают маркированы такие компоненты перемещения, как, например, способ, фазы, траектория, кратность. На основе различных классификаций глаголов перемещения мы обобщили и выделили семь основных дифференциальных признаков, свойственных семантике этих глаголов: направленность перемещения (по осям координат или по кругу); удаление, приближение или «чистое» перемещение; самостоятельность или каузированность; среда, в которой осуществляется перемещение; манера (скорость и способ); кратность; использование или неиспользование транспортных средств.

Как показывает анализ норвежского материала, обычно в семантической структуре глагола представлено несколько подобных параметров. Например, в семантике глагола *avgå*, *отправляться* — (о транспортном средстве без указания на способ осуществления движения: отходить, вылетать, отплывать) можно выделить следующие дифференциальные признаки: начальная фаза перемещения, самостоятельное перемещение, направление перемещения — от локализатора. В семантике не маркированы такие признаки, как скорость перемещения, способ перемещения, среда перемещения. *Buss 60 avgår nå straks. Автобус 60 отправляется немедленно. Avgang Bergen var kl. 09.35 og selvsagt avgikk toget i rute. Отправление из Бергена было назначено на 09:35, и, естественно, поезд отошел по расписанию.*

В процессе перемещения различаются независимое и зависимое движение. В первом случае локализуемый субъект совпадает с субъектом высказывания, во втором — не совпадает [Гак, 1996. С. 8].

Норвежский язык принадлежит к языкам сателлитного типа, «т. е. таким, в которых „предпочтительным средством выражения маршрута является неглагольный элемент, присоединяемый к глаголу“ — так называемый сателлит по терминологии Талми, или локализатор» [Ливанова, 2009. С. 133]. Сателлитом в норвежском языке может быть наречие, предлог, постпозитивные адвербиальные частицы. Сателлиты чаще всего указывают на направленность движения. В то же время для выражения перемещения в норвежском языке широко используются и глаголы без сателлитов.

Данная статья представляет собой попытку выделения группы норвежских глаголов семантического поля глаголов движения, обозначающих независимое перемещение и обладающих особым дифференциальным признаком, указывающим на определенный способ перемещения, характеризующийся особыми движениями тела. При этом сами по себе они не сообщают ничего о направлении движения: при необходимости подобная информация передается при помощи сателлита.

Статья написана на материале современного норвежского языка. Данные собирались в архиве газеты «Дагбладет» (Dagbladet), других периодических изданий и в вышедшем в 2013 г. романе Ю Несбё «Полиция» (Jo Nesbø, *Politi*).

Лицо с нарушениями функции ног осуществляет движение особым способом — хромает или прихрамывает. В норвежском языке подобное движение обозначают, например, глаголы *halte* *хромать*, *прихрамывать*, *приволакивать ноги*, *hinke* *хромать*, *ковылять*, *прихрамывать на одну ногу*, *humpe* *прихрамывать*, *тяжело ступая*. Например: VM-stjerne halter: Franske Zidane måtte forlate banen. Звезда чемпионата мира хромает: француз Зидан был вынужден покинуть поле. Ibragimova ... halter lett, albuen bøyer seg ikke, og hun har et ti cm. langt arr på det venstre kinnet». Ибрагимова <...> легко прихрамывает, у нее не сгибается локоть, на левой щеке — десятисантиметровый шрам. Landslagslegen tviler og Thomas Myhre hinker. Тренер сборной в сомнениях, а Томас Мюре хромает. Da hælen endelig kom løs, var det bare å hinke seg hjem igjen på en hæl. Когда каблук, наконец, оторвался, ей оставалось только дохромать до дома на одном каблуке. Han kommer til å humpe rundt på krykker i Norge til han er 38. Ему придется ходить по Норвегии,

хромая на костылях, до тех пор, пока ему не исполнится 38. Mens jeg hektet kateteret over den ene armen og beskyttet stingene mine med den andre, begynte jeg å hump mot henne. Перекидывая катетер через руку и прикрывая вставленные в руку иглы другой рукой, я направился, прихрамывая, к ней.

Для выражения значения *ковылять* применительно к одушевленным объектам, т. е. идти с трудом, неуклюже, неуверенно, используются такие глаголы, как *stavre ковылять, ходит неуверенной походкой, stolpre ковылять, тяжело шагая*. Например: *Åtteåringen maktet å stavre seg noen meter mot moren, før han kollapset. Восемилетний ребенок смог проковылять несколько метров по направлению к матери, после чего упал. Beate så på den smale ryggen hans der han stavret mot porten. Беате смотрела на его узкую спину, когда он ковылял к калитке. (Han) stolpret seg mot døra. Он тяжелыми шагами поковылял к двери. Jeg mente å gjenkjenne en lett lut eldre kar som forsiktig stolpret seg over isen. Мне показалось, я узнал немного сутулого пожилого мужчину, осторожно ковылявшего по льду.*

Неравномерное движение с ускорением и замедлением, движение рывками обозначает глагол *hufse seg*. *Tunge regnskyer bølger inn fra havet i vest, og Mr. Bryne, Gabriel Høyland (46), hufser seg i kulingkastene og synes nesten synd på sauene. Тяжелые грозовые облака волнами накатывают с моря на западе, и мистер Брüne, Габриэль Хейланд (46) двигается рывками под порывами ветра, почти жалея овец. Vi vil gjerne bidra til at publikum er i form til å gi fra seg skikkelig gode kollenbrøl under Holmenkollrennene 8.-9. mars, sa Skinstad, før han hufset etter den ivrige gjengen. Нам бы очень хотелось способствовать тому, чтобы публика ревела настоящим холменколленским криком во время соревнований в Холменколлене 8–9 марта, сказал Шинстад, после чего стал догонять быструю компанию, двигаясь рывками.*

Перемещение со спотыканием, т. е. цепляние за что-либо ногами с потерей при этом равновесия, обозначает глагол *snuble*. *Han snublet mot døra og kjente kvalmen komme. Он, спотыкаясь, направился к двери и почувствовал приступ тошноты. Nesten alle som gikk opp snublet, noen ned på knærne, andre klarte å ta seg inn, men så å si alle fikk problemer på nøyaktig det samme stedet. Почти все, поднимавшиеся наверх, спотыкались, некоторые падали на колени,*

другим удавалось войти, но у всех, так сказать, проблемы возникали на одном и том же месте.

Перемещение, во время которого совершаются прыжки, обозначают глаголы *hopper прыгать* и *jumpre тяжело прыгать*. Han hoppet som regel når Mikael sa hopp. Обычно он прыгал, когда Микаэль приказывал прыгать. I dag kan du lære hvordan du får en mynt til å hoppe helt uten å røre den. Сегодня вы сможете научиться, как заставить монетку прыгать, не прикасаясь к ней. Sejer hadde leilighet i trettende etasje, og de gikk alltid trappene, hunden jumpet nedover trinnene i en jevn og godt innøvd rytme. У Сейер была квартира на тринадцатом этаже, и они всегда ходили по лестнице пешком, собака прыгала вниз по ступенькам в привычном ровном темпе. Så jumpet han ned fra køya. Потом он тяжело спрыгнул с койки.

Глагол *hinke* помимо основного значения *хромать, прихрамывать* имеет второе значение *прыгать на одной ноге*. Under testingen der ba en lege henne om å hinke. Во время осмотра там врач попросил ее попрыгать на одной ноге. Han var kjent som mannen som bruker tida to ganger, men vi vet ikke om han fortsatt hinker 40 ganger på hvert bein mens han pusser tennene. Его знали как человека, всегда делающего два дела сразу, но мы не знаем, прыгает ли он до сих пор по 40 раз на каждой ноге, когда чистит зубы.

Перемещение особой походкой, вразвалку, переваливаясь с ноги на ногу, описывают глаголы *vralte ходить вразвалку, переваливаясь с боку на бок* и *vagge ходить враскачку, вперевалку*. På en skjerm i venterommet ser vi mindreårige Michelin-menn vralte fornøyd rundt i studio. На экране в комнате ожидания мы видим юных сотрудников Мишлен, которые вразвалку довольно расхаживают по студии. Deretter var det bare å vralte hjem. После этого оставалось только отправиться домой, переваливаясь с ноги на ногу. Aune så en parkeringsvakt vagge bredtbeint som en sheriff der nede på gata. Ауне увидел, как на улице охранник парковки идет вразвалку, широко ставя ноги, словно шериф. Du har for eksempel garantert ikke sett en høygravid flyvertinne vagge nedover midtgangen. Например, вы наверняка не видели беременную стюардессу, переваливающуюся по проходу между креслами.

В семантике некоторых глаголов содержится указание на широту шага: *trippe идти мелкими шагами, семенить*, и *skreve широко*

шагать, перешагивать (с сателлитом over). Vi er vant til å se høye og tynne modeller trippe nedover catwalk. Мы привыкли видеть, как высокие худые модели мелкими шажками ходят по подиуму. Du kan ikke trippe rundt på høye hæler og være glamorøs filmstjerne når du er mamma. Ты не можешь семенить на высоких каблуках и быть гламурной кинозвездой, если ты — мама. Han skrever for bredt. Он шагает слишком широко. Vakta måtte mandag morgen skreve over den digre greina. Охраннику в понедельник утром пришлось перешагивать через огромную канаву.

В семантике других глаголов содержится указание на силу шага: trampe идти тяжелой поступью, топотать, tøfle идти, мягко ступая. (Han) trampet bortover gata mens han kjente regnet trekke gjennom skuldrene på jakka. (Он) тяжело шагал по улице, чувствуя, как дождь проникает через плечи куртки. Var jeg ungkar i Kåfjord, ville jeg trampe inn på ordførerkontoret i fjøsstøvlene og gi Åge B. Pedersen en på kjeften for innblanding i mitt private liv. Если бы я был молодым человеком из Кофьорда, я бы, тяжело топая резиновыми сапогами, вошел бы в кабинет мэра и дал бы Оге Б. Педерсену в челюсть за вмешательство в мою личную жизнь. Tony åpnet med å tøfle ned innkjørselen for å hente The New York Times. Тони начал с того, что тихо прошел по подъездной дорожке за газетой «Нью-Йорк Таймс». Våkne tidlig en solskinnsmorgen å tøfle i all stilhet til kjøkkenet. Проснуться ранним летним утром и в полной тишине тихо пойти на кухню.

В семантике целого ряда глаголов маркирован особый способ соприкосновения с поверхностью, по которой осуществляется движение. Например, skri и skli скользить, двигаться, скользя по поверхности чего-либо (поскольку в норвежском алфавите отсутствует буква, соответствующая звуку «толстый л», представляющему собой нечто среднее между л и р, существует два способа написания этого глагола). Ulrikbanen går ikkje så du må skri eller gå ned. Подъемник «Ульрик» не работает, съезжайте вниз на лыжах (досл. соскальзывайте) или спускайтесь пешиком. Sier de har falt i trappa eller sklidd i dusjen. Они говорят, что упали на лестнице или поскользнулись в душе. Hun hadde sklidd fra skrivebordet. Она соскользнула с письменного стола. Rulle kattes, т. е. двигаться, совершая вращательные движения или скользя по какой-либо по-

верхности, а также на колесах, может обозначать движение как одушевленных, так и неодушевленных объектов. Men når snøballen begynner å rulle er det vanskelig å stå mot. Но когда снежный ком начинает катиться, устоять трудно. Carroll skyter fra sju meter — ballen ruller motsatt vei. Кэррол бьет с семи метров — мяч катится в противоположную сторону. Kravle, крупе ползти, т. е. самостоятельно передвигаться по поверхности, касаясь ее несколькими частями тела. При этом глагол крупе чаще означает движение, при которой поверхности касается всё тело, а kravle — перемещение, при котором поверхности касаются конечностями. Эти глаголы обозначают движение одушевленных и неодушевленных объектов по разным осям координат. Baby kravler for første gang. Ребенок ползет в первый раз. Zombien må kravle opp fra kista si gjennom metervis med jord. Зомби должен выкарабкаться из гроба и из-под нескольких метров земли. Kakkerlakken krøp inn i øret. Таракан заполз в ухо. Store styrker jaktet i natt på fanger som rømte fra Indiana State Prison, etter at de krøp gjennom underjordiske tunneler og rør. Большие силы охотились сегодня ночью за тремя заключенными, бежавшими из государственной тюрьмы Индианы. Они проползли по подземным туннелям и трубам. Глагол kreke, который также переводится на русский язык как ползти (тащиться, брести), обозначает медленное, неспешное передвижение, не сопряженное с особыми телодвижениями. Så til tross for mitt intense ønske om å sove lenge, etter ei veldig sein natt, kreket jeg meg bort til svømmebassenget. Так что, несмотря на мое острое желание поспать подольше после затянувшегося вечера, я пополз (потащился) к бассейну. Глаголы крупе и kravle также могут употребляться в этом переносном значении, а глагол kreke не синонимичен их основному значению.

Существует целый ряд других глаголов, которые можно отнести к описываемой группе. Например, перемещение, при котором объект шатается, нетвердо держится на ногах, обозначают глаголы sjangle *идти шатаясь, качаясь*, vikle *идти, шатаясь*, gave *идти нетвердой походкой*, vingle *идти неустойчиво, шатаясь*. Для описания перемещения тяжелыми, но неуверенными шагами, используется глагол stabbe. Ходьбу топающей походкой обозначает глагол stampe. Tasse — *идти, шаркая ногами*.

Безусловно, лексическим единицам норвежского языка свойственна полисемия. В статье глаголы рассматривались только в прямом значении. Объектом в рассмотренных случаях употребления являлись одушевленные предметы.

Описанный материал позволяет сделать вывод, что лексическая группа норвежских глаголов движения, в семантике которых маркирована манера передвижения, велика и разнообразна. Двенадцать выявленных оттенков значения можно свести к пяти нетривиальным семантическим признакам и представить в виде таблицы.

		Неустойчивость	Скорость	Особый способ соприкосновения с поверхностью	Производимый звук	Тяжесть поступи
halte	хромать	X				
hinke 1	хромать	X				
hinke 2	прыгать на одной ноге	X		X		
hoppe	прыгать			X		
hufse seg	двигаться рывками		X			
humpe	прихрамывать	X				X
jumpe	прыгать тяжело			X		X
kravle	ползти			X		
krype	ползти		X	X		
rave	идти нетвёрдо	X				
rulle	катиться			X		
sjangle	идти, шатаясь	X				
skri/skli	скользить			X		

		Неустойчивость	Скорость	Особый способ соприкосновения с поверхностью	Производимый звук	Тяжесть поступи
snuble	спотыкаться			X		
stabbe	неуверенно шагать	X				X
stampe	идти, топя				X	X
stavre	ковылять	X				
stolpre	ковылять	X				X
tasse	идти, шаркая			X	X	
tøfle	идти, мягко ступая			X		X
trampe	идти, тяжело ступая				X	X
vagge	идти вперевалку	X				
vakle	идти, шатаясь	X				
vingle	идти неустойчиво	X				
vralte	идти вразвалку	X				

Нередко норвежские глаголы этой группы можно перевести на русский язык только описательно или с использованием деепричастных оборотов, что демонстрируют и переводы примеров в этой статье.

ЛИТЕРАТУРА

- Гак В. Г. Функционально-семантическое поле предикатов локализации // Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность. СПб., 1996. С. 6–26.
- Кронгауз М. А. Семантика. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 352 с.

Ливанова А. Н. Временной тест Филлмора применительно к норвежским глаголам маршрута // Скандинавская филология = *Scandinavica*. Вып. 10. СПб., 2009. С. 133–141.

ЛЭС: Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.

REFERENCES

Gak V.G. *Funktional'no-semanticheskoe pole predikatov lokalizatsii* [Functional Semantic Field with Localisation Predicates] // *Teoriia funktsional'noi grammatiki: Lokativnost'. Bytiinost'. Posessivnost'. Obuslovennost'* [Theory of the functional grammar: Locativeness. Existence. Possessiveness. Conditionality]. St. Petersburg, 1996, s. 6–26.

Krongauz M.A. *Semantika* [Semantics]. Moscow, Izdatel'skii tsentr «Akademiiia» [Academia Publ.], 2005, 352 s.

Livanova A.N. *Vremennoi test Fillmora primenitel'no k norvezhskim glagolam marshruta* [Fillmore's Time Test Applied to Norwegian Path Verbs]. *Skandinavskaiia filologiia = Scandinavica*. Vyp. 10 [Vol. 10]. St. Petersburg, 2009, s. 133–141.

LES: *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia, 1990, 685 s.

ИСТОЧНИКИ

Nesbø Jo. Politi. Oslo, 2013.

Dagbladet 11.02.1999, 22.05.1999, 02.03.1999, 06.08.2001, 04.11.2001, 27.05.2002, 03.07.2002, 19.09.2002, 13.10.2002, 07.01.2003, 03.09.2003, 30.10.2003, 20.07.2007, 05.01.2009, 13.07.2009, 11.01.2010, 28.10.2010, 09.06.2012, 30.06.2012, 10.07.2012, 26.07.2012, 07.10.2012, 10.07.2013.

Stavanger Aftenblad 02.10.2013, NRK 10.01.2014. 18.08.2013, 07.11.2013, 26.01.2014, 16.02.2014.

Steinkjer avisa 20.09.2013.

SOURCES

Nesbø Jo. Politi. Oslo, 2013.

Dagbladet 11.02.1999, 22.05.1999, 02.03.1999, 06.08.2001, 04.11.2001, 27.05.2002, 03.07.2002, 19.09.2002, 13.10.2002, 07.01.2003, 03.09.2003, 30.10.2003, 20.07.2007, 05.01.2009, 13.07.2009, 11.01.2010, 28.10.2010, 09.06.2012, 30.06.2012, 10.07.2012, 26.07.2012, 07.10.2012, 10.07.2013.

Stavanger Aftenblad 02.10.2013, NRK 10.01.2014. 18.08.2013, 07.11.2013,
26.01.2014, 16.02.2014.
Steinkjer avisa 20.09.2013.

Лавринайтис Екатерина Андреевна

Магистр лингвистики,
руководитель отдела прессы, культуры и информации
Генерального консульства Королевства Норвегия в Санкт-Петербурге.
Россия, 191014, Санкт-Петербург, Лиговский проспект, д. 13–15

Ekaterina Lavrinaytis

Master of Linguistics,
Head of Press, Culture and Information Section
at the Royal Norwegian Consulate General in St. Petersburg.
13–15, Ligovsky prospekt, St. Petersburg, 191014, Russia
E-mail: ekatlavr@gmail.com

А. Н. ЛИВАНОВА

Санкт-Петербургский государственный университет

НОРВЕЖСКИЙ ЯЗЫК ПОД УГРОЗОЙ?

Ключевые слова: заимствования, диалекты, кебаб-норвежский.

Многие полагают, что норвежскому языку угрожает распространение английского в ряде профессиональных сфер и проникновение большого числа английских заимствований в сам норвежский. Влияют на стандартные варианты норвежского языка также мультиэтнический молодежный жаргон «кебаб-норвежский» и повсеместное использование диалектов. Однако вряд ли это приведет к его исчезновению.

ALEXANDRA LIVANOVA

St. Petersburg State University

IS NORWEGIAN UNDER THREAT?

Keywords: loan words, dialects, kebab-Norwegian.

Norwegian language is envisaged as threatened by the English language. English keeps pressing Norwegian away from some professional spheres; English loan words are abundant in modern Norwegian. Some see the threat as coming from “kebab-Norwegian”, while both standard Norwegian varieties (bokmål and nynorsk) are changing under the influence from dialects. Anyway, as long as Norwegians themselves recognize their language as Norwegian, it should be considered as such.

Норвежский лингвист Сильфест Лумхейм Sylfest Lomheim, в 2004–2010 гг. возглавлявший в своей стране Språkrådet — Государственный совет по языку, не раз высказывал озабоченность тем, что через сто лет, если тенденция не изменится, норвежский язык

уйдет со сцены и уступит место английскому¹. Важнейшей целью упомянутая организация ставит себе «Обеспечить использование норвежского языка во всех сферах общественной жизни также и в будущем, и не допустить вытеснения норвежского языка английским» [Om Språkrådet, 2012]. При этом имеется в виду, конечно, американский вариант английского; в литературе с пугающими заголовками недостатка нет, типичный образец — [Bryn, 1992].

Видимо, не стоит задаваться вопросом «Сильфест Лумхейм глуп?», как авторы одноименной статьи [Aurstad, Tonne, Uri, 2008]. Ведь не он один, а многие ведущие лингвисты полагают вполне вероятной ситуацию, когда в мире останется один язык: «Люди стремятся переходить на те языки, функции которых более универсальны и разнообразны, эта тенденция была всегда и сейчас только усиливается», и в настоящее время на роль такого универсального языка претендует именно английский, полагает В. Плунгян [Плунгян, 2014]. Однако никто не считает, что такое сокращение языков произойдет всего за сто лет. Авторы статьи дают отрицательный ответ на вынесенный ими в заголовок вопрос, понимая, что провокационными выступлениями Лумхейм хочет привлечь внимание общественности к наступлению английского. Чем же он так обеспокоен?

Ведь родственные английский и скандинавские языки издревле влияли друг на друга. Этому способствовали тесные культурные и хозяйственные связи между жителями запада Норвегии и Британских островов, а в XIX в. и массовая экономическая эмиграция из Норвегии в США. Уже в конце этого столетия изучение английского языка стало обязательно в гимназии, а с 1935 г. английский обрел статус основного иностранного языка в норвежской школе².

С конца Второй мировой войны и до 1970-х гг. основными факторами, способствовавшими усилению влияния английского языка на Норвегию, служили американская экономическая помощь в рамках плана Маршалла, стипендии студентам из Норвегии для обучения в США, организация в 1947 г. летней школы в Осло для потомков норвежских переселенцев в США.

¹ См., напр.: [Folgerø, 2000; Lomheim, 2008] и др.

² Подробнее об этом см., напр.: [Simensen, 2008. S. 2–77].

В 1970-х гг. влияние английского резко возрастает благодаря СМИ и популярности американского кино. Фильмы в Скандинавии не дублируют; слушая речь на иностранном языке, зритель поневоле многое запоминает.

Однако важнейшим фактором распространения английского стала глобализация, результатом которой явились, с одной стороны, вытеснение норвежского языка английским из ряда сфер, с другой стороны — изменения в лексике, грамматике и фонетике норвежского языка под воздействием английского.

Вытеснение английским норвежского касается главным образом промышленности и науки. Что касается промышленности, глобализация экономики привела к появлению мультинациональных корпораций, включая и компании с государственным участием, в том числе и норвежские, где английский является языком корпоративного общения. Тот факт, что крупнейшая государственная нефтяная компания Статойл переходит на норвежский язык (в Норвегии!) особо подчеркивали в норвежской прессе! [Då oljespråket vart norsk, 2008]. Однако радость была недолгой. Уже в 2010 г. компания информировала своих поставщиков о том, что в связи с ростом интернационализации деятельности компании экономически оправданно вести всю документацию на одном языке, английском³.

Как указано в исследовании [Simensen, 2008. S. 2], 95 % предприятий, ведущих экспортно-импортные операции, используют английский в работе, а 35 % предприятий с числом работников более 200 избирают английский рабочим языком.

В ряде отраслей распространение английского связано с малой разработанностью терминологии на норвежском языке, при том, что, как показали исследования, использование норвежского в рыболовстве, рыбоводческой отрасли и бухгалтерском деле повышает рентабельность предприятий [Folkestad, 2006]. В стране прилагаются значительные усилия по формированию терминологической базы. Решением Стортинга в 2009 г. при Совете по языку создана специальная терминологическая служба, призванная координировать усилия в этой области. С 2011 г. служба ежегодно проводит семинары по теме.

³ Сообщение норвежского телеграфного бюро NTB на сайте <http://www.hegnar.no/okonomi/article/421244.ece> 23.04.2010).

Глобализация науки тесно связана с глобализацией образования. Уже пару десятилетий норвежские дети начинают изучать английский, как только поступают в школу в шестилетнем возрасте. Не только в вузах, но и в школе используют учебники на английском языке. В связи с особой языковой ситуацией в Норвегии (наличием двух официальных «вариантов» языка — букмола и новонорвежского, который распространен значительно меньше) иногда получить послешкольное образование оказывается проще за границей, на английском языке, нежели раз за разом проваливать в школе выпускной экзамен по новонорвежскому, сдача которого необходима для обучения в норвежских университетах. Однако хотя все университеты страны указывают основным языком образования норвежский, в 2007–2008 учебном году 27 % студентов магистратуры в университетах Норвегии получали образование в рамках полностью англоязычных программ [Kraft, 2010]. В 2014 г., когда отмечается 200 лет норвежской конституции, в университете Осло читаются два курса, посвященных юбилею, и оба — на английском языке, с целью привлечь как можно больше иностранных студентов [Engebretsen, 2014].

Английский держит в науке прочную позицию в качестве латыни современности⁴. Научные статьи и монографии, журналы, в том числе лингвистические, печатаются на английском языке; в 2007 г. от 60 до 100 % диссертаций (в разных дисциплинах) были написаны на английском [Kvittingen, 2008] — иначе достижения норвежцев оказываются недоступными для мирового научного сообщества. С 2008 г. на английском языке выходит электронная версия журнала университета Осло «Аполлон» — www.apollon.uio.no/english/. В заостренной форме вопрос использования английского научным сообществом поставила Ида Блум (Ida Blom), профессор искусствознания того же университета Осло: «Что мы должны сохранять, норвежскую культуру или качественную науку? Задачей университета должно быть второе» [Gjerpe, 2012. S. 14].

На страницах писательского сайта «Писательский блог» — Forfatterbloggen — обсуждается даже возможность создания норвежскими авторами художественных произведений на английском

⁴ См., напр.: [Simonsen, 2004] и рецензию на нее [Jarvad, 2004. S. 23].

с целью выхода на значительно более широкого читателя [Lande, 2007]. Пока же в книгах некоторых писателей на родном языке английский зашкаливает, как в в цитате из романа 2003 г. «Pure Popmusicbaby!» автора Гэуте Би (Gaute Bie): Free the Man **var** fucked **i** **hodet. Han var Sofus G.** heavily drugged on love & FRESH! LIVE! EXCITEMENT!⁵ Норвежские слова выделены полужирным.

Захват английским позиций в целом ряде сфер вызывает у многих опасение, что степень владения этим языком может превратиться в новый классовый барьер [Aurstad, Tonn, Uri, 2008]. Стоит отметить, что английский язык норвежцев все же обладает рядом особенностей, вызванных как интерференцией родного языка, так и преобладанием в обучении коммуникативного метода, без серьезной опоры на системное изучение лексики и грамматики; такой «испорченный» норвежцами английский получил название *Norwenglish*, или *norvengelsk*.

Что же касается изменений самого норвежского языка под воздействием английского, заметно оно прежде всего в лексике. Если на 1945 г. в норвежском языке насчитывалось 531 заимствованное из английского языка слово (440 основ) [Stene, 1945. S. 211], то в словаре англицизмов 1997 г. их уже более 4000 [Graedler, Johansson, 1997]. Точную цифру назвать сложно, лишь в 1990 г. стартовал проект «Английский в норвежском языке и обществе» — «*Engelsk i norsk språk og samfunn*»⁶. Как бы то ни было, заимствования из английского составляют «80–90 % всех новых заимствований» [Берков, 2011. С. 68].

Совет по языку регулярно публикует предложения по замене заимствований из английского норвежскими словами или же их орфографической норвегизации. Однако деятельность совета является рекомендательной, и орфография английских заимствований чрезвычайно неустойчива (при том, что весьма неустойчива и орфография самого норвежского).

Наблюдается определенное структурное влияние английского языка на норвежский: вместо сложных слов, где первая субстантивная основа служит определением второй, все чаще встречается

⁵ Цит. по: [Herbjørnsrud, 2003].

⁶ Подробнее об этом см.: [Graedler, 2002].

раздельное написание. Так, вместо *tunnfiskbiter* ‘кусочки тунца’ пишут *tunnfisk biter*, что означает ‘тунец кусается’, именно это сочетание вынесено в название книги, посвященной рассмотрению этого явления и изданной на основе данных сайта, созданного озабоченными норвежцами [Fredvik, 2009]. Кроме того, распространяется не принятое в норвежской орфографии использование апострофа перед показателем посессивности.

Влияние английского на норвежскую фонетику ничтожно и выражается главным образом в некотором изменении дистрибуции звука *æ*, а грамматически большинство заимствований адаптированы к норвежской системе, если не считать незначительного числа существительных, сохраняющих — пока? — показатель множественного числа *-s* (*en fan — fans*) и в некотором распространении вспомогательного глагола *være* «быть» за счет *bli* «становиться» в пассиве [Gundersen, 2002]. На более ранних этапах англо-норвежских контактов английский, как показывают, в частности, работы Ю. К. Кузьменко, оказал на континентальные скандинавские языки гораздо более значительное воздействие, способствовав редукции в них падежной системы и повлияв на становление грамматической категории рода [Кузьменко, 1998. С. 5–44; 2012. С. 284–298].

Влияние английского на норвежский заметно сказывается лишь на лексике, но заимствованные слова успешно адаптируются к норвежской системе, что свидетельствует о ее устойчивости. Думается, в такой ситуации заимствования скорее обогатят норвежский язык, чем его ослабят.

Кроме английского, определенную тревогу вызывает у норвежцев распространение среди городской молодежи так называемого *kebab-norsk*, т. е. «кебаб-норвежского» — мультиэтничного жаргона небогатых предместий столицы, где на 2000 г. до 30 % молодежи составляли не этнические норвежцы [Då oljespråket vart norsk, 2008]. В 2005 г. вышел словарь из 150 слов этого жаргона [Østby, 2005]. По происхождению это слова из урду, турецкого, арабского и испанского языков, почему его называют еще *wollah-norsk* (от искаженного арабского) и *salsa-norsk* — сальса-норвежский.

Отмечено, что на речь этнических норвежцев, проживающих в городских районах с преобладанием ненорвежского населения, сильно влияет произношение последних и упрощенная граммати-

ка, в частности, слабое владение системой тонов, спряжение неправильных глаголов по аналогии с правильными, несоблюдение порядка слов и т. п. (см. об этом, например, [Gravdal, 2000]).

Молодежь, пользующаяся кебаб-норвежским, называет его иначе — *asfaltnorsk* «асфальтовый норвежский» и *gatenorsk* «уличный норвежский», и именно эти последние названия точно характеризуют место, которое этот жаргон занимает в системе норвежского языка: заметное, но незначительное, будучи ограниченным возрастными рамками говорящих, их низким социальным статусом и узким географическим распространением. Вряд ли влияние кебаб-норвежского на стандартный норвежский грозит ему разрушением.

Таким образом, угрозы норвежскому извне не столь страшны. Стандартный норвежский (и букмол, и новонорвежский) гораздо сильнее меняется в связи с продолжающейся демократизацией языка, а именно допущением диалектной речи во все сферы бытования языка, что связано как с языковой политикой страны, так и с постоянным ростом мобильности населения внутри Норвегии. Мало того, отказ от диалекта в пользу одной из стандартных форм считается «сомнительным с точки зрения морали» — *moralsk tvilssomt* [Akselberg, 2013. S. 8]. В результате идиолект все большего числа норвежцев не укладывается в рамки устоявшихся официальных вариантов. Характерны слова студентки в интервью газете: «Я смешиваю всё: диалект, нюнорск, букмол» [Et land av æ..., 2013].

Результат смешения букмола, ставангерского диалекта и английского языка с вкраплениями как из древних германских языков, так и некоторых восточных, отражен в нашумевшей поэме Эйвинна Римберейда «Солярис откорректированный», написанной на норвежском языке, каким он в представлении автора будет в 2480 г. Начинается оно так [Rimbereid, 2004. S. 9]:

WAT vul aig bli om du ku kreip fra din vorld til uss?
SKEIMFULL, aig trur, ven du kommen vid diner imago ovfr
oren tiim

Этот язык, вобравший в себя столь многое из разных источников, тем не менее явственно воспринимается именно как норвежский.

Лингвисты, особенно носители так называемых мировых языков, склонны делать акцент именно на коммуникативной функции языка, см., например, [Касевич, 2013. С. 59, 66]. Однако для носителей малых языков на первый план выходит именно функция отражения языком национальной, региональной, локальной и индивидуальной идентичности, чему служит свидетельством норвежская ситуация. В посвященном языковому развитию докладе правительства норвежскому парламенту (Стортингу) пункт 6.1.2 на с. 85, «Основные функции», начинается так: «Язык является основой для всех нас. Наша идентичность и наше представление о самих себе в значительной степени привязаны к языку» [Mål og mening, 2008]. Большая часть параграфа посвящена именно этой функции языка; упоминается также его референциальная функция, и совсем мало сказано о коммуникативной.

Представляется, что традиционно значительное место, которое вопрос языковой идентичности занимает в сознании большинства норвежцев (при том, что этот вопрос сознательно заостряют Сьюльфест Лумхейм и другие борцы за сохранение позиций норвежского), и усилия, направленные на выработку отечественной терминологии для специальных сфер, не позволят норвежскому языку исчезнуть ни через сто, ни через тысячу лет: «норвежский язык просуществует до тех пор, пока сами норвежцы и другие будут узнавать в том языке, на котором мы пишем и говорим, именно норвежский» [Aurstad, Tonne, Uri, 2008].

ЛИТЕРАТУРА

- Берков В. П.* Норвежская лексикология. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. 192 с.
- Касевич В. Б.* Когнитивная лингвистика: В поисках идентичности. М.: Языки славянских культур, 2013. 192 с.
- Кузьменко Ю. К.* О причинах и путях редукции падежной системы // *Varietas delectans*. Сборник статей к 70-летию Николая Леонидовича Сухачева. СПб., 2012. С. 284–298.
- Кузьменко Ю. К.* Языковые контакты и морфологические изменения. Судьба категории рода в скандинавских языках и диалектах // *Этнолингвистические исследования. Взаимодействие языков и диалектов*. СПб., 1998. С. 5–44.

- Плунгян В. А.* Когда в мире останется только один язык? [Электронный ресурс]. URL: <http://postnauka.ru/faq/22132> 22.01.2014.
- Akselberg G.* En utvannet dialekt sier mer enn du tror // *Aftenposten*, 22.06.2013. S. 8.
- Aurstad B., Tonne I., Uri H.* Er Sylfest Lomheim dum? // *Aftenposten*, 28.05.2008.
- Bryn S.* Norske Amerikabilete. Om amerikaniseringen av norsk kultur. Oslo, 1992.
- Engebretsen Li M.* Grunnloven på engelsk. // *Universitas*. 29.01.2014. S. 16.
- Folgerø H.* Norsk språk vil dø // *Kulturnytt*. 26.09.2000.
- Folkestad S.* Norsk fagspråk øker lønnsomheten [Электронный ресурс]. 03.2006. URL: <http://www.magma.no/norsk-fagspraak-oeker-loennsomheten>.
- Fredvik T.* (red.) AMO advarer Tunfisk biter i vann [Электронный ресурс] // *Nesodden*, 2009. URL: <http://folk.uio.no/tfredvik/amo/>.
- Gjerpe K.* Hvor norsk er en nasjonal forskningskultur — og kan den skrives på engelsk? // *PROSA*. 2012. Nr 2. S. 11–15.
- Graedler A.-L.* Engelsk i norsk [Электронный ресурс] // *Språknytt*. 2002. Nr 3–4. URL: http://www.sprakradet.no/tema/fakta/engelsk_i_norsk/.
- Graedler A.-L., Johansson S.* (reds.) *Anglismeordboka*. Oslo, 1997.
- Gravdal G.* Har do problem snakka bra? // *Aftenposten*. 11.07.2000. S. 6–7.
- Gundersen D.* Om engelsk i norsk [Электронный ресурс]. URL: http://www.sprakrad.no/Toppmeny/Publikasjoner/Spraaknytt/Arkivet/Html/Spraaknytt_2_1996/#engelsk.
- Herbjørnsrud D.* Yes, vi kan engelsk! // *Aftenposten*. 12.07.2003.
- Jarvad P.* Engelsk — eliternes nye latin? // *Forskningspolitikk*. Nr 4, 2004. S. 23.
- Kraft N.* «Å, ikke engelsk nå igjen!» // *Morgenbladet*. 15–21.10.2010. S. 22–23.
- Kvittingen I., Havelin Rekdal E.* Engelsk overtak // *Forskerforum*. 06.2008. S. 12–17.
- Lande F.* Bør norske forfattere skrive på engelsk? 15.08.2007 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.aftenposten.no/kultur/litteratur/article/1937736.ece>.
- Lomheim S.* Står norsk språk «fjellstøtt»? 30.05.2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sprakradet.no/Toppmeny/Aktuelt/Staar-norsk-spraak-fjellstoett>.
- Mål og mening — Ein heilskapleg norsk språkpolitikk. St.meld. Nr 35 (2007–2008). Oslo, 2008.
- Om Språkrådet [Электронный ресурс] // *Språknytt*. Nr 4. 2012. URL: <https://www.xn--sprkrdet-c0ac.no/Toppmeny/Om-oss/English-and-other-languages/Russisk/>.

- Østby A. Kebabnorsk ordbok. Gyldendal, 2005.
- Rimbereid Ø. Solaris korrigert. Oslo, 2004. S. 9.
- Simensen A. M. Fokus på engelsk. Halden, 2008. S. 2–77.
- Simonsen D. F. (red.) Språk i kunnskapssamfunnet. Engelsk eliternes nye latin? Oslo, 2004.
- Statoil dropper norsk for å spare penger. 23.04.2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hegнар.no/okonomi/artikkel418424.ece>.
- Stene Aa. English loan-words in modern Norwegian. London; Oslo, 1945. S. 211.

REFERENCES

- Berkov V.P. *Norvezhskaia leksikologija* [The Norwegian lexicology]. St. Petersburg, Filologicheskii fakul'tet SpbGU Publ., 2011, 192 s.
- Kasevich V.B. *Kognitivnaia lingvistika: V poiskakh identichnosti* [Cognitive Linguistics: In Search of Identity]. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2013, 192 s.
- Kuz'menko Iu.K. O prichinakh i putiakh reduksii padezhnoi sistemy [Towards the reasons and means of reduction of the case system]. *Varietas delectans. Sbornik statei k 70-letiiu Nikolaia Leonidovicha Sukhacheva* [Varietas delectans. Proceedings on the 70th anniversary of Nikolay Leonidovich Sukhachev]. St. Petersburg, 2012, s. 284–298.
- Kuz'menko Iu.K. *Iazykovye kontakty i morfologicheskie izmeneniia. Sud'ba kategorii roda v skandinavskikh iazykakh i dialektakh* [Language contacts and morphological changes. The category of gender in the Scandinavian languages and dialects]. *Etnolingvisticheskie issledovaniia. Vzaimodeistvie iazykov i dialektov* [Ethno-linguistic research. Interconnection of languages and dialects]. St. Petersburg, 1998, s. 5–44.
- Plungian V.A. *Kogda v mire ostanetsia tol'ko odin iazyk?* [When will there be only one language?]. URL: <http://postnauka.ru/faq/22132> 22.01.2014.
- Akselberg G. En utvannet dialekt sier mer enn du tror [A diluted dialect says more than you think]. *Aftenposten*, 22.06.2013, s. 8.
- Aurstad B., Tonne I., H. Uri. Er Sylfest Lomheim dum? [Is Sylfest Lomheim stupid?] *Aftenposten*, 28.05.2008.
- Bryn S. *Norske Amerikabilete. Om amerikaniseringen av norsk kultur* [Norwegian America Image. About Americanization of Norwegian culture]. Oslo, 1992.
- Engebretsen Li M. Grunnloven på engelsk [The Constitution in English]. *Universitas*, 29.01.2014, s. 16.
- Folgerø H. Norsk språk vil dø [Norwegian language will die]. *Kulturnytt*, 26.09.2000.

- Folkestad S. Norsk fagspråk øker lønnsomheten [Norwegian technical language increases profitability]. 03.2006. URL: <http://www.magma.no/norsk-fagspraak-oeker-loennsomheten>.
- Fredvik T. (red.) AMO advarer Tunfisk biter i vann [AMO warns tuna chunks in water]. *Nesodden*, 2009. URL: <http://folk.uio.no/tfredvik/amo/>.
- Gjerpe K. Hvor norsk er en nasjonal forskningskultur — og kan den skrives på engelsk? [How Norwegian is a national research culture — and it may be written in English?]. *PROSA*, 2012, Nr 2, s. 11–15.
- Graedler A.-L. Engelsk i norsk [English in Norwegian]. *Språknytt*, 2002, Nr 3–4. URL: http://www.sprakradet.no/tema/fakta/engelsk_i_norsk/.
- Graedler A.-L., Johansson S. (reds.) *Anglisismeordboka* [The Anglicisme dictionary]. Oslo, 1997.
- Gravdal G. Har do problem snakka bra? [Have do problem spoke good?]. *Aftenposten*, 11.07.2000, s. 6–7.
- Gundersen D. *Om engelsk i norsk* [About English in Norwegian]. URL: http://www.sprakrad.no/Toppmeny/Publikasjoner/Spraaknytt/Arkivet/Html/Spraaknytt_2_1996/#engelsk.
- Herbjørnsrud D. Yes, vi kan engelsk! [Yes, we speak English!] *Aftenposten*, 12.07.2003.
- Jarvad P. Engelsk — eliternes nye latin? [English — new Latin for the elites?] *Forskningpolitikk*, Nr 4, 2004, s. 23.
- Kraft N. «Å, ikke engelsk nå igjen!» [Oh, no English again!]. *Morgenbladet*, 15–21.10.2010, s. 22–23.
- Kvittingen I., Havelin Rekdal E. Engelsk overtak [The English ascendancy]. *Forskerforum*, 06.2008, s. 12–17.
- Lande F. *Bør norske forfattere skrive på engelsk?* [Should Norwegian authors write in English?]. 15.08.2007. URL: <http://www.aftenposten.no/kultur/litteratur/article1937736.ece>.
- Lomheim S. *Står norsk språk «fjellstøtt»?* [Is Norwegian language standing “rock solid”?]. 30.05.2008. URL: <http://www.sprakradet.no/Toppmeny/Aktuelt/Staar-norsk-spraak-fjellstoett>.
- Mål og mening — Ein heilskapleg norsk språkpolitikk* [Goals and meaningfulness — A holistic Norwegian language policy]. St.meld. Nr 35 (2007–2008). Oslo, 2008.
- Om Språkrådet* [About the Language Council]. *Språknytt*, Nr 4, 2012. URL: <https://www.xn--sprkrdet-c0ac.no/Toppmeny/Om-oss/English-and-other-languages/Russisk/>.
- Østby A. *Kebabnorsk ordbok* [Kebab Norwegian dictionary]. Gyldendal, 2005.
- Rimbereid Ø. *Solaris korrigert* [Solaris corrected]. Oslo, 2004.
- Simensen A.M. *Fokus på engelsk* [Focus on English]. Halden, 2008, s. 2–77.

Simonsen D.F. (red.) *Språk i kunnskapssamfunnet. Engelsk eliternes nye latin?* [Language in the knowledge society. English — new Latin for the elites?] Oslo, 2004.

Statoil dropper norsk for å spare penger [Statoil dropper Norwegian to save money]. 23.04.2010. URL: <http://www.hegнар.no/okonomi/artikkel418424.ece>.

Stene Aa. *English loan-words in modern Norwegian*. London; Oslo, 1945.

Ливанова Александра Николаевна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры скандинавской и нидерландской филологии, филологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет.
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9

Alexandra Livanova

Candidate of Philology, Associate Professor,
Department of Scandinavian and Dutch Philology,
Faculty of Philology, St. Petersburg State University.
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

E-mail: a.livanova@spbu.ru

П. А. ЛИСОВСКАЯ

Санкт-Петербургский государственный университет

МОТИВ УБИЙСТВА УЛОФА ПАЛЬМЕ В НОВЕЙШЕМ ШВЕДСКОМ РОМАНЕ

Ключевые слова: Улоф Пальме, мотив убийства, Альмквист, Анна Карин Пальм, мифологизация.

В статье рассматривается мотив убийства премьер-министра Швеции Улофа Пальме в шведской художественной прозе 2000-х гг. Как элемент сюжета в ряде криминальных романов и триллеров начала XXI в. убийство Улофа Пальме стало продуктивным мотивом и для целого ряда не связанных с детективным жанром произведений новейшей шведской литературы. Романы «Снежный ангел» Анны Карин Пальм и «Аутсайдер» Турбьерна Флюгта, анализируемые в данной статье в качестве примеров, опубликованы в 2011 г. Предлагаемое исследование ставит целью попытку определить, в какой степени трагический исторический эпизод приобрел черты мифа в культурно-историческом сознании шведской нации.

POLINA LISOVSKAYA

St. Petersburg State University

THE ASSASSINATION OF OLOF PALME AS A MOTIVE IN NEWEST SWEDISH NOVEL

Keywords: Olof Palme, assassination in literature, historical mythology in literature, Almquist, Anna Karin Palm.

The article deals with the motive of murder of Sweden's prime-minister Olof Palme in Swedish fiction of the 2000-s. A part of the plot in several crime and action stories of the beginning of the new century the assassination of

Olof Palme turned out to be a productive theme for non-crime narratives as well. The two examples examined in this study are “The Snow Angel” by Anna-Karin Palm and “Outsider” by Torbjörn Flygt both published in 2011. The study aims at examining to which extent the tragic historical episode has become myth in the nation’s cultural consciousness.

Мотив убийства относится к наиболее распространенным и продуктивным в истории литературы. Уже с древних времен особое внимание как в эпосе, так и в драме уделялось убийству политического деятеля. Будучи неотъемлемой частью истории как таковой, этот сюжет естественным образом стал важнейшим элементом исторической трагедии. Среди наиболее древних примеров его использования — история Юдифи и трагедии Софокла и Эсхила. Большое внимание этой теме уделил Шекспир («Генрих Шестой», «Ричард Третий», «Макбет» и др.). К теме политического убийства обращались французские классицисты, а также Шиллер, Гюго, Дюма-отец, Хемингуэй, Оскар Уайльд, Грэм Грин и множество других писателей и драматургов. Можно привести немало примеров использования несколькими авторами сюжета об убийстве одного и того же исторического персонажа: убийство короля Эдуарда II описывается у Кристофера Марло («Эдуард II», 1592) и Бертольда Брехта («Жизнь Эдуарда II Английского», 1924), история убийства шведского короля Густава III разработана в романе К. Й. Л. Альмквиста «Диадема королевы» (1834) и драме Августа Стриндберга «Густав III» (1902), она же легла в основу написанного Эженом Скрибом сюжета «Густав III, или Бал-маскарад», который лег в основу либретто для оперы Верди «Бал-маскарад».

Что касается мотива убийства нераскрытого, то он принадлежит, в первую очередь, бурно развивавшемуся в XX в. приключенческому жанру. Наиболее резонансным политическим убийством середины прошлого века стало, по сути, так и нераскрытое убийство Джона Кеннеди 22 ноября 1963 г. Обернувшись сильной травмой для массового сознания американцев, оно не могло не отразиться в культуре в целом и в литературе в частности. Породив многочисленные драматические и кинематографические версии, оно легло в основу криминальных романов и детективов: яркий пример — роман Дона Делилло «Весы» («Libra», 1988). Как прави-

ло, наиболее ценные художественные трактовки трагических событий подобного рода появляются, как минимум, два десятилетия спустя, когда возникает временная и психологическая дистанция, позволяющая их непредвзято интерпретировать и оценить. Кроме того, очевиден и тот факт, что чем больше дистанция, отделяющая автора от исторического события, тем сильнее тенденция к мифологизации знаковых исторических сюжетов, к которым относятся и политические убийства. Об этом же говорит и наличие их разных трактовок и попыток использовать событие из ушедшей истории в качестве элемента в художественном произведении.

До сих пор нераскрытое убийство премьер-министра Швеции Улофа Пальме 28 февраля 1986 г. — одно из уникальных по степени трагизма событий в истории этой страны в XX в. Выстрелы в Пальме, став поворотным пунктом в истории шведского общества, знаменуют собой начало слома эпохи «дома для народа» («folkhemmet»), когда начали рушиться иллюзии о государстве всеобщего благоденствия и вскрываться его многочисленные проблемы и тупики.

Важно отметить, что шведские писатели стали обращаться к истории убийства У. Пальме уже с начала 1990-х гг., а новый заметный всплеск интереса к этой теме случился через тридцать лет после трагедии, в 2007 г. В первую очередь это писатели детективного жанра: Андерс Л. Эльмквист, Йенс Лапидус, Лейф Г. В. Перссон и др. В качестве ночного кошмара, посещающего мелкого уголовного Эйч Пи, фигурирует убийство премьер-министра в повествующем о современности остросюжетном романе Андерса Де Ла Мотта «Гейм». В ткань трилогии, куда входит этот роман, также вплетены детали, связанные с убийством на Свеавэген, в частности, в нем упоминается и известная любому шведскому полицейскому аббревиатура «O.P.V», обозначающая орудие убийства Улофа Пальме («Olof Palme vapen»).

Через четверть века после смерти Пальме, в 2011 г., вышли два, не связанных с криминальным жанром, шведских романа: «Снежный ангел» Анны-Карин Пальм и «Аутсайдер» Турбьерна Флюгта. В них, тем не менее, живет и осмысливается тема этой трагедии. Авторы родились в начале 1960-х, принадлежат к одному поколению шведов, и впоследствии, по-видимому, оба стали размыш-

лять о воздействии гибели Пальме на жизнь общества, в котором живут.

Эти романы Пальм и Флюгта отличаются, как жанрово, так и композиционно. «Снежный ангел» — опыт создания метапрозы, наполненной типичными для писательницы постмодернистскими элементами: многоголосием персонажей, переплетениями жизненных историй, путешествиями во времени, а также приемом «короткого замыкания», когда автор и герой встречаются непосредственно в тексте романа. Однако автор четко дает понять, что основной хронотоп «Снежного ангела» — Стокгольм зимой 1985–1986 гг. Кроме того, в ткани повествования живут аллюзии на Евангелие, и, конечно, основной интертекст — роман «Диадема королевы» («Drottningens Juvelsmycke», 1834) Карла Юхана Луве Альмквиста, повествующий о событиях вокруг убийства шведского короля Густава III на бале-маскараде в 1792 г. Ларс Бурман предлагает считать «Диадему королевы» одним из первых шведских документальных романов и указывает, что для создания этого произведения Альмквист использовал тщательно им изученные подлинные документы. При этом Л. Бурман считает, что справедливее все же отнести роман к категории исторических: «Описанные события разворачивались более чем за сорок лет до года публикации, и те изменения, что произошли в Швеции в этом промежутке, были весьма велики: раздел королевства [потеря Швецией Финляндии. — П. Л.], новая королевская династия, новый закон о форме правления 1809 года, нарождающиеся либерализация и индустриализация. В стране дули новые литературные и культурные ветры» [Burman, 2002. S. VIII].

В отличие от урожденной жительницы Стокгольма А.-К. Пальм, автор романа «Аутсайдер» Турбьерн Флюгт родом из другого региона Швеции, из ее южной части, где его главный герой Юхан Крафт учится в Лундском университете. Действие «Аутсайдера» начинается там, где заканчивается предыдущий роман о Юхане Крафте, а именно в середине 1980-х, и завершается в современности, по словам самого Т. Флюгта, в 2011 г. В романе есть глава — рассказ о том, как переживает убийство премьер-министра семья главного героя. Т. Флюгт в послесловии к роману отмечает следующее: «Когда я начал писать „Аутсайдера“, меня поразила

одна вещь, а именно тот факт, что Улоф Пальме и его убийство практически никак не отразились в художественной литературе. <...> Сравните, например, с множеством книг о Джоне Кеннеди, которые ежегодно издаются в США. Похоже на то, что существует страх касаться этой темы, и я могу понять, почему» [Flygt, 2011a. S. 434].

Историки современной шведской литературы выделяют появление в начале 2000-х гг. «новой» рабочей литературы («*nya*» *arbetarlitteraturen*), к ярким образцам которой относят, в частности, первый роман Турбьерна Флюгта о Юхане Крафте «*Underdog*» (2001), продолжением которого и является «*Аутсайдер*». В качестве черты, отличающей новое явление от «первой» рабочей литературы начала XX в., исследователи называют тот факт, что авторы новейших романов, как и прежде, говоря о классовых различиях и материальном достатке, теперь «в первую очередь освещают те различия, которые имеют отношение к статусу и вкусам — и тому, как эти различия становятся заметны и создают разнообразные значения и чувства...» [Litteraturens historia i Sverige, 2009. S. 568]. Классовость персонажей и среды играет важнейшую роль в этих историях, при этом в отличие от «первой» рабочей литературы, когда взгляд автора-самоучки был взглядом изнутри, теперь это взгляд скорее наблюдающий, способный, в том числе, и к иронии. Например, вот так Т. Флюгт описывает старшую сестру главного героя, изо всех сил старающуюся не разрыдаться в минуту национальной трагедии: «Моника, у которой в багаже несколько лет учебы на медицинском, прочно усвоила, что сердце находится слева, гораздо левее, чем та социал-демократия, яркой сторонницей которой была наша мать, живущая в районе, более красном, чем инфаркт миокарда, <...> и хотя раньше она частенько обвиняла Пальме и партию в оппортунизме и заигрываниях со средним классом, особенно, когда дело касалось атомной энергетики, теперь стойко боролась за то, чтобы хоть как-то справиться с мышцами лица...» [Flygt, 2011b. S. 68]. Именно к области вкусов и чувств относится эпизод, рассказывающий о том, как семья Крафтов воспринимает и переживает известие об убийстве Улофа Пальме. Это единственный фрагмент в романе, написанный с использованием прошедшего времени и, по словам самого Т. Флюгта, доставивший

ему «немало проблем, прежде чем он нашел способ с ним справиться» [Flygt, 2011a. S. 434]. При этом автор указывает на то, что совсем не хотел, чтобы этот момент стал кульминационным, тем самым затенив все остальные события и линии романа. Т. Флюгт оформил его в виде взгляда в прошлое по аналогии с тем, как показан в романе «Underdog» поход семьи главного героя на день первого мая на стадион за несколько лет до этого с целью послушать речь того же Улофа Пальме. Т. Флюгт так поясняет свой замысел во втором романе дилогии: «В „Аутсайdere“ показано, как Швеция лишается своей невинности, своей наивности, а также то, что происходит затем» [Flygt, 2011a. S. 435]. То есть убийство премьер-министра подается как детская травма, положившая начало утрате шведским обществом своих иллюзий.

Совсем другую функцию убийство премьер-министра выполняет в романе А.-К. Пальм «Снежный ангел», где оно является неизбежным, с евангельской неотвратимостью приближающимся событием, «судным днем», «чаять» который дано лишь избранным. Среди них главная героиня Хедвиг, напоминающая андрогинного персонажа Тинтомару из романа Альмквиста. Ее темные кудри и загадочная улыбка вызывают вожделие у обоих полов, при этом сама она невинна и носит печаль, о которой не знает сама. В сплетении многих сюжетных линий, которые все сходятся к одному итогу, задействованы персонажи, четко делящиеся на «светлых» и «темных», некоторые из которых носят имена библейских архангелов: добрый и наивный полицейский Микаэль, влюбившийся в «блудницу», или эмигрант из южной Америки, водитель автобуса Рафаэле, заметивший, что против премьер-министра замышляется что-то недоброе. В Старом городе, в квартире, смотрящей окнами в окна квартиры Пальме, живет пожилая слепая «кассандра» Астрид, не сомневающаяся в том, что с чердака ее дома за премьер-министром кто-то следит. Все ее попытки убедить полицию в том, что готовится преступление, так же тщетны, как и абсолютно ее знание о том, что грядет. Всех этих спасающих или предающих друг друга полуангелов, проституток, геев, детей, таксистов, эмигрантов, наркоторговцев, полицейских и стариков связывает одной нитью, как кажется, беспорядочно носящаяся по городу черная овчарка Билли, собака сестры Хедвиг художницы

Лувисы. Мотив сбежавшей и ведущей людей по своему следу собаки заимствован А.-К. Пальм у другого шведского автора, Марии Грипе. В детской повести «Сесилия Агнесс — странная история» (1981) собака главной героини Норы на каждой прогулке убегает от нее, как кажется, с целью куда-то привести девочку и что-то ей объяснить.

Как и в «Аутсайdere», в «Снежном ангеле» важную роль играет ощущение смены эпох и неотвратимых и фрустрирующих перемен, происходящих в шведской жизни в 1980-е гг. Когда события романа подходят к развязке, на исходе зимы Хедвиг случайно в кафе встречается с Анной, тезкой автора, о которой известно, что «она пишет», и как бы дает той устный наказ когда-нибудь рассказать обо всем происходящем: «Все так быстро меняется, люди, весь город становится другим, постоянно. Когда-нибудь кто-то должен попытаться обо всем этом рассказать, о нас, об этом месте, о городе. Написать о том, как все было. Попытаться понять. Это была такая необычная зима» [Palm, 2011. S. 400]. Ощущая скорый конец, Хедвиг назначает того, кто будет ее «евангелистом», а ее сестра Лувиса, тем временем, заканчивает писать картину, которой не может придумать название и, наконец, оно приходит само: «Дни невинности сочтены».

В романе вопреки ожиданиям читателя ни разу не говорится о том, что премьер-министра убьют или убили. Его гибель выносятся за скобки, а смерть настигает других персонажей: тело Хедвиг находит на кладбище под кустом шиповника верная овчарка Билли. Как и в «Диадеме королевы» у Альмквиста, смерть — немолчаливая постоянная спутница андрогинной главной героини. Если в «Аутсайdere» смерть, как гибель Пальме, представляет собой неожиданный удар судьбы, причину, породившую дальнейшие изменения в жизни людей, то в «Снежном ангеле» смерть — скорее следствие таинственных перипетий и потоков людских судеб, как и страсти Христовы, предначертанное свыше. Словно разлитую по городу, ее предчувствуют и слепые, и собаки, и играющие в детективов дети. Демонический врач Густав, торгующий наркотиками, и в прямом, и в переносном смысле служит ее культу: «Могу предположить, что большинство врачей скажут, что смерть — наш враг, та, с кем мы боремся, а сам я считаю, что мы, скорее, ее прислужники. Ведь все, что мы делаем, крутится вокруг смерти или,

точнее, нашего человеческого страха перед Аидом и его властью. Лечить, облегчать и исцелять — означает просто оттягивать неизбежное. Владычица всего — смерть» [Palm, 2011. S. 240].

Эпизод с костюмированной вечеринкой, на которой встретилось большинство персонажей романа А.-К. Пальм, казалось бы, композиционно должен был стать кульминацией этого текста, но это не так. Он играет роль предвестника сакральной жертвы — смерти Хедвиг в конце романа — а также представляет собой постмодернистское наслоение контекстов: персонажи 1986 г. наряжаются в костюмы персонажей литературных и медийных героев (Аморины, Пьеро, Пеппи Длинныйчулок, Чарли Чаплина и др.) Именно здесь в «Снежном ангеле» явлено убийство государственного деятеля, но в форме экскурса в густавианскую эпоху. Один из главных героев, способный путешествовать во времени экскурсовод Аксель, придя на новогодний маскарад в 1986 г., оказывается в 1792 г. на балу в Королевском оперном театре. Автор включает в текст почти историческую цитату: «Король! Господи, в короля стреляли! — Да, поможет нам Бог, он мертв! — Нет, он дышит, разойдитесь! Разве вы не видите, что он дышит? — Закройте все двери! Охрана, сюда! Не дайте злодею уйти!» [Palm, 2011. S. 290].

Итак, в обоих рассмотренных романах мотив убийства шведского премьер-министра имеет ключевое значение, однако по-разному реализуется и выполняет разную функцию. В «Аутсайdere» нет ни версий убийства, ни попыток его объяснить, но оно подано как событие, абсолютно определившее будущее, как героев, так и их среды. В «Снежном ангеле» премьер-министр приговорен к смерти временем, она подана как звено в вечно раскручивающейся спирали истории. Продолжая волновать умы как событие недавнего прошлого, убийство Улофа Пальме постепенно начинает жить в культурном сознании шведского народа в качестве события с оттенком мифа.

ЛИТЕРАТУРА

Burman L. Inledning // Almquist C. J. L. Drottningens Juvelsmycke. Samlade verk 6. Törnrosens bok. B. IV. Stockholm, 2002. S. VIII.

Flygt T. Några frågor till Torbjörn Flygt // Flygt T. Outsider. Stockholm, 2011a. S. 434.

Flygt T. Outsider. Stockholm, Norstedts, 2011b. 429 s.
Litteraturens historia i Sverige. 5:e uppl. Stockholm, Norstedts, 2009. 640 s.
Palm A.-K. Snöängel. Stockholm, Bonniers, 2011. 443 s.

REFERENCES

Burman L. *Inledning* [Introduction] C.J.L. Almquist. Drottningens Juvelsmykke. Samlade verk 6. Törnrosens bok [The Queen's Diadem. Collected Works 6. Book of the Briar Rose]. B. IV. Stockholm, 2002, s. VIII.
Flygt T. *Några frågor till Torbjörn Flygt* [A Few Questions to Torbjörn Flygt]. T. Flygt. Outsider. Stockholm, Norstedts, 2011a, 434 s.
Flygt T. *Outsider.* Stockholm, Norstedts, 2011b, 429 s.
Litteraturens historia i Sverige [The History of Literature in Sweden]. 5:e uppl. Stockholm, Norstedts, 2009, 640 s.
Palm A.-K. *Snöängel* [Snow Angel]. Stockholm, Bonniers, 2011, 443 s.

Лисовская Полина Александровна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры скандинавской и нидерландской филологии, филологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет.
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9

Polina Lisovskaya

Candidate of Philology, Associate Professor,
Department of Scandinavian and Dutch Philology,
Faculty of Philology, St. Petersburg State University.
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

E-mail: p.lisovskaya@spbu.ru

А. В. ЛОМАГИНА

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена

**ДИАЛОГ С НАСТОЯЩИМ В ДАТСКОМ
ИСТОРИЧЕСКОМ РОМАНЕ КОНЦА XX в.
РОМАН Х. СТАНГЕРУПА «БРАТ ЯКОБ» (1991)**

Ключевые слова: Хенрик Стангеруп, Постмодернистский исторический роман, Серен Киркегор, Реформация, Северная Европа.

Статья рассматривает проблему взаимоотношения исторического прошлого и авторского настоящего в тексте романа, затронутую П. Рикером в работе «История и истина». Исторические события и контекст могут использоваться автором для критики политической ситуации и культурного момента современности. Роман Хенрика Стангерупа «Брат Якоб» имеет несколько возможных уровней прочтения: исторический, изображающий события в Европе эпохи Реформации сквозь призму восприятия францисканского монаха; философский, реконструирующий путь «Рыцаря веры», понятого с позиции датского философа С. Киркегора; культурно-критический, направленный против политической и культурной изоляции Дании от Европы в 1990-х гг.

ANASTASIA LOMAGINA

Herzen State Pedagogical University of Russia

**THE DIALOG WITH THE PRESENT IN THE DANISH
HISTORICAL NOVEL AT THE END OF XXth CENTURY.
HENRIK STANGERUP. BROTHER JACOB**

Keywords: H. Stangerup, Postmodern historical novel, S. Kierkegaard, Reformation in the North Europe.

The article dwells on a problem, referring to Poul Riceurs book “The History and the truth”, of using the past for criticizing the present political and cultural situation as one of the possible relation between the historical past in the novel and the present moment, when the author wrote it. Henrik Stangerup’s historical novel “Brother Jacob” (1991) has several levels: the historical, which depicts the Reformation in Europe seen by the franciscan monk, the philosophical, reconstructing the way to God in the kierkegaardian understanding of Knight of Faith, and the sharp critic of the cultural and political situation in Denmark in the 1990s.

В конце XX в. намечилось определенное сближение в отношениях между профессиональным историческим исследованием и художественной литературой. В то время как профессиональные историки заимствуют у литературы приемы построения композиции и язык образов, литература, по словам французского философа П. Рикера, в большей степени, чем ранее, опирается на документ, заимствуя у исторической науки тягу к подлинности.

Эпоха, изучаемая историком, принимается им за настоящее, за центр временных перспектив: «У этого настоящего есть свое будущее, состоящее из ожиданий, предвидений, опасений людей, оно совсем не совпадает с тем, что нам, другим, видится уже наступившим» [Рикер, 2002. С. 43]. Иными словами, в профессиональном историческом исследовании будущее исторического прошлого не равняется настоящему исследователя. В отличие от профессионального исторического дискурса, авторы художественной прозы нарушают научно-исторические законы интерпретации событий. Особенно, когда речь заходит о соотношении настоящего времени писателя и описываемой прошедшей эпохой. История становится памятью нации, в которой ищут объяснение событиям настоящего. Значит, будущее описываемой эпохи неизбежно оказывается настоящим автора. В этом взаимоотношении настоящего и прошлого в романе возникает напряжение, возможность диалога с ситуацией, в которой пишется роман.

Одной из возможных форм диалога с прошлым является повествование, где минувшая эпоха становится объектом эстетической и философской рефлексии, в ходе которой автор ищет корни и причины событиям настоящего. Тогда значение и «удельный вес» исторического плана оказывается соизмеримым со значением

современной автору проблематики в романе. Интересным материалом для исследования такого диалога с современностью через прошлое может служить роман 1991 г «Брат Якоб» Х. Стангерупа (1937–1998).

Роман имеет несколько равных по значимости смысловых пластов и может быть прочитан как исторический, философский роман и как критика культурно-политической ситуации в Дании 80–90-х гг. XX в. Взаимоотношение различных смысловых парадигм позволяет рассмотреть этот роман как попытку эстетически и философски осмыслить переходные моменты в истории Европы. В качестве фона и предмета рассмотрения автор берет ключевую для современного самосознания всей Северной Европы эпоху Реформации.

Роман пытается сместить акценты в оценке исторических событий в национальной памяти датчан. Эпоха религиозных и гражданских войн XVI в. и фигура последнего католического короля Дании Кристиана II часто притягивала интерес писателей. Наиболее известен роман Й. В. Йенсена «Падение короля» (1901), который ищет в XVI в. причину трагических для Дании событий второй половины XIX в. (войны с Германией и утраты Шлезвига). Х. Стангеруп — острый критик датского общества конца XX в., выступающий за сближение с Европой, открытость культуры и взаимодействие с другими странами. В истории он пытается найти узловые моменты, которые повлекли за собой превращение Дании в культурно обособленную, незаметную провинцию на самом краю Европы.

Протагонист и рассказчик романа Х. Стангерупа — историческая личность, человек, известный как «брат Якоб Датский» (Bruder Jakob der Daene, Fray Jacobus de Dacia, Jacobus Dacianus, ок. 1484–1566). Это монах францисканского ордена, последний провинциал (министр) францисканской провинции Дасиа (Дания, Норвегия, Швеция), один из предполагаемых авторов хроник изгнания францисканского ордена во время Реформации в Дании, первый последовательный защитник мексиканских индейцев в борьбе за равные права с белыми в религиозной жизни. По некоторым данным он был родным братом последнего католического короля Кристиана II.

Так что Стангеруп дает панораму событий реформации в Северной Европе глазами католического монаха. Такая перспектива сразу же задает неизбежную негативную оценку победе лютеранства. Датский читатель сталкивается с нарушением традиционного истолкования событий эпохи, со смещением акцентов и неожиданными оценками известных исторических личностей.

Среди основных фигур Реформации, которые предстают в необычно резком негативном свете, стоит упомянуть Ханса Таусена (1494–1561). Брат Якоб рассказывает о своем посещении Виборга, о сносе церквей и проведении протестантских богослужений «без реликвий, без изображений Девы Марии и фресок, без фимиама и пения» [Stangerup, 1991. S. 51]. Х. Таусена он называет «расстригой из монастыря Иоанитов», «убийцей мессы». Во сне брат Якоб яростно спорит с Таусеном, которого называет магистром Таусанусом, о сущности веры. Автор апеллирует к знаменитому диспуту между католиками и протестантами, в котором исторически победил Таусен, выдвинувший свои знаменитые 43 тезиса против католицизма. Во сне Якоба последнее слово все же осталось за ним.

На королевское происхождение Якоба Х. Стангеруп указывает с помощью ряда деталей. Так, королева Кристина заказывает Клаусу Бергу алтарь с изображением святого Франциска. Черты, которые Берг должен придать лицу Франциска, он копирует с портрета, переданного ему королевой, который оказывается портретом брата Якоба. Этого монаха большой скульптор встречает совершенно случайно, и у него создается иллюзия, что перед ним сошедший с деревянного алтаря святой Франциск. Кроме того, сам брат Якоб в хрониках своих путешествий называет себя Якобом Йоханнисом (т. е. сыном короля Ханса) и Якобом Готторпским. Читатель как бы уподобляется историку, имеющему доступ лишь к ограниченному количеству исторических документов и создающему свою собственную интерпретацию событий, а роман имитирует собранные воедино исторические свидетельства.

По ходу действия романа критика протестантского пути обостряется, и виновным за религиозный хаос назначается король Кристиан II, который в первой части выступает основным антагонистом Якоба. Этот король мечется между католицизмом и протестантизмом. Он вступает в войну с собственными вассалами

и крестьянами, казнит цвет шведского дворянства, попадает в плен и проводит остаток своих дней в замке Сенерборг. Не называя напрямую имени брата, Якоб вспоминает в романе о совместных детских играх, о жесткости и безрассудности Кристиана и о том, как разошлись их дороги в ранней юности.

Иллюзия аутентичности событийного исторического плана романа создается приемом имитации документа той далекой эпохи. Повествование стилизуется под письменный памятник XVI в., а читатель попадает под власть иллюзии подлинности происходящего. Основным образцом и источником автору послужила «Хроника изгнания ордена Серых братьев из Дании» [Kroniken om gråbrødrenes udjagelse], написанная ориентировочно в 1533 г.: брат Якоб считается одним из ее авторов.

Стилистика этого документа имитируется в целом ряде деталей. Особенно интересен прием смены рассказчика, заимствованный из «Хроники», т. е. переход от формы рассказа от третьего лица к повествованию от первого лица. В главе, которая так и называется «Изгнание серых братьев», вводится название документа и утверждается его авторство.

Повествование стилизуется под язык хроники XVI в. с помощью игры с рассказчиками, когда повествование идет как бы от aukториального рассказчика, но читатель предупрежден, что это всего лишь прием, что на самом деле авторство принадлежит брату Якобу, просто он говорит о себе в третьем лице. «Редактирование хроники помогает усмирить гнев, и брат Якоб Йохансен любит выбирать для своего текста классические латинские названия» [Stangerup, 1991. S. 37]. Если повествование, как бы случайно, сбивается на рассказ от первого лица, местоимение «я» берется в кавычки. Переход к рассказу от первого лица автоматически означает погружение читателя глубже в события и в переживания протагониста, создания кинематографического приема взгляда на мир непосредственно глазами персонажа и приближение описываемого.

Таким образом, с помощью смены повествовательных парадигм, приближения или удаления событий, погружения читателя в непосредственное переживание происходящего или отстранение его путем напоминания, что перед ним текст документа, в повествовании расставляются акценты и создается иллюзия постепен-

ного приближения к пониманию цели путешествия брата Якоба, к пониманию основной идеи романа, как бы спрятанной за ворохом документов.

Другой группой документов, играющих в романе метафорическую или символическую роль, служат реально существующие произведения изобразительного искусства. Среди них наиболее значимым является алтарь в церкви святого Кнута в Оденсе, вырезанный из дерева Клаусом Бергом в 1515–1525 гг. Роман начинается с истории создания этого алтаря. И далее нить повествования постоянно возвращает читателя к его образам, так что алтарь постепенно приобретает символическое значение. В романе он назван «последним оружием» в защите от всемирного потопа (Реформации), который погубит Северную Европу — Атлантиду.

Особое внимание в описании резных фигур алтаря уделяется портретам членов королевской семьи, коленопреклоненным перед распятым Христом. Короли Ханс и Кристиан II и королева Кристина играют основную роль в исторических событиях романа. У ног Христа располагается фигура святого Франциска, чье лицо, возможно, является портретом исторического брата Якоба, сына короля Ханса и королевы Кристины. Тем самым брат Якоб уподобляется святому основателю своего ордена, и его история обращения, духовного кризиса, разговоров с птицами и камнями, болезни и прозрения очевидно повторяет житие святого Франциска.

По поводу его облика и портрета короля Кристиана II скульптор Клаус Берг много размышляет. Они оказываются противопоставлены друг другу уже в сознании создателя алтаря. Другим важным зрительным образом, введенным сразу же в первой главе романа, является «Колесо жизни» — фреска из церкви в Биркеред под Копенгагеном, которая изображает взлет и падение короля, — это напоминание в романе о судьбе, уготовленной смертным. Брат Якоб держит этот образ перед глазами, пока размышляет о главном выборе своей жизни между короной и крестом.

Полемика с современностью пронизывает и другой смысловой пласт романа, который является литературным опытом представления пути киркегоровского «рыцаря веры», третьей стадии развития на жизненном пути. Этот пласт актуализируется только для читателя, хоть немного знакомого с философией С. Киркегора.

В романе можно заметить художественное и композиционное сходство как с сочинениями знаменитого датчанина, так и с его собственной судьбой. Мы имеем дело с авторской интерпретацией не столько философской мысли, сколько судьбы и значения личности самого философа. И именно эта линия и выводит нас на третий план романа, связи с современностью, с критикой культурной и политической ситуации в Дании начала 90-х гг. XX в.

Изначальный план Стангерупа состоял в том, чтобы сделать самого Киркегора протагонистом романа в роли «рыцаря веры». Но этот замысел остался не осуществленным. В результате размышлений над несостоявшимся романом, в 1989 г., т. е. за два года до выхода романа «Брат Якоб», Стангеруп составил сборник цитат из Киркегора [Poole, Stangerup, 1989]. В предисловии к нему автор называет основные причины «невостребованности» С. Киркегора в современной Дании и бросает упрек датскому обществу.

Датчане — материалисты. Киркегор — идеалист, который верит в дело духа. Датчане послушны закону, уважают правительство и политические институты. Киркегор считал все это притворством и относился к официальным инстанциям с презрением. Датчане любят тихую, мирную жизнь. Они окружают себя вещами согласованными, понятными и традиционными. Киркегор выступал за исключительность, индивидуализм и оригинальность отдельной личности. Датчане — демократы, социалисты. Они верят в общество социального благоденствия. Киркегор был по характеру консерватором с ужасом смотрел на ростки революции 1848 г.

Брат Якоб — «рыцарь веры» по С. Киркегору — остается верен католицизму и отрицает лютеранство бюргеров. Он делает консервативный выбор в пользу своей веры, в отличие от своего антагониста — брата Кристиана II, который мечется между католицизмом и протестантизмом, не может принять ни одного решения и в результате гибнет. Король в своем неумении сделать выбор близок эстетическому типу Киркегора, и поэтому обречен на отчаяние. Брат Якоб выступает против антисемитизма испанских монахов, против ксенофобии и недоверия к индейцам в Мексике. Он пытается реформировать церковные законы на основании идей Эразма Роттердамского и Томаса Мора. Он не боится стоять один против всех на диспуте о судьбе индейцев в Мичоакане; в резуль-

тате он проигрывает, и его присуждают к длительному молчанию и к жизни на воде и хлебе.

Брат Якоб, как и рассказчики в философских романах Киркегора, фигурирует под множеством имен: Дасиано, брат Якоб, брат Бояк, Якобус Йоханнис, брат Иб. Как и рассказчики в романе Киркегора «Или, или», они противоречат друг другу. У Стангерупа брат Якоб в момент духовного кризиса растранивается: старый брат Иб, молодой Якоб и брат Фламандец, будучи ипостасями одной личности, спорят друг с другом, а протагонист теряет на время свое «я». Таким образом, благодаря киркегоровской линии, путешествие брата Якоба по Европе и его жизнь в Мексике читается как долгий путь к самому себе и богу.

В конце романа в разговоре с индейцем, которого он рукоположил в священники, брат Якоб рассказывает о ключевом выборе своего жизненного пути. Он сообщает, что король Испании предложил ему выбор между датской короной и крестом. Он выбирает имя Христа и отправляется путем Америго Веспуччи в Латинскую Америку, в поисках христианской Утопии.

В статье «Датская клерикальная власть» (1990), которую Х. Стангеруп написал в период работы над романом, он клеймит современную ему Данию: «После анархии средневековья нас перевоспитали в духе Лютера и приучили к почтению и послушанию власти. Это те же священники, которые заставили Киркегора уйти во внутреннюю эмиграцию. Никогда еще власть духовенства не была такой сильной, как в последние 30 лет». «Это такое милое, улыбающееся, демократическое усреднение и нивелирование всего и вся» [Stangerup, 2000. S. 480–481].

Для внимательного читателя критика современности в романе отчетливо слышна благодаря метакомментариям, построенным по типу обобщения.

Так, в описании политики Кристиана III звучит упрек современности: «Откладывать деньги, платить по принципу „каждый за себя“, открывать кредиты, все больше повышать налоги. И никаких новых алтарей» [Stangerup, 1991. S. 28]. «Власть права, и власть всегда будет права, как говорит Лютер и Таусен» [Ibid. S. 53]. О короле Кристиане II: «Всегда он искал сознанием далекие горизонты, но его засасывала внутренняя темнота. Может быть, очень

по-датски. То знать, то не знать, мочь и не мочь, хотеть и не хотеть» [Ibid. S. 247–248].

Дания в романе предстает тонущей Атлантидой, землей героя скандинавского фольклора водяного Росмера, которая населена мертвыми. Стучись в дверь, и она никогда не откроется. Новые времена, Реформация надвигаются как волна белой краски, которая закрашивает все фрески в церквях. А протестантский Копенгаген предстает в рассказе последнего францисканского монаха как Фата Моргана, созданный богиней Анти-Софией и Анти-Фортуной.

Таким образом, роман «Брат Якоб» является характерным постмодернистским романом, в котором переплетаются исторический, философский и культурно-критический планы. Однако голос автора и его позиция отчетливо слышны, несмотря на прием имитации аутентичности текста и повышения доверия читателя к повествованию благодаря опоре на исторические и псевдоисторические документы. Даже выбор киркегоровской философской стадии для создания стержня композиции романа обнаруживает полемику Стангерупа с волнующими его проблемами современности: усреднения, измельчания, установления власти банальности, общества потребления и забвения великих ориентиров прошлого, нетерпимости к инакомыслию и боязни культурной открытости. Такая страстная, пусть и завуалированная проповедь в адрес датчан и сознание миссии писателя в попытке изменить действительность выделяет это произведение из общей массы исторических романов и делает его заметным явлением в литературе Скандинавии 90-х гг. XX в.

ЛИТЕРАТУРА

- Рикер П.* История и истина. СПб.: Алетейя, 2002. 400 с.
- A Kierkegaard Reader: Text and Narratives / eds. R. Poole and H. Stangerup. London: Fourth Estate, 1989. 245 p.
- Krøniken om gråbrødrenes udjagelse / Riis R., Horsens [Электронный ресурс]. URL: www.martinluther.dk/graab.htm.
- Stangerup H.* Broder Jacob. Copenhagen: Lindhardt og Ringhof, 1991. 262 s.
- Stangerup H.* Tværtimod! Levned og meninger 1956–98. Copenhagen: Lindhardt og Ringhof, 2000. 653 s.

REFERENCES

- Ricoeur P. *Istoriia i istina* [The History and the Truth]. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2002, 400 s.
- A *Kierkegaard Reader: Text and Narratives*, eds. R. Poole and H. Stangerup. London, Fourth Estate, 1989, 245 p.
- Krøniken om gråbrødrenes udjagelse [Chronicle of the Expulsion of the Greyfriars]. Publ. Riis R., Horsens. URL www.martinluther.dk/graab.htm.
- Stangerup H.* Broder Jacob [Brother Jacob]. Copenhagen, Lindhardt og Ringhof, 1991, 262 s.
- Stangerup H.* Tværtimod! Levned og meninger 1956–98 [On the contrary! Life and ideas 1956–98]. Copenhagen, Lindhardt og Ringhof, 2000, 653 s.

Ломагина Анастасия Всеволодовна

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры современных европейских языков,
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.
Россия, 191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 48

Anastasia Lomagina

Candidate of Philology, Associate Professor,
Department of Modern European Languages,
Herzen State Pedagogical University of Russia.
48, Moika Emb, St. Petersburg, 191186, Russia
E-mail: alomagina@herzen.spb.ru

И. В. МАТЫЦИНА

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова

**ФУНКЦИИ ПРИЧАСТИЙ
И СПОСОБЫ ИХ ПЕРЕВОДА
В ТЕКСТАХ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОГО СТИЛЯ
(на материале русского и шведского языков)**

Ключевые слова: Причастие I-II, шведский язык, официально-деловой стиль, перевод, трансформации, коммуникация, клише.

Причастие является неотъемлемым элементом и одним из «опознавательных признаков» текстов официально-делового стиля, однако эта часть речи достаточно широко употребляется и в других стилях и жанрах, в частности, в художественной литературе. Некоторые конструкции с причастиями также типичны для нейтральной и разговорной речи. В статье рассматриваются различные функции причастий в шведском тексте и способы перевода причастий на русский язык.

IRINA MATYTSINA

Lomonosov Moscow State University

**THE MAIN FUNCTIONS AND THE METHODS
OF TRANSLATION OF PARTICIPLE I AND II
IN THE OFFICIAL BUSINESS STYLE TEXTS
(on the material of the Swedish and Russian languages)**

Keywords: Participle I-II, Swedish, official-business style, translation, transformation, communication, cliché.

Participle I and II is an important elements of the Swedish official business style texts and their “token”, but it is often used in texts of other styles, for example in belles-lettres. Some kinds of constructions with Participle I and II

are used very widely in neutral and colloquial styles. This article considered the functions of Participle I and II in Swedish and the methods of their translation into Russian.

Наряду с пассивом, причастия являются неотъемлемым элементом и своего рода «опознавательным знаком» текстов официально-делового стиля в шведском языке. Однако эта часть речи употребляется достаточно широко и в текстах других стилей, в частности, в художественной литературе. Есть также конструкции с причастием, типичные для разговорной речи и для нейтрального стиля.

Рассмотрим основные функции причастий в шведском языке и способы их перевода на русский.

Анализ материала (интернет-ресурсы экономической и общественно-политической тематики) свидетельствует о том, что причастия могут выступать в роли как главного, так и второстепенного члена предложения.

Главные члены предложения

а) *грамматический субъект*:

Пример 1: Arbetskraftsinvandringens *misslyckande*. — *Неудача* [политики] ввоза рабочей силы.

Пример 2: Ombord på tåget finns 244 personer, flera av dem är allvarligt skadade, sade *vakthavande* vid Östgötapolis. — В поезде находится 244 человека, многие из них серьезно пострадали, — сказал *дежурный* в полиции Эстергётланда.

Будучи **грамматическим субъектом** (при субстантивации), причастия обычно переводятся на русский язык существительными (пример 1) или субстантивированными прилагательными и причастиями (пример 2):

б) *предикатив*:

Пример 3: Hälften av platserna i Idéforum är *bokade*. — Половина мест на Форуме Идей *забронирована*.

Пример 4: Leveransen *blev sänd* i onsdags. — Товар был *отправлен/отправили* в прошлую среду.

Пример 5: Situationen blev inte så *välkontrollerad*. — Ситуация *вышла из-под контроля*.

В случае, когда причастие играет роль предикатива, в русском тексте часто употребляется предикатив, выраженный кратким причастием (примеры 3, 4) или глагол (пример 4) или глагольная конструкция в некоторых случаях идиоматическая (пример 5).

Второстепенные члены предложения

В качестве второстепенного члена предложения причастия входят в состав именных и глагольных синтагм и выполняют следующие функции:

а) *дополнение*:

Пример 6: Regionpolitiker träffar *besökande* på vårdcentral i Höllviken. — Местные политики встречают *посетителей* в медицинском центре в Хёльвике;

Будучи дополнением, причастия обычно переводятся на русский язык именами существительными или субстантивированными прилагательными и причастиями.

б) *атрибут*:

Пример 7: Politikernas *dolda* planer. — *Скрытые* планы политиков.

Пример 8: Hon vårdas på intensivvårdsavdelningen med *livshotande* skador. — Она находится в отделении реанимации с травмами, *представляющими опасность для жизни* (= угрожающими жизни).

Пример 9: Hushållen förväntar sig *stigande* bostadspriser. — Жители ожидают *повышения* цен на жилье.

В целом, причастие I, стоящее в позиции атрибута, чаще всего переводится на русский язык действительными причастиями настоящего времени (с суффиксами -ущ, -ющ, -ащ, -ящ), образованными от глаголов несовершенного вида: en talande person — говорящий человек. При сказуемом, выраженном глаголом в прошедшем времени, возможен перевод причастия I действительным причастием прошедшего времени (с суффиксами -вш, -ш). Jag såg den talande personen — Я видел говорившего человека.

Причастие II переходных глаголов, будучи употреблено в функции определения, обычно переводится страдательным причастием прошедшего времени: en levererad vara — до-/поставленный товар.

Определение, выраженное причастием II непереходных глаголов, нередко переводится на русский язык действительным причастием прошедшего времени: *en gången tid* — ушедшее время.

Из примеров видно, что причастие в роли атрибута имеет не одну, а несколько основных возможностей передачи на русский язык: наиболее частотным способом, как мы уже сказали, является перевод причастием (пример 7). Однако если в оригинале использовано причастие-компонит, в русском переводе возникает необходимость употребления словосочетания, состоящего из причастия и зависимого от него слова (пример 8). Есть также случаи перевода атрибута, выраженного причастием, отглагольным существительным (пример 9), особенно часто это имеет место при переводе причастий со значением роста, повышения или, напротив, снижения, падения: *stigande, fallande, sänkande, ökande* и под.

в) обстоятельство (образа действия, степени и др.):

Пример 10: *Kock på heltid sökes brådskande.* — Срочно требуется повар на полную ставку.

Будучи обстоятельством, причастия обычно переводятся на русский язык наречиями с соответствующим значением (пример 10).

Причастия могут также употребляться в функции **служебных слов**. В частности, предлоги *angående/rörande/beträffande* являются по происхождению причастиями I. На русский язык они переводятся предлогами *по / по поводу / относительно / насчет*, субстантивным словосочетанием *в отношении*, действительным причастием *касающийся* и выражением *что касается*.

Пример 11: *Konvention angående flyktingars rättsliga ställning.* — Конвенция *по* правам человека.

Пример 12: *...svensk lag i frågor rörande förmynderskapet...* — ...шведский закон, *касающийся* вопросов опеки...

Пример 13: *Ändringar angående barnbidrag.* — Изменения, *касающиеся* пособий на ребенка.

Предлоги *oavsett* и *oaktat* по происхождению являются причастиями II.

Пример 14: *Vi erbjuder alla chefer och ledare medlemskap, oavsett titel och hur lång arbetslivserfarenhet vederbörande har.* — Мы предлагаем членство [в нашей организации] всем руково-

дителям, *независимо от того*, какую должность и насколько долгий опыт работы имеет данный человек.

Пример 15: Skriften räknas det *oaktat* juridiskt som utgiven. — Текст, *несмотря на это*, с юридической точки зрения, считается опубликованным.

Лексема *oaktat* может также употребляться в функции союза:

Пример 16: ...*oaktat* att det finns stridande bestämmelser i avtalet (ср. *oaktat* stridande bestämmelser i avtalet...) — *несмотря на то*, что в договоре есть противоречивые формулировки... (ср. конструкцию с предлогом — *несмотря на* противоречивые формулировки в договоре...)

На русский язык такие конструкции переводятся сочетанием производного предлога *независимо от / несмотря на* с существительным или придаточным предложением и предложением с составным уступительным союзом *независимо от того, что / несмотря на то, что*.

Еще один тип причастных конструкций — **независимые причастные обороты**, среди которых выделяются два типа:

- а) причастие II (в форме ср. р.) + обстоятельство (*i stort sett, kort sagt, per dag räknat, alvarligt talat, med (svenska, ryska и т. д.) mått mätt, ekonomiskt sett, ytligt sett* и др.)

Пример 17: Lockpriser på bostadsmarknaden har under året *i stort sett* (= om man ser i stort) försvunnit. — *По большому счету*, привлекательных цен на рынке жилья за последний год не осталось.

Пример 18: Trots att statligt stöd *ytligt sett* kan verka som en bra lösning bidrar de statliga stöden på längre sikt mycket sällan till några hållbara positiva resultat. — *Хотя, на первый взгляд*, государственная поддержка может казаться хорошим решением, в перспективе помощь государства очень редко приводит к долговременным позитивным результатам.

Пример 19: *Kort sagt* har de fattigaste fått mer. — *Короче говоря*, беднейшие получили больше.

Пример 20: Den totala restiden uppgår till minst 2,5 timmar *per dag räknat*. — Общее время в пути не менее 2,5 часов *в день*.

Пример 21: *Allvarligt talat* har författaren valt att inte svara på frågorna. — *Честно говоря*, писатель не дал ответа на [поставленные] вопросы.

Пример 22: Den, *med svenska mått mätt*, ivriga partiledarbatten i SVT har idag satt avtryck på flera av landets ledarsidor. — Бурные, *по шведским меркам*, партийные дебаты на телевидении нашли отражение в передовицах многих газет.

- б) причастие II, образованное путем сложения основ (в форме ср. р.) + дополнение (*frånsett, förutsatt, inberäknat, bortsett från, inberäknat* и др.):

Пример 23: *Frånsett en operation (= om man frånser)* för ca 20 år sedan har han varit väsentligen frisk. — *Если не считать* операцию двадцать лет назад, он практически здоров.

Пример 24: Vi kan godta förslagen 2, 4, 5, 6 *förutsatt* att de omformuleras. — Мы можем принять предложения 2, 4, 5, 6, *при условии*, что они будут переформулированы.

Пример 25: Pris 45 euro 30 personer grupp, *inberäknat* vuxna gruppledare. — Стоимость: 45 евро за группу из 30 человек, *включая* взрослого руководителя.

Пример 26: I priset ingår 2h kurstid varje vecka under terminen, *bortsett från* lovdagar. — В стоимость входит два часа занятий еженедельно, *за исключением* каникулярного времени.

Как видно из примеров, такие выражения обычно переводятся на русский язык клишированными выражениями (*короче говоря, честно говоря, на первый взгляд* и др.) и предложными словосочетаниями с предлогами *включая, не считая* и т. п. Однако иногда структура русской фразы требует использования придаточного предложения (см. пример 23, в котором употребление субстантивного словосочетания с предлогом *не считая* нарушило бы согласование компонентов предложения: *Не считая операции 20 лет назад, он практически здоров).

Как видно из приведенных выше примеров, выступая определением к существительному, причастие может дополняться второстепенными членами, образуя при этом **распространенное причастное определение**.

Второстепенные члены могут стоять:

- 1) в препозиции к причастию (фразовые обстоятельства, обстоятельства образа действия, степени и некоторые другие): *Ett hårt prövat folk. En tämligen irriterad ton* [Thorell, 1987. S. 149];
- 2) в постпозиции к причастию (предложные словосочетания): *Makt stödd på vapen* [Thorell, 1987. S. 149]. На русский язык такие определения обычно переводятся причастными оборотами, стоящими до или после определяемого существительного.

Есть два основных способа перевода таких конструкций: 1) сначала переводится существительное, затем причастие, далее — все слова слева направо от артикля до причастия: *Ett hårt prövat folk* — Народ, перенесший тяжелые испытания; 2) сначала переводится причастие, затем — слева направо — зависящие от него слова, затем — имя существительное: *Med av iver darrande händer öppnade han brevet* — Трясущимися от волнения руками он распечатал письмо (примеры заимствованы из монографии У. Тореля) [Thorell, 1987. S. 149].

Распространенные причастные определения характерны для официально-делового стиля и стиля художественной литературы, в нейтральной и разговорной речи чаще употребляются определительные придаточные предложения: *Med händer som darrade av iver öppnade han brevet*.

Причастие I и II могут также входить в состав **субъектного** или **объектного предикативного причастного оборота**.

Пример 27: *De blev tvungna att flytta fram den tidsmässigt för att hålla projektet flytande.* — Пришлось сдвинуть временные рамки, чтобы поддержать проект *на плаву*.

Пример 28: *Äggindustrin känner sig hotad av växter.* — Производство яиц чувствует *угрозу* со стороны растений / Производству <...> *угрожают* растения.

Пример 29: *Att ofta dricka sig berusad, ökar risken för oregelbunden hjärtverksamhet.* — Привычка напиваться *пьяным* увеличивает риск возникновения перебоев в работе сердца.

Причастие в составе таких конструкций может переводиться на русский язык существительным / субстантивным словосочетанием (примеры 27, 28), прилагательным (пример 29) или глаголом (пример 28). В ряде случаев такие конструкции могут быть,

в принципе, взаимозаменяемы (пример 28). Однако, если сказуемое в шведском языке выражено сочетанием причастия с неполнозначным глаголом или глаголом положения в пространстве, на русский язык такие конструкции чаще всего переводятся кратким причастием или соответствующим причастию глаголом:

Пример 30: Vi vet inte allt som *håller sig dolt* under marken. — Мы не знаем всего, что *скрывается/скрыто* под землей.

Пример 31: De har sina arbetskläder vikta i stället för hängande. — Они *складывают* свою рабочую одежду вместо того, чтобы *развешивать* ее [на вешалки].

Когда же причастие обозначает сопутствующее действие, оно переводится деепричастием / деепричастным оборотом

Пример 32: *Återkommen* efter ett möte med Skogsstyrelsen, startar han ett nytt projekt. — *Вернувшись* с совещания в Управлении лесного хозяйства, он инициировал новый проект.

Оборот, состоящий из глагола движения *komma* или *gå* и причастия I смыслового глагола со значением передвижения в пространстве, выражает прибытие или приближение к чему-либо способом, который назван причастием и переводится соответствующим глаголом: *Hon kom hopprande*. — Она прискакала.

При переводе с русского на шведский причастия в большинстве случаев могут быть переданы при помощи придаточных предложений с союзом **som**: *Издаваемые вашей типографией брошюры...* — *Broschyrer som ni ger ut...* В некоторых случаях возможен перевод словосочетанием: **med** + **сущ.**: *...требуется специалист, хорошо знающий биологию.* — *...med bra kunskaper i biologi*. Перевод причастия причастием тоже возможен, но это является отличительной особенностью именно делового стиля, а также художественной литературы.

ЛИТЕРАТУРА

- Словенко И. С. Курс совершенствования английского языка по финансово-экономической тематике. М.: Внешторгбанк России, 1997. 308 с.
Формановская Н. И. Стилистика сложного предложения. М.: КомКнига, 2007. 240 с.
Thorell O. Svensk Grammatik. Stockholm: Esselte Studium, 1987. 302 p.

REFERENCES

- Slovenko I.S. *Kurs sovershenstvovaniia angliiskogo iazyka po finansovo-ekonomicheskoi tematike* [The course of mastering the English language in finance and economics]. Moscow, Vneshtorgbank Rossii, 1997, 308 s.
- Formanovskaia N. I. *Stilistika slozhnogo predlozheniia* [The stylistics of the compound sentence]. Moscow, KomKniga Publ., 2007, 240 s.
- Thorell O. *Svensk Grammatik* [The Swedish Grammar]. Stockholm, Esselte Studium, 1987, 302 p.
-

Матыцина Ирина Витальева

Кандидат филологических наук, доцент кафедры германской и кельтской филологии, филологический факультет, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1

Irina Matitsina

Candidate of Philology, Associate Professor,
Department of Germanic and Celtic Philology, Faculty of Philology,
Lomonosov Moscow State University.
GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
E-mail: imatits@kmail.ru

МАРТИН ПАЛУДАН-МЁЛЛЕР

Университет г. Осака, Япония

«ЛОВУШКИ» ДАТСКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: датский язык, грамматика, методика преподавания.

Настоящая статья опирается на практический опыт преподавания датского языка: проанализированы сотни типичных ошибок в письменных работах студентов старших курсов, изучавших датский язык в Карловом университете (Прага) в 2012–2013 гг. Кроме трудностей, связанных с овладением идиоматикой, наблюдается ряд «интересных» ошибок, которые можно разделить на несколько групп: 1) сочетаемость глагола и подлежащего; 2) предлоги; 3) конструкции с ‘det’ и ‘der’; 4) наречия с -t и без -t; 5) синтаксические ограничения, накладываемые на бранные слова-наречия. Предлагаемый в статье подход к решению проблем — взаимосвязь грамматики и логики с опорой на опыт преподавания. Данное исследование не ставит своей целью выработку универсальных решений, оно предлагает репрезентативный материал, который может послужить основой для дальнейшей работы по этой теме.

MARTIN PALUDAN-MÜLLER

Osaka University, Japan

DANSKE FALDGRUBER

Keywords: Danish, grammar, teaching methods.

Danish pitfalls. The starting point for this article was empirical: hundreds of observations of typical problems in the homework of my advanced students of Danish at Charles University in Prague, 2012–13. Apart from difficulties with idioms the ‘interesting’ mistakes turned out to fall into groups concerning: I. Verb-object collocations; II. Prepositions; III. Constructions with ‘det’

or 'der'; IV. Adverbs with or without t-ending; V. Swear words as sentence adverbs thus being syntactically restricted. My approach to disentangling the problems is a combination of grammar and logic based on my teaching experience. The aim is not to draw universal conclusions, but to show a representative material, which can hopefully inspire to further exercises.

I det følgende har jeg samlet og analyseret eksempler fra mine tjek-kiske studenters skriftlige arbejder — med henblik på at fremhjelpe et overblik over vanskeligheder ved at skrive dansk på de højere niveauer af studiet ved udenlandske universiteter. Skønt typiske vanskeligheder varierer med den studerendes modersmål og andre fremmedsprogs indflydelse, rummer materialet nok udfordringer for mange udlændinge. — Jeg forsøger 'induktivt' at udrede vanskelighederne og finde mønstre i kollokationerne ved at kombinere grammatik og logik i artiklen, der hverken går ud fra eller ender i en samlet teori. Eksemplerne er grupperet efter hovedproblemer, men andre fejl rettes også undervejs. Forhåbentlig er der inspiration til videre stilistiske øvelser.

I. Verber og deres objekter

1) "Man kan aldrig forvente med sikkerhed, hvornår lykken kommer eller forlader."

→ *'Man kan aldrig forudsige (/forudse/vide) med sikkerhed, hvornår lykken kommer eller går.'*

'Forlader' skal have et objekt, men fremfor at efterstille 'en' (objektformen af 'man'), kan man ved at udskifte verbet med 'går' opnå samklang med det ligeledes intransitive 'kommer'.

'Forudsige' er bedre end 'forvente'. Skønt begge er transitive, har 'forudsige' et større spektrum af mulige objekter: disse kan udtrykke såvel usikkerhed som sikkerhed. Man kan både forvente og forudsige, at noget indtræffer, men er objektet et indirekte spørgsmål som i eksempel 1 indledt med 'hvornår', 'hvordan', 'hvilken', 'hvor' eller 'hvem', kan vi ikke 'forvente' det, men godt 'vide', 'forudse' eller 'forudsige' det. Det samme gælder: 'om lykken kommer'.

2) "Maria klagede til Jens over de ødelæggende møbler."

→ *'de ødelagte møbler': perfektum participium passiv, da møblerne ikke er agens for at ødelægge noget objekt.*

3) “Den gamle kærlighed, der jo aldrig ruster, får en anden chance. Men det tager ikke længe, indtil Robert går væk fra hende.”

→ *‘Den gamle kærlighed, der jo aldrig ruster, får en ny chance. Men det varer ikke længe / det tager ikke lang tid, før Robert forlader hende.’*
(Endnu bedre: *‘der går ikke lang tid’*).

Kontaminationer af udtryk ‘forklares’ ofte med, at ‘sådan siger man ikke’, men her er der en grammatisk forskel mellem ‘varer’ og ‘tager’ på spil. Forvirringen opstår, da verberne ligner synonyme i sætningerne: ‘Det varer 5 minutter’ og: ‘Det tager 5 minutter’. Hvis synonymitet defineres som substituerbarhed, er de synonyme her. Men det sidstnævnte verbum er transitivt; derfor kan vi med objekt sige: ‘Det tager tid’, mens adverbiet ‘længe’ ikke kan være objekt. Den intransitive sætning: ‘Det varer 5 minutter’ svarer til prædikationerne: ‘Hun er 20 år’, ‘Jeg vejer 80 kg’ eller: ‘Flagstangen måler 10 m’. Man kan sige: ‘Det varer lang tid’, men ikke uden ‘lang’.

4) “Men der kom en nat og en dag, der skiftede alting.”

‘Skifter’ kan optræde intransitivt som i: ‘Vejret/tiderne/moden skifter’ eller transitivt (med tryksvagt verbum og ubestemt objekt) som i: ‘Jeg skifter tøj/arbejde/navn’. Vejret, tiderne og moden kan endvidere ‘ændre sig’ eller ‘forandre sig’. Derimod kan jeg ikke ændre/forandre tøj i betydningen ‘skifte’. Med tryk på verbet kan jeg godt ændre/forandre noget tøj eller tøjet, hvis jeg har lært at sy. Uden tryk på verbet kan jeg såvel ‘ændre’ som ‘skifte’ stil. Men i eksempel 4 må verbet have tryk.

I en sætning som: ‘Elektrikeren skiftede sikringen’ er verbet både trykstærkt (når substantivet er i bestemt form) og transitivt, men da betyder det: at udskifte, at erstatte noget med noget andet. Men da man ikke kan udskifte det restløse ‘alting’, kun muligvis ændre (oplevelsen af) det bestående, som man ændrer sin stil eller noget tøj, omskrives sætningen:

→ *‘Men der kom en nat og en dag, der ændrede (/forandrede) alting.’*

5) “Hun stoppede at være bange.”

→ *‘Hun holdt op med at være bange.’* Hverken ‘stoppe’ eller ‘standse’ kan tage infinitiv som objekt.

6) “Søren havde stoppet på universitet.”

→ *‘Søren var stoppet (/holdt op) på universitetet.’* Prøven havde stoppet ham. Samme forskel i perfektum og pluskvamperfektum mellem

intransitiv og transitiv brug ses fx i verbet 'flytte': 'Jeg er/var flyttet.' / 'Jeg har/havde flyttet bordet.'

7) "Jeg vil gerne have det her lidt mere hyggeligt."

I denne ordstilling opfattes 'det her' under ét, påpegende: som afgrænsning af et fysisk fænomen eller område. Vi må derfor adskille (formelt) objekt og stedsadverbium:

→ 'Jeg vil gerne have det lidt mere hyggeligt her.'

II. Præpositioner

Af

Først tre eksempler med mulig engelsk påvirkning:

8) "Du siger, at jeg er mand og hovedet af huset!"

9) "Hans far elskede også fodbold, og fodbold blev passionen af Johans liv."

10) "Og det var slut af deres kamp imod Nørrebro."

Alle tre betydninger kan udtrykkes med engelsk of-genitiv, der ret sjældent svarer til dansk 'af'.

Ad 8): Her normaliseres bedst med s-genitiv:

→ 'husets herre'.

Ad 9): Her vil (dobbel) s-genitiv være klodset: 'Johans livs passion'. Jeg anbefaler:

→ 'passionen i Johans liv'.

Ad 10): De sidste minutter udgør 'kampens slutning' eller (svarende til engelsk of-genitiv) 'slutningen af kampen'. Derimod siger vi, når meningen som her er det faktum, at noget er forbi:

→ 'slut på'

11) "Pludselig blev hun forskrækket af sådan en tanke og trykkede kærligt og skræmt Tores hånd."

Mens man umiddelbart bliver forskrækket af noget ydre, som sker på et øjeblik (en eksplosion, en ulykke eller en persons uventede tilsynkomst), beskriver 'forskækket → over noget' som her refleksion over ubehagelige oplysninger, tanker eller indtryk.

12) “Det, der gør Nordbrandts digte specielle, og hvad digtet „Gader“ er en god prøve af, er blandingen af disse »materielle« billeder med bevidstheden, som står bag dem, som trænger igennem, som er deres skaber.”

→ *‘en god prøve på’* — i lighed med ‘Sangeren gav en prøve på sin kunst’, idet han demonstrerede den. Analogt hermed er udtrykket ‘et bevis på’.

13) Der ventede et helt nyt liv for ham, et liv af fodboldspiller.

→ ‘Der ventede ham et helt nyt liv, et liv som fodboldspiller.’ — konjunktionen ‘som’ angiver her arten/indholdet, ligesom hvis man har et arbejde ‘som’ dansklærer.

14) “Han blev udnævnt til couchen af holdet.”

Man bliver udnævnt til en funktion, som står i ubestemt form, altså: ‘Han blev udnævnt til træner af holdet.’ Denne korrekte sætning fortæller, at holdet (agens) udnævnte ham til træner. Meningen var dog snarere, at:

→ ‘*Han blev udnævnt til træner for holdet.*’ eller: → ‘*Han blev udnævnt til holdets træner.*’

For

15) “Da han vågnede, besluttede han sig for at åbne sin egen forretning.”

I en kontekst, hvor det har drejet sig om for eller imod, er dette korrekt — ellers:

→ ‘(...) besluttede han sig til at åbne sin egen forretning.’

16) “De havde ikke penge nok for at åbne deres musikforretning.”

Objektivt set havde de fx tid, men ikke penge nok → til at åbne forretningen — måske fordi deres tilbud ikke var godt nok for den grådige udlejer. Skjorten er objektivt set for lille til mig, hvis jeg ikke kan knappe den, men den kan også være for moderne for mig, altså subjektivt: for min smag.

17) “Han har skrevet sådan en pæn sang for hende.”

Hvis hun er sangskriver med influenza, kan han godt have gjort hendes arbejde for hende, men er sangen en gave eller hyldest til hende, har han skrevet den → til hende.

18) “Sørens forældre var i begyndelsen meget skuffede over, at Søren var holdt op på universitet, men da de så, hvor meget lykkeligere han blev, kunne de se, at det var en god idé, og de var glade for ham.”

Forældrene har forhåbentlig hele tiden været glade for deres søn, og denne kærlighed gør, at de føler med ham i lyst og nød. De var da ved synet af hans lykke empatisk → glade på hans vegne’.

I

19) “Hvor var han glad! I en uge havde de fundet et fint rum.”

→ ‘På en uge havde de fundet et fint lokale.’

De havde ledt efter et butikslokale i en uge. Det havde taget en uge at finde det.

20) “Og så pakkede han op sine ting, og i en time var han væk.”

→ ‘Og så pakkede han sine ting, og efter en time var han væk.’

Da historien intet melder om hans tilbagekomst efter 60 minutter, må meningen være, at han forsvandt efter fuldførelsen af en times pakning. Han pakkede på en time. Derefter gik han.

21) “En dag kom han i en stor by med et pænt slot.”

→ ‘En dag kom han til en stor by med et pænt slot.’

Typisk forbinder et dynamisk verbum som ‘komme’ sig med en rettingspræposition, mens et statisk verbum forbinder sig med en positionspræposition. Men hvad så med: ‘Hun kom i skole’? Til forskel fra vort eksempel er det en tryktabsforbindelse, som (analogt med: ‘at gå i skole’) ikke beskriver et konkret sted. Det gør derimod: ‘Hun kom/ankom til skolen’ — med trykstærkt verbum.

Om

22) “De er overbeviste, at hun skal forlade ham.”

→ ‘De er overbeviste om, at hun skal forlade ham.’

Modsat engelsk kan dansk ikke undvære præpositionen til at angive overbevisningens indhold.

Over

23) “Han var meget trist, at han ikke kunne spille fodbold i et par måneder.”

→ ‘Han var meget trist over, at han ikke kunne spille fodbold i et par måneder.’

Vi kan ikke undvære præpositionen, som angiver grunden.

Mentale beskrivelser af typen 22 og 23 har præposition: 'bange for', 'bevidst om', 'enig i', 'enige om', 'glad for/over', 'ked af', 'rørt over', 'sikker på', 'skuffet over', 'taknemmelig for/over', 'tilfreds med', 'vred over'.

24) "Hun har tænkt over ham siden den dag."

Man tænker normalt → på en person eller en ting, mens man kan tænke over, altså overveje, en sag. Hun tænker måske over hans forslag.

25) "Men ordsproget ovenovre kan forstås lidt anderledes."

Hvorfor eksisterer (adverbiet?) 'ovenovre' ikke — så lidt som 'nedenunder'?

Som præposition om fysisk position betegner 'over' en vertikal forskel: 'Vi bor over et værtshus.' Men som retningsadverbium peger det horisontalt mod 'den anden side' som i: 'Jeg skal over til genboen.' I det tilsvarende statiske: 'Jeg var ovre hos genboen' ses, at adverbiet 'ovre' (ligesom 'herovre' og 'derovre') er bundet til andre betydninger end højdeforskel, hvilket umuliggør sammensætningen 'ovenovre'. På besøg nedenunder kan jeg sige: 'Jeg bor ovenpå'. Men i vort eksempel skal det (anaforisk) hedde:

→ 'Men ordsproget ovenfor kan forstås lidt anderledes.'

Til

26) "Johan skal til skadestuen."

Sætningen er rigtig, hvis den skal beskrive målet for transport, men mener vi, at han skal behandles indenfor, skal han → på skadestuen.

27) "Hanne havde aldrig været til Ikea før."

→ 'Hanne havde aldrig været i Ikea før.'

Her er måske engelsk påvirkning. Det statiske 'være' forbindes normalt ikke med retningsadverbiet 'til'. Dog er det muligt om aktiviteter, som man 'går til': 'Jeg har været til jazzballet.'

28) "Nej, det kan du ikke gøre til mig! Jeg elsker dig jo!"

→ 'Nej, det kan du ikke gøre mod mig!'

Man handler fx venligt mod en person: er sød mod denne.

29) "Man skulle gøre op med den traditionelle binære tænkning og modtage og acceptere de ting, som sker til ham eller hende."

Noget sker ‘med’ eller ‘for’ en person — afhængig af, om det ses udefra eller indefra, objektivt eller som oplevelse. Noget kan derfor ikke ske ‘for’ en ting, kun ‘med’ den. Da vort eksempel derimod vedrører bevidsthedsprocesser, skal det være:

→ ‘(...) de ting, som sker for en.’

30) “Han gik ud til soveværelset og begyndte at pakke sit tøj til kufferten.”

→ ‘*Han gik ind i soveværelset og begyndte at pakke sit tøj i kufferten.*’

Til forskel fra køkken og badeværelse ses soveværelset traditionelt som et af boligens inderste, centrale rum. Imellem boligens rum går vi ikke ‘til’, men ‘ud i’ køkkenet eller ‘ind i’ stuen.

III. ‘det’ eller ‘der’

31) “Det findes mange mennesker, der tror, at det er yderst sundt at dyrke nogen sport.”

Som introduktion af nogets eksistens (‘findes’) skal det være:

→ ‘*Der findes mange mennesker, der tror, at det er yderst sundt at dyrke (en) sport.*’

32) “Hver dag ventede han på arbejdstids slut og kiggede næsten hver tyvende minut på uret hængende på en af kontorets vægge, især når der var solskinsdag.”

→ ‘Hver dag ventede han på arbejdstidens afslutning/ophør og kiggede næsten hvert tyvende minut på uret, som hang på en af kontorets vægge, især når det var en solskinsdag.’

Han er nu fri for at hænge på væggen. Men hvorfor kan man ikke introducere eksistensen af en solskinsdag med ‘der er’? Se først følgende eksempel:

33) “Der er et solskinvejr derude.”

→ ‘*Det er solskinsvejr (udenfor).*’

Hvorfor tænker man ikke, at der eksisterer et solskinsvejr? I eksempel 31 var den tilsigtede nye information at introducere eksistensen af ‘mennesker, der tror, at det er yderst sundt at dyrke (en) sport’. Sådanne individer kunne tænkes at have været helt ukendte for tilhøreren. Men at der overhovedet eksisterer solskinsvejr eller solskinsdage, kan ikke være nyt, hvis man forstår ordet ‘solskin’. Alle ved også, at det altid er et

eller andet vejr og en eller anden dag, hvorfor eksemplerne 32 og 33 bør udtrykke prædikationer i et kendt mulighedsrum: beskrivelser af vejret og dagen, ikke nye eksistensdomme om individuelle elementer.

34) “Det var 2:2 og 10 minutter tilbage.”

Her drejer det sig heller ikke først om en eksistensdom, men en beskrivelse af stillingen i kampen. Derimod er den anden oplysning en eksistensdom, hvilket udelukker fælles subjekt:

→ *‘Det stod 2-2, og der var 10 minutter tilbage.’*

IV. Adverbier med eller uden t-endelse

Den svære regel om, at visse adverbier i ‘uegentlig’ betydning mister -t, kan vises i en mulig sætning: ‘Pludselig rejste han sig pludseligt.’ Det første er et sætningsadverbium og betyder, at det var ‘uventet’, at han gjorde det, mens det andet adverbium beskriver selve bevægelsens brathed.

35) “Da al bagagen er anbragt i bussen, er de færdige, men de selvfølgeligt siger hej til deres børn og kvinder.”

→ *‘Da al bagagen er anbragt i bussen, er de klar, men de siger selvfølgelig farvel til deres børn og koner.’*

De siger næppe farvel på en selvfølgelig måde, men det er en selvfølge, at de gør det.

36) “Han opdager, at Martina egentligt er Světlana.”

→ *‘Han opdager, at Martina egentlig er Světlana.’*

Som adverbium har ‘egentlig’ sjældent -t bortset fra i udtrykket ‘egentligt talt’. Det optræder normalt som sætningsadverbium — i uegentlig betydning! Eksistentialistisk må man dog kunne tale om at ‘leve egentligt’, hvilket turde være den ‘egentlige’ betydning.

V. Bandeord

37) “Hvorfor skulle vi sgu have den her pæne lampe, når vi ikke har penge nok til at købe lækker mad eller gå i biografen af og til?”

Mange bandeord er sætningsadverbier, som forstærker hele påstanden — ligesom ‘da’ (se næste eksempel) og ‘jo’. Derfor kan ‘sgu’ slet ikke

bruges midt i hypotetiske sætninger eller i spørgsmål som eksempel 37. Man kunne dog forstærke 'hvorfor' ved at spørge:

→ '*Hvorfor fanden skulle vi (...)?*'

38) "Det kan da ikke koste så fandeme meget!"

Dette bandeord må placeres som sætningsadverbium:

→ '*Det kan fandeme (da) ikke koste så meget!*'

En anden mulighed er at ændre adverbets karakter, så at det kun forstærker 'meget':

→ '*Det kan da ikke koste så fandens meget!*'

Slutning

Al pædagogik må gå ud fra faktiske vanskeligheder, som man ikke kan spekulere sig frem til. Der er ingen vej uden om det tålmodige arbejde med et fremmedsprogs kollokationer. Disse er dog sjældent isolerede, men bør altid kædes sammen i mønstre. Til dette formål er vi nødt til at inddrage såvel logik som grammatik.

Палудан-Мёллер Мартин

Приглашенный лектор, университет г. Осака, Япония

Martin Paludan-Müller

Specially Appointed Professor, Osaka University.

Minoh Campus 8-1-1, Aomatani-higashi Minoh, Osaka 562-8558, Japan

E-mail: martinpm@webspeed.dk

А. В. САВИЦКАЯ

Санкт-Петербургский государственный университет

НОВОЕ МЕСТОИМЕНИЕ В ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ключевые слова: шведские местоимения *han*, *hon*, *hen*.

В конце XX в. в Швеции все чаще стали говорить о нехватке в языке анафорического местоимения, лишённого гендерной окраски: к *han* и *hon* предлагалось добавить местоимение семантического общего рода *hen*. Эта идея долгое время не находила поддержки у лингвистов. Поворотным моментом стал выход в 2012 г. детской книжки, в которой имя главного героя — Киви — последовательно заменялось местоимением *hen*. Это послужило толчком к бурным дебатам, в результате которых Совет по шведскому языку изменил свою позицию. На сегодняшний день употребление *hen* признаётся возможным при замещении антропонима, если его пол неизвестен или несущественен, а также если речь идет о представителях ЛГБТ-сообщества или людях, разделяющих их взгляды.

ANNA SAVITSKAJA

St. Petersburg State University

NEW SWEDISH PRONOUN: HISTORY AND PROSPECTS

Keywords: Swedish pronouns *han*, *hon*, *hen*.

At the end of the 20th century in Sweden the lack of an anaphoric genderless Swedish pronoun started increasingly becoming the centre of discussions: there were some offers to add a neuter gender pronoun *hen* to the existing *han* and *hon*. The idea was not supported by linguists for a long time. The break came in 2012 with publishing a book for children where the name of

the main character Kivi was in turn replaced with the pronoun *hen*. It gave impetus to a heated debate which resulted in the changing position of the Swedish Language Council (Språkrådet). Today to use *hen* is considered possible if the gender is unknown or unimportant, and also as far as LGBTB communities representatives or those who share their ideas are concerned.

Местоимения занимают одно из ключевых мест в системе шведского языка. Как справедливо отмечает Л. Мелин, если не принимать во внимание отдельные изменения в склонении и написании, то за тысячелетнюю историю шведского языка местоимения изменились крайне мало [Melin, 2007]. Однако есть основания полагать, что в настоящий момент происходит процесс становления нового, «нейтрального в гендерном отношении» личного местоимения третьего лица **hen**. Представляется интересным рассмотреть как историю вопроса, так и сложившуюся на сегодняшний день ситуацию.

Швеция широко известна как страна, в которой женщины неустанно ведут борьбу за равноправие полов, что, естественно, находит отражение и в языке. Так, из употребления уже почти полностью вышли «женские» наименования профессий, и предпочтительным стало использование «нейтральных» наименований, т. е. не содержащих компонента *-man*: *forskare*, а не *vetenskapsman* ‘ученый’; *polis*, а не *polisman* ‘полицейский’. Актуализировался и вопрос о замещающих местоимениях, прежде всего в тех случаях, когда половая принадлежность лица неизвестна или несущественна. Проблему усмотрели в отсутствии в шведском языке местоимения семантического общего рода единственного числа для замещения антропонимов, большинство которых относится к грамматическому общему роду. Традиционно в таких случаях использовалось местоимение *han* ‘он’: *Kunden måste bestämma sig för vilket betallningssätt han föredrar* (‘Клиент должен решить, какой способ оплаты он предпочитает’). Однако в последние десятилетия подобное употребление «мужского» местоимения стало рассматриваться многими как дискриминационное по отношению к женщинам, и развернулась дискуссия по поводу альтернативных «нейтральных» вариантов. Постепенно все больший интерес стала вызывать возможность использования нового местоимения, представлявшего собой некую компиляцию из **han** и **hon**. Наиболее часто обраща-

лись к варианту **hen**, впервые предложенному в газете «Упсала Нью Тиднинг» еще в 1966 г. Следует отметить, что шведские языковеды на протяжении долгого времени лишь упоминали о возможности использования **hen** в соответствующем контексте, но не придавали ей особого значения (см., например, статью: [Teleman, 1995]).

В 2005 г. Комитет по шведскому языку выпустил книгу «Språkriktighetsboken», в которой подробно рассматривается целый ряд актуальных проблем развития языка. Среди них присутствует и вопрос о том, как можно избежать «гендерной окраски» замещающего местоимения в описанных выше случаях. Рекомендации Комитета предваряются подробным анализом сложившейся ситуации и путей ее разрешения. В качестве одного из путей рассматривается возможность создания нового местоимения, полностью нейтрального в гендерном отношении. Однако авторы книги скептически относятся к этой идее. Свою позицию они мотивируют, с одной стороны, тем, что система шведского языка отличается стабильностью и уже обладает устойчивым набором местоимений, а с другой, тем, что постановка такого местоимения в объектную или генитивную форму снова приведет к необходимости склонять его либо по «мужскому», либо по «женскому» образцу [Språkriktighetsboken, 2005. S. 78]. Соответственно, в 2005 г. использование **hen** остается за рамками рекомендаций Комитета. Следует отметить, что употребления **han** в качестве «нейтрального» замещающего местоимения тоже рекомендуется избегать и предлагается задействовать другие возможности шведского языка [Språkriktighetsboken, 2005. S. 80].

В то же время идея нового местоимения нашла широкую поддержку у членов ЛГБТ-сообщества, в первую очередь у трансгендеров. В журнале «Språktidningen» за 2007 г. напечатано интервью с одним из таких заинтересованных лиц, утверждающим, что в соответствующих кругах местоимение **hen** уже активно используется. Среди аргументов «за» первым приводится тот, что такое местоимение избавляет от необходимости уточнять пол конкретного лица [Grönblad, 2007].

В 2009 г. слово **hen** включается в Национальную энциклопедию и объясняется как нейтральное в гендерном отношении личное местоимение, употребляющееся вместо «он» и «она».

Переломным, однако, стал 2012 г., когда в Швеции вышла маленькая детская книжка «Киви и собака-чудовище», пол главного героя которой — малыша Киви, никак не оговаривается, а в качестве замещающего местоимения используется *hen* [Lundqvist, Johansson, 2012]. На многочисленных иллюстрациях Киви предстаёт в полосатом комбинезоне, с чем-то вроде кокона на голове и в очках. Открывается книжка вступительным словом автора текста Й. Лундквиста, озаглавленным: «Три возможности вместо двух!». Здесь автор мотивирует свою позицию и говорит, в частности, следующее: «*Hen* — это не только ‘курица’ по-английски. Это ещё и третье личное местоимение шведского языка! Дополнение к *han* и *hon*. <...> Такие слова, как *han* и *hon*, влекут за собой множество представлений, которые часто являются стереотипными. А в такой книжке, как эта, где гораздо важнее, кто Киви и что Киви делает, а не он Киви или она, исключительно удобно использовать слово *hen*. *Hen* включает и то, и другое, и читающий ребенок может свободнее отождествлять себя с героем книжки, независимо от того, называют ребенка ‘он’ или ‘она’». В постскриптуме отмечается также, что наряду с *hen* в книжке присутствует форма *henom* вместо «классических» *henne* и *honom*¹.

Перевод текста книжки на русский язык, разумеется, не отражает суть нововведения, однако представляется важным привести примеры:

Kivi går upp, lägger örat mot dörren, helt stilla, och lyssnar: hen tycker hen hör en flåsning — ett gläfs! (‘Киви встает с кровати, тихонечко прикладывает ухо к двери и слушает: кажется, будто там кто-то сопит — гавкает!’)

Kivi blir stående, stel som en sten, för där, framför henom, ... smackar och smaskar ett hiskeligt djur. (‘Киви стоит, точно окаменев, потому что видит перед собой... чмокающее и чавкающее чудовище.’)

Эта маленькая детская книжка словно открыла ящик Пандоры, и развернулись жаркие дебаты по поводу возможности/необходимости использования нового местоимения. В одном из интервью

¹ Нумерация страниц в книге отсутствует, поэтому здесь и далее номера страниц не указываются.

Й. Лундквист признается, что никак не ожидал такой бурной реакции на свою книжку. Сам он называет ее заманчивым экспериментом и подчеркивает, что *hen* отнюдь не создает автоматически равноправия в мире и вовсе не означает упразднения местоимений *han* и *hon*, а является лишь дополнительным «инструментом», одним из набора [Pavlica, 16.10.2012].

В интернете можно обнаружить множество статей и частных мнений по данному вопросу. Во многих из них 2012 г. даже именуется «годом *hen*». В чем же суть разногласий? М. Парквалль, языковед из Стокгольмского университета, отвечает на этот вопрос так: «Некоторые сторонники *hen* утверждают, будто гендерно окрашенные формы влияют на наше мышление так, что мы воспринимаем своих ближних больше в терминах пола, нежели как личностей. Скептически настроенные к *hen* люди рисуют сценарий, согласно которому регулярное уклонение в высказываниях от намека на половые признаки человека, в принципе, означает конец цивилизации в известном нам виде. Подрастающее поколение станет колебаться в отношении своей гендерной идентичности, и тем самым будет обречено на значительные страдания» [Parkvall, 2012]. В качестве одного из аргументов сторонники нового местоимения обычно приводят тот факт, что гендерная дифференциация в системе местоимений отсутствует в большинстве языков мира. Особенно часто в качестве примера фигурирует финский язык, обходящийся единым местоимением третьего лица *hän*. Нередко аргументом становится наличие в шведском языке собирательных обозначений для отца и матери (*föräldrar*), а также для братьев и сестер (*syskon*), что отнюдь не мешает, при необходимости, уточнять половую принадлежность того или иного члена семьи. Вместе с тем многие специалисты, занимающиеся гендерными исследованиями, выражают сомнение в том, что *hen* сможет вытеснить из языка местоимения мужского и женского рода или снять какие-то проблемы гендерного неравенства. Такой позиции придерживается, например, профессор И. Хирдман. Она отмечает, в частности, что наличие в финском языке единого местоимения никак не влияет на ситуацию с равноправием полов, и, признавая определенное удобство нового местоимения, говорит, что *hen* не станет общепринятым и не начнет использоваться аналогично лю-

бому другому слову. Иной точки зрения придерживается лингвист К. Миллес. Она считает *hen* удачным решением коммуникационных проблем, когда речь идет о человеке, пол которого неизвестен, и в ситуации, когда человек принципиально не хочет, чтобы его называли *han* или *hon* [Pavlica, 29.02.2012].

В сентябре 2012 г. одна из крупнейших газет Швеции «Дагенс Нюхетер» вводит запрет на употребление местоимения *hen* в новостных статьях и репортажах. В ответ на это один из журналистов создает в Интернете сайт DHEN.se, который копирует материал официального сайта газеты (DN.se), но все местоимения *han* и *hon* автоматически заменяются там на *hen*. После громкого скандала новый сайт закрывается, но дебаты вспыхивают с новой силой. Немалую лепту вносит в них сама газета «Дагенс Нюхетер», публикуя точки зрения нескольких редакторов газет и лингвистов. Например, профессор Гётеборгского университета Л.-Г. Андерссон считает, что *hen* в основном вносит путаницу, и что «такое радикальное изменение всего нашего языка кажется весьма странным». А член Шведской академии Х. Энгдаль вообще говорит, что, на его взгляд, «феномен *hen* слишком нелеп, чтобы заслуживать серьезного комментария» [Sahlström, 2012].

Нельзя не отметить, что в процессе продолжительных дискуссий у слова **hen** начинают появляться производные. В ноябрьском номере журнала «Språktidningen» за 2012 г. публикуются три такие новые лексические единицы [Språktidningen, 2012]:

1. **hensexа** — вечеринка (в преддверии свадьбы) с участием гостей обоих полов. Слово образовано по аналогии со *svensexа* ‘мальчишник’.
2. **henifera** — заменять в тексте (при помощи компьютерной программы) все местоимения *han* и *hon* на *hen*. Слово возникло после появления сайта DHEN.se и было впоследствии включено Советом по языку в список новой лексики за 2012 г.
3. **henerator** — программа, заменяющая местоимения *han* и *hon* на *hen*.

Помимо этого, в статьях, посвященных данному вопросу, встречаются и другие новообразования: *hennande* ‘употребление *hen*’, *hen-året* ‘год *hen*’, *hen-debatten* ‘дебаты о *hen*’, *hen-förespråkare*

‘сторонники hen’, hen-användare ‘употребляющие hen’, hen-hatare ‘ненавидящие hen’, hen-kramare ‘борцы за hen’.

Сложившуюся на данный момент ситуацию подробно рассмотрела К. Миллес в лекции, прочитанной ею в Уппсальском университете в апреле 2013 г. [Asp, 2013]. К. Миллес полагает, что на сегодняшний день употребление hen уже достаточно широко распространено, и отношение к новому местоимению стало гораздо более положительным, чем раньше. Она выделяет пять факторов, обусловивших столь сильное укрепление позиций hen, снабжая каждый кратким комментарием.

- 1) **Использование.** По мнению докладчика, существенную роль в стремлении использовать hen сыграла частеречная принадлежность нового слова, поскольку появление нового местоимения вещь весьма необычная. К тому же местоимения имеют то преимущество, что могут использоваться во всех типах текстов.
- 2) **Внимание СМИ.** В СМИ отводилось большое место для дискуссий вокруг нового местоимения. Благодаря изначальной конфликтности ситуации и полярности мнений, многим была предоставлена возможность высказаться, что способствовало продвижению hen.
- 3) **Главные движущие силы.** Таковыми, по мнению докладчика, явились феминисты, выступающие против гетеронормативности, активисты из среды транссексуалов и специалисты по гендерной педагогике.
- 4) **Политический контекст.** Категорическое неприятие hen такой партией, как Шведские демократы (Sverigedemokraterna), известной своими нацистскими взглядами, могло придать новому местоимению некую политическую составляющую: одобрение hen стало свидетельством отличных от этой партии взглядов.
- 5) **Позиция специалистов по языковому нормированию.** От пессимистической позиции они постепенно перешли к нейтральной и дали добро на использование hen.

К. Миллес завершила свою лекцию рядом вопросов относительно дальнейшей судьбы hen. Дать на них ответы, по ее мнению, сегодня не может никто. Поэтому в заключение она, перефразируя

аналог русского выражения «Поживем-увидим» — **Den** som lever får se, сказала: «**Hen** som lever får se».

Думается, что особого внимания заслуживает пятый из выделенных в лекции факторов, ибо позиция органа, занимающегося в Швеции на государственном уровне языковой политикой, за последние годы действительно претерпела существенные изменения. Выше была изложена позиция, которую занимал по отношению к hen Комитет по шведскому языку в 2005 г. В 2006 г. Комитет был преобразован в Совет по шведскому языку, и сегодня на его сайте [Institutet för språk och folkminnen] в статье, озаглавленной «Местоимение hen», можно познакомиться с современной точкой зрения Совета.

Первым делом надо отметить, что в статье предлагается четко разграничивать два основных случая употребления нового местоимения.

1. Когда речь идет о замещении антропонима, пол которого неизвестен, несущественен или не требует уточнения, иными словами об альтернативе выражениям «он или она» или «соответствующее лицо». То есть hen наделяется в этом случае обобщающей функцией, замещая представителя любого пола. (Здесь особенно ярко прослеживается изменение официальной позиции — не рекомендованное в 2005 г. считается в 2013 г. возможным.)
2. Когда речь идет о конкретном лице, не желающем, чтобы его характеризовали как «мужчину» или «женщину». В отличие от предыдущего случая, здесь hen эксплицитно демонстрирует отказ от гендерного подхода к человеку и употребляется вместо han или hon.

Каждый из двух случаев снабжается в статье подробным комментарием. В первом из них, в частности, говорится, что многие ощущают нехватку нейтрального в гендерном отношении местоимения, рассматривая его отсутствие, как некую лауну в языке. Вместе с тем возможность для употребления такого местоимения в языке заложена, поскольку ряд han-hon-hen легко соотносится с рядами типа mamma-pappa-förälder 'мама-папа-родитель'. Авторы текста признают за носителями языка право самим видоизменять свой язык и решать, в каких ситуациях следует употреблять hen,

а в каких нет. Вместе с тем здесь подчеркивается, что отношение к новому местоимению пока еще не у всех носителей языка одинаковое.

Инициаторами появления *hen* второго типа стали представители ЛГБТ-сообщества, которые начали его употреблять примерно на рубеже XX–XXI вв. Этим они хотели показать критическое отношение к существующему в системе личных местоимений третьего лица разделению на два пола. В статье отмечается, что некоторые сторонники такого применения *hen* даже предлагают полностью отказаться от старых местоимений и оставить только *hen*. По их мнению, это могло бы сделать язык и общество более нейтральными в гендерном отношении. Однако авторы статьи подчеркивают, что сторонников у такой позиции мало, большинство считает, что *hen* должно стать дополнением к *han* и *hon*.

Итоговые рекомендации Совета по языку таковы.

1. Никаких препятствий языкового характера для употребления *hen* не существует, и количество контекстов, в которых оно употребляется, непрерывно возрастает, но существует риск, что данное слово будет отвлекать от содержания текста. Поэтому решение о целесообразности использования *hen* должно зависеть от конкретной ситуации, а также от позиции автора и реципиентов текста.
2. Следует уважать позицию человека, желающего, чтобы о нем говорили *hen*. Аналогично следует уважать позицию тех, кто хочет, чтобы о них говорили *han* или *hon*.
3. Если ситуация неясна или если автор текста критически настроен к существующей норме, то текст можно снабжать комментарием, поясняющим, по какой причине автор употребляет местоимение *hen*.

Заметим также, что на сайте Совета по языку присутствуют рекомендации по склонению нового местоимения: предлагается родительный падеж **hens** и объектный падеж **hensom** (хотя встречается и форма *henom*).

Как видно из вышеизложенного, на сегодняшний день Совет по языку, с одной стороны, санкционирует употребление *hen*, но, с другой, не говорит о том, что в системе шведских личных место-

имений стало на одно местоимение больше, т. е. фактически занимает выжидательную позицию. Произойдет ли столь кардинальное изменение, будет, вероятно, зависеть от активности носителей языка. Добавим, что пока ни один большой словарь не включает новое местоимение *hen*. Вскоре должно появиться новое издание Словника Шведской академии (SAOL 14), и если туда будет включено *hen*, то это, скорее всего, можно будет считать закреплением его статуса в языке.

В свое время писатель, философ и борец за чистоту шведского языка Виктор Рюдберг (1828–1895) пытался удалить из языка часть заимствований и вернуть на их место исконно скандинавскую лексику. В большинстве случаев его попытки не увенчались успехом, но некоторые из его пуристических замен, хоть и не вытеснили своих иноязычных «конкурентов», но все-таки обрели новую жизнь в шведском языке. Одним из таких слов стал глагол *dryfta* (*diskutera*). Поначалу этот глагол вызывал лишь критику и насмешки, но он выдержал испытание временем, и впоследствии один из бывших критиков Рюдберга писал: «Мы так долго шутили по поводу глагола *dryfta*, что теперь можно начинать им пользоваться всерьез» [Bergman, 1972. S. 176]. Со временем станет видно, завершатся ли дебаты о *hen* его аналогичной победой.

ЛИТЕРАТУРА

- Asp J.* Hen-debatten — ett språkpolitiskt skeende. 29.04.2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pluggasvenska.nu/hen-debatten-ett-sprakpolitiskt-skeende>.
- Bergman G.* Kortfattad svensk språkhistoria. Stockholm: Prisma, 1972. 256 s.
- Grönblad F.* Hen kan fylla språklig lucka // *Språktidningen*. December 2007. S. 26.
- Institutet för språk och folkminnen [Электронный ресурс]. URL: www.sprakradet.se.
- Lundqvist J., Johansson B.* Kivi & monsterhund. Linköping: Olika, 2012. 29 s.
- Melin L.* Du-reformen som blev en jag-revolution // *Språktidningen*. Oktober 2007. S. 18.
- Parkvall M.* “Hen”-kulturer är inte mer jämställda // *Svenska Dagbladet* 16.04.2012 [Электронный ресурс]. URL: www.svd.se/kultur/understrecktet/hen-kulturer-ar-inte-mer-jamstallda_6927977.svd.

- Pavlica A. Forskare oense om effekten // Göteborgs-Posten. 29.02.2012 [Электронный ресурс]. URL: www.gp.se/nyheter/sverige/1.874512-forskare-oense-om-effekten.
- Pavlica A. Så började debatten om hen // Göteborgs-Posten. 16.10.2012 [Электронный ресурс]. URL: www.gp.se/nyheter/sverige/1.874481-sa-borjade-debatten-om-hen.
- Sahlström E. Hen-debatten blossar upp igen. 19.09.2012 [Электронный ресурс]. URL: www.sahlstrom.info/spraknyheter/hen-debatten-blossar-upp-igen.
- Språkkritiketsboken. Stockholm: Norstedts, 2005. 413 s.
- Språktidningen. November 2012. S. 13.
- Teleman U. Han, hon eller vem som helst // Språkvård. Nr 1. 1995. S. 9.

REFERENCES

- Asp J. *Hen-debatten — ett språkpolitiskt skeende* [Hen-debate — a language-political process]. 29.04.2013. URL: www.pluggasvenska.nu/hen-debatten-ett-sprakpolitiskt-skeende.
- Bergman G. *Kortfattad svensk språkhistoria* [A short history of the Swedish language]. Stockholm, Prisma, 1972, 256 s.
- Grönblad F. Hen kan fylla språklig lucka [Hen can fill a language gap]. *Språktidningen*, December 2007, s. 26.
- Institutet för språk och folkminnen. URL: www.sprakradet.se.
- Lundqvist J., Johansson B. *Kivi & monsterhund* [Kivi & monster-dog]. Linköping, Olik, 2012, 29 s.
- Melin L. Du-reformen som blev en jag-revolution [The Du-reform that became a Jag-revolution]. *Språktidningen*, Oktober 2007, s. 18.
- Parkvall M. “Hen”-kulturer är inte mer jämställda [“Hen”-cultures are no longer equal]. *Svenska Dagbladet*, 16.04.2012. URL: www.svd.se/kultur/understrecket/hen-kulturer-ar-inte-mer-jamstallda_6927977.svd.
- Pavlica A. Forskare oense om effekten [Scientists disagree on the effect]. *Göteborgs-Posten*, 29.02.2012. URL: www.gp.se/nyheter/sverige/1.874512-forskare-oense-om-effekten.
- Pavlica A. Så började debatten om hen [So began the debate about hen]. *Göteborgs-Posten*, 16.10.2012. URL: www.gp.se/nyheter/sverige/1.874481-sa-borjade-debatten-om-hen.
- Sahlström E. Hen-debatten blossar upp igen [Hen-debate flares up again], 19.09.2012. URL: www.sahlstrom.info/spraknyheter/hen-debatten-blossar-upp-igen.

Språkriktighetsboken [Linguistic Correctness]. Stockholm, Norstedts, 2005,
413 s.

Språktidningen [The Language Magazine]. November 2012, s. 13.

Teleman U. Han, hon eller vem som helst [Han, hon or who ever it may be].
Språkvård, Nr 1, 1995, s. 9.

Савицкая Анна Владимировна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры скандинавской
и нидерландской филологии, филологический факультет,
Санкт-Петербургский государственный университет.
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9

Anna Savitskaja

Candidate of Philology, Associate Professor,
Department of Scandinavian and Dutch Philology,
Faculty of Philology, St. Petersburg State University.
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

E-mail: a.v.savitskaya@spbu.ru

В. М. САПРОНОВА

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ШВЕДСКОГО НЕОПРЕДЕЛЕННОГО МЕСТОИМЕНИЯ NÅGON В ЛЕКСИКАЛИЗОВАННЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЯХ

Ключевые слова: неопределенное местоимение, лексикализация устойчивых словосочетаний, прагматические коннотации.

В статье рассматриваются функционально-семантические особенности устойчивых словосочетаний с неопределенным местоимением *någon*, семантика которых в большей или меньшей мере обусловлена лексическим значением входящих в них компонентов. Данные словосочетания различаются по своим синтаксическим функциям и могут употребляться как препозитивные определения или обстоятельства образа действия и времени. Различной является также степень их устойчивости. Чем в большей степени проявляется их фразеологический характер, тем ярче выражаются в контекстах прагматические коннотации, обусловленные установкой субъекта речи.

VARVARA SAPRONOVA

Lomonosov Moscow State University

FUNCTIONING OF THE SWEDISH INDEFINITE PRONOUN NÅGON IN LEXICALIZED WORD-COMBINATIONS

Keywords: indefinite pronouns, lexicalization of the phrases, pragmatic connotations.

The article considers functional and semantic features of lexicalized word-combinations including the indefinite pronoun *någon*. Their meanings to a various degree depend on those of their components. The syntactic func-

tions of the word-combinations are different: some of them can be used as an attribute to the noun, others — as adverbials. The lexicalization degrees of the combinations also differ. The higher the degree is the more pronounced are the pragmatic connotations related to the speaker's attitude to the situation described.

Центральное место в системе шведских неопределенных местоимений занимает лексема *någon*, основным значением которой является неопределенность референта для субъекта речи [Svenska akademiens grammatik, 2000. S. 418]. Часто это местоимение функционирует в адъективной функции в составе словосочетаний с различной степенью устойчивости, где оно приобретает дополнительные смысловые оттенки. Среди таких словосочетаний можно выделить две группы с различной синтаксической структурой. Словосочетания с существительными в форме генитива на *-s* выступают в синтаксической функции препозитивного определения к существительному, остальные выполняют синтаксическую функцию обстоятельства.

I. Словосочетания *något slag* + *S*, *någon sort* + *S*

1. Словосочетание *något slag* + *S*

Словосочетание *något slags*, как и близкое по значению словосочетание *någon sorts*, является наиболее устойчивым. В его состав входит форма генитива существительного среднего рода *ett slag* 'сорт, тип, род', с которым по роду согласуется местоимение. Основное словарное значение этого существительного — 'удар'. В толковом словаре шведского языка значение 'тип', которое реализуется в рассматриваемом словосочетании, выделяется на последнем — одиннадцатом — месте [Norstedts svenska ordbok, 2004. S. 1088]. В этом значении слово встречается чаще всего в словосочетаниях, в состав которых входит форма генитива существительного, — *ett/något/vilket/alla/samma slags*, а также других устойчивых оборотах — *vad för slag*, *av det slag*. Отсутствие самостоятельного употребления главного слова словосочетания свидетельствует о достаточно высокой степени лексикализации последнего. Данное словосочетание может употребляться с различными смысловыми оттенками.

- a) В тех случаях, когда субъект речи не может точно определить предметную отнесенность описываемого объекта, очевидна лишь его родовая принадлежность: (1) *Han hade en blanksliten mörkblå kostym, vit skjorta, svart slips och något slags krigsdekoration i knapphållet på kavajslaget* — ‘На нем был лоснящийся темно-синий костюм, белая рубашка, черный галстук, а в петле на лацкане — **какая-то** военная награда’¹ (S). Словосочетание в данном контексте употреблено в значении ‘какой-то вид, тип’, близком к сумме значений его компонентов. В подобных случаях субъект речи видит предмет и, вероятно, может описать его, однако его родовая принадлежность остается для говорящего неясной. В этом значении рассматриваемое словосочетание употребляется со словами конкретной семантики.
- б) В тех случаях, когда говорящий не может подобрать более точного названия для описываемого им явления, он ограничивается его приблизительной характеристикой: (2) *Kan jag komma i kontakt med någon i den underjordiska marknaden? Jag antar att det finns något slags maffia, ligor?* ‘Могу ли я установить контакт с кем-нибудь с подпольного рынка? Я полагаю, что существует **какая-то** мафия, банды?’ (S). В подобных примерах словосочетание употребляется в значении ‘похожий на что-либо, что-то вроде’.
- в) В местоименном сочетании может содержаться скрытое противопоставление, которое часто передается на русский язык с помощью частицы *все-таки* с близкой семантикой: (3) *Tydliggen hade er bror underhållit miss Morgan med en visning av oanständiga fotografier. Dessutom hade hon märken över hela kroppen som utvisade att **något slags** överfall ägt rum och om han inte varit rullstolsbunden skulle er bror helt säkert våldfört på henne.* ‘Очевидно, что ваш брат занимал мисс Морган просмотром фотографий непристойного содержания. Кроме того, у нее все тело в синяках, что указывает на то, что **какое-то** нападение **все-таки** имело место, и если бы ваш брат не был прикован к инвалидному креслу, он без сомнения ее бы изнасиловал’ (S).

¹ Переводы на русский язык являются семантическими толкованиями рассматриваемых контекстов.

г) В некоторых контекстах *något slags* может употребляться для выражения недоумения, удивления, сомнения говорящего: (4) *Jag har inte i förväg försökt göra mig någon föreställning om hur vår expedition skulle kunna föras till ett lyckligt slut, men jag har ändå hyst något slags enfaldig tro på att det var möjligt.* ‘Я не пытался заранее представлять, каким образом наша экспедиция могла благополучно завершиться, но тем не менее у меня была **какая-то наивная** уверенность в том, что это было возможно’ (S). В данном высказывании оттенок недоумения усиливается за счет лексического значения прилагательного *enfaldig*, в котором присутствует оценочный компонент: таким образом говорящий сам признает свои чувства нелогичными. При этом употребление *något slags* смягчает категоричность оценки.

2. Словосочетание *någon sort* + S

В состав словосочетания *någon sorts* также входит форма генитива существительного — в данном случае существительного общего рода *en sort* ‘сорт, род, вид’. Так же как и в рассмотренном выше словосочетании *något slags*, местоимение согласуется по роду с существительным. Однако в отличие от пришедшего из нижненемецкого языка многозначного существительного *ett slag*, существительное *en sort* было заимствовано из французского языка [Våra ord, 2003. S. 422], а значение ‘сорт, род, вид’ является его прямым и единственным значением [Norstedts svenska ordbok, 2004. S. 1122]. Оно часто употребляется не только в составе различных оборотов, но и самостоятельно. Самому словосочетанию также не свойственно смысловое разнообразие, характерное для *något slags*. Вероятно, можно говорить о том, что по причине происхождения и значения главного слова словосочетание *någon sorts*, близкое по значению к *något slags*, обладает меньшей степенью устойчивости.

а) В большинстве случаев это словосочетание употребляется в значении ‘похожий на, что-то вроде’: (5) *Det är någon sorts sandaler eller balettskor, kanske gymnastiskor eller sportskor. De har mycket tunna sulor och nästan inga klackar.* ‘Это **что-то вроде** сандалий или балеток, возможно, кроссовки или спортивная обувь. У них очень тонкие подошвы и почти нет каблучков’ (S).

Наличие словосочетания позволяет субъекту речи дать неточное название явлению в тех случаях, когда референт с точки зрения говорящего имеет неточную предметную отнесенность (ср. аналогичное употребление *något slags*).

- б) Иногда данное словосочетание может употребляться при скрытом противопоставлении: (6) *Katten väntade på trappan och Mikael såg sig omkring och undrade vems katten egentligen var. Han släppte in den i alla fall, eftersom det ändå var någon sorts sällskap.* ‘Кошка ждала на ступеньках, и Микаэль оглянулся, недоумевая, чья же это кошка. Тем не менее он впустил ее — все-таки это была **хоть какая-то** компания’ (SL). Употребление местоименного словосочетания вносит прагматический аспект, связанный с выражением говорящим своего отношения к референту. В данном случае субъект речи не считает кошку «полноценной компанией», относится к ней с некоторым пренебрежением (ср. аналогичное употребление *något slags*).

II. Словосочетания с обстоятельственным значением

1. Словосочетание *på något sätt*

Предложное словосочетание *på något sätt* образовано при помощи существительного *ett sätt* ‘способ, образ’. Оно выполняет функцию обстоятельства образа действия и может употребляться в разных значениях.

- а) В значении ‘каким-то образом’ словосочетание употребляется в тех случаях, когда говорящий не обладает информацией о том, как, каким образом было осуществлено действие: (7) *Att han på något sätt var “förbytt” var dock hans övertygelse.* ‘То, что его **каким-то образом** «подменили», было, однако, его убеждением’ (E).

При употреблении в этом значении словосочетание носит более свободный характер, об этом свидетельствует возможность употребления в его составе препозитивного определения: (8) *När tankbilen lyftes bort hade kriminalinspektör Morell till och med gått ned till bron för att försäkra sig om att Harriet Vanger på något osannolikt sätt inte hade hamnat under vraket.* ‘Когда цистерну убрали, инспектор Морелль даже спустился на мост,

чтобы убедиться в том, что Харриет Вангер **каким-то невероятным образом** не оказалась под ней' (SL).

- б) Словосочетание *på något sätt* может приобретать более идиоматичное значение 'в некоторой степени, в известной степени': (9) *Jag känner mej på nåt sätt anklagad när hon sätter igång, jag tror inte hon vet att hon har "såna är karlarna" i tonfallet.* 'Я чувствую себя **в некоторой степени** виноватым, когда она снова начинает, не думаю, что она понимает, что в ее тоне слышится: «Все вы, мужчины, такие»' (A). В данном контексте словосочетание употребляется с глаголом эмоционального состояния. При употреблении местоименного словосочетания снимается категоричность утверждения, подчеркивается, что говорящим передается собственное мнение, впечатление.

2. Словосочетание *någon gång*

Это словосочетание образовано при помощи существительного *en gång* 'раз'. В предложении *någon gång* выполняет обстоятельственную функцию. Данное словосочетание употребляется в нескольких значениях с различной степенью переосмысления лексического значения существительного *en gång*.

- а) Наиболее близко к семантике главного слова значение 'хотя бы раз, примерно раз': (10) *Pernilla hade besökt honom någon gång i månaden och tillbringat veckolånga semestrar i stugan i Sandhamn.* 'Пернилла навещала его **примерно раз** в месяц и проводила неделю отпуска на даче в Сандхамне' (SL). Здесь словосочетание употребляется в контексте повторяющегося действия, при этом важно, что действие осуществлялось с определенной регулярностью.

Употребление неизменяемого прилагательного *enstaka* 'отдельный, единичный' также подчеркивает, усиливает значение единичности, малочисленности действий: (11) *Den ensidiga salta kosten utan grönsaker eller rotfrukter — med undantag för ärtorna och någon enstaka gång kokta rovor — gav upphov till bristsjukdomar.* 'Однообразная соленая пища без овощей или корнеплодов — за исключением гороха и **в редких случаях** вареной репы — становилась причиной болезней' (S).

- б) Часто *någon gång* употребляется в значении 'иногда, редко, хотя бы раз': (12) *Det var något fult och otäckt, något som skulle*

göra mamma ledsen <...>, som kom någon gång, fast sällan, sällan. ‘Это было что-то гадкое и отвратительное, что-то, что должно было расстроить маму <...>, что случилось **иногда**, но редко, редко’ (S). В данном контексте неопределенное местоимение встречается несколько раз, создавая общий контекст неопределенности. Словосочетание описывает нечасто повторяющиеся действия, что подчеркивается наречием *sällan* ‘редко’. Лексикализация словосочетания проявляется в данном случае в противоречии между его лексическим значением и грамматической формой: несмотря на то, что *någon gång*, как правило, указывает на неоднократность совершения действия, оно всегда употребляется в форме единственного числа.

- в) В сочетании с обстоятельствами времени *någon gång* указывает на приблизительное время совершения действия; в таком случае на русский язык оно переводится как ‘около, примерно’: (13) *När Erika somnade någon gång efter två på morgonen låg Mikael vaken och studerade hennes profil i halvdunklet.* ‘Когда Эрика заснула **примерно** после двух часов ночи, Микаэль лежал и изучал ее профиль в полутьме’ (SL). В подобных примерах словосочетание усиливает семантику неопределенности обстоятельств времени.
- г) При описании единичных событий, имевших место в прошлом, *någon gång* может употребляться в значении ‘когда-то’: (14) *<...> här kunde jag fara ut och in, utan visum, utan pass — som jag någon gång hade glömt på mitt hotellrum i Wien.* ‘<...> сюда я мог въезжать и выезжать без визы, без паспорта, который я **когда-то** забыл в номере отеля в Вене’ (S). Говорящий употребляет словосочетание, поскольку не может более точно указать, определить тот момент в прошлом, когда действие было совершено, и/или эта информация не является для него существенной.

3. Словосочетание *någon tid*

В состав словосочетания входит существительное *en tid* ‘время’; оно употребляется для обозначения неопределенного промежутка времени: (15) *För någon tid sen träffade jag en gammal skolkamrat.* ‘**Некоторое время** тому назад я встретил старого школьного

товарища' (S); (16) *Det har på någon tid varit ganska klent med arbetet.* 'Какое-то время с работой было туго' (S). В подобных контекстах словосочетание *någon tid* может указывать на то, что действие длилось в течение какого-то времени в прошлом или произошло в какой-то не очень отдаленный от момента речи момент в прошлом. Употребление данного словосочетания связано с прагматическими аспектами и выражает намерения говорящего: говорящему может быть (и скорее всего) известно время совершения действия, однако он не считает нужным его уточнять, поскольку данная информация не является для него существенной.

Таким образом, семантика устойчивых словосочетаний, в состав которых входит неопределенное местоимение *någon*, в большей или меньшей степени обусловлена лексическими значениями входящих в них слов. Проведенный анализ показал, что степень устойчивости рассмотренных словосочетаний является различной. Чем в большей степени проявляется их фразеологический характер, тем ярче выражаются в контекстах их употребления прагматические коннотации, обусловленные установкой субъекта речи: недоумение, удивление, негативная оценка описываемой ситуации, а также снятие категоричности утверждения.

Список использованных источников материала и принятых сокращений

- A — Axellson M. Aprilhäxan. Stockholm, 2004.
E — Enquist P. O. Livläkarens besök. Stockholm, 1999.
SL — Larsson S. Män som hatar kvinnor. Stockholm, 2006.
S — www.spraakbanken.gu.se (более 190 текстовых корпусов на шведском и финском языках, составленных Отделением компьютерной лингвистики (Språkdata) университета Гётеборга).

Sources

- A — Axellson M. The Aprilwitch. Stockholm, 2004.
E — Enquist P. O. The Royal Physician's Visit. Stockholm, 1999.
SL — Larsson S. The men hate women. Stockholm, 2006.
S — www.spraakbanken.gu.se.

ЛИТЕРАТУРА

Norstedts svenska ordbok. Stockholm: Norstedts, 2004. 1473 s.

Svenska akademiens grammatik. Band 2. Ord. Stockholm: Svenska Akademien; Norstedts Ordbok, 2000. 768 s.

Våra ord: Kortfattad etymologisk ordbok. Stockholm: Norstedts, 2003. X, 530 s.

REFERENCES

Norstedts svenska ordbok [Nordstedts Swedish Dictionary]. Stockholm, Norstedts, 2004, 1473 s.

Svenska akademiens grammatik [The Swedish Academic Grammar]. Band 2 [Vol. 2]. Ord. Stockholm, Svenska Akademien; Norstedts Ordbok, 2000, 768 s.

Våra ord: Kortfattad etymologisk ordbok [Our words. The small etymological dictionary]. Stockholm, Norstedts, 2003, X, 530 s.

Сапронова Варвара Михайловна

Соискатель по кафедре германской и кельтской филологии,
филологический факультет,

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1

Varvara Sapronova

Post-graduate student,

Department of Germanic and Celtic Philology, Faculty of Philology,
Lomonosov Moscow State University.

GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia

E-mail: e-29varvara@yandex.ru

Н. В. САФОНОВА

Брянский государственный университет
им. академика И. Г. Петровского

ПРЕДЫСТОРИЯ НОРВЕЖСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

Ключевые слова: языковая ситуация, диалект, говор, диалектная лексикография, лексикон, списки диалектных слов.

Статья посвящена истории норвежской диалектологии, ее начальному, еще донаучному периоду. Это время сбора диалектного материала, причем материала, в основном, случайного. Дается характеристика наиболее известных словариков того времени. Рассматривается вопрос о состоянии изучения фонетики, морфологии и синтаксиса норвежских диалектов в XVII–XVIII столетиях.

NATALIA SAFONOVA

Bryansk State University
named after academician I. G. Petrovsky

PREHISTORY OF NORWEGIAN DIALECTOLOGY

Keywords: language situation, dialect, accent, dialect lexicography, lexicon, lists of dialect words.

The article is devoted to the evolution of Norwegian dialectology, its initial, pre-scientific period. That was the time of piling up dialectal data, namely, occasional ones. The article contains the characteristics of the most known glossaries of that time. The issue of progress in studying phonetics, morphology and syntax of Norwegian dialects in XVII–XVIII centuries is touched upon here as well.

Изучение закономерностей развития языка в настоящее время не может обойтись без привлечения живого, конкретного материала народных говоров. Ведь «именно в диалектах <...> наиболее непосредственно, последовательно и беспрепятственно осуществляются закономерные тенденции развития языка...» [Жирмунский, 1964. С. 4]. Эти слова В. М. Жирмунского замечательно подходят и для норвежских диалектов. В силу различных причин, как географических, так и исторических, в Норвегии до сих пор сохраняются устойчивые местные говоры. По существу, каждая населенная долина Норвегии имеет свой диалект. К сожалению, интересная языковая ситуация в Норвегии с ее двумя литературными формами и большим количеством весьма отличающихся друг от друга диалектов в настоящее время почти не привлекает внимание наших исследователей. Кроме работ М. И. Стеблин-Каменского и В. П. Беркова, представляют интерес по этой теме лишь статьи А. Н. Ливановой [Ливанова, 1997. С. 262–266; 2003. С. 10–13] и кандидатская диссертация по культурологии Д. С. Домрачева [Домрачев, 2010]. Пробуждение интереса к родным говорам в Норвегии относят обычно к XVII в. Хотя этот период был трудным временем экономического и политического упадка страны, тем не менее первые попытки записать некоторые особенности народного языка (отдельные слова и выражения, пословицы, грамматические особенности) здесь были сделаны не позднее, чем в соседних странах. Довольно долго интерес к диалектам в Норвегии, как и в других европейских странах, не носил научного характера. В начальный (часто называемый доисторическим или ненаучным) период истории диалектологии занимались только сбором диалектной лексики. От этого периода осталось довольно много диалектных словарей. Одним из первых словарей такого рода был лексикон К. Енсена «Den Norske Dictionarium eller Glosebog», изданный в Копенгагене в 1646 г. Это была первая печатная книга о норвежском языке. К. Енсен собрал около тысячи слов диалекта Аксволла в Сюннфьорде, где он родился и долгое время служил пастором.

К концу XVII в. относится и список диалектных слов, составленный Д. Г. Климом «Ordsamling fraa Robyggjelaget» (800 слов).

И хотя в то время он не был напечатан (его опубликовали в 1911 г.), но был достаточно широко известен.

Много интересного норвежского диалектного материала было собрано в конце XVII в. в связи с созданием большого датского словаря по инициативе известного в то время ученого М. Мота. Хотя этот большой лексикографический труд, состоявший из 60 томов, так и не был напечатан, но он послужил образцом и основой для многих последующих работ в области диалектной лексикографии. Норвежские диалекты рассматривались в то время как варианты литературного датского языка, и материалы, собранные в Норвегии, должны были, по замыслу автора, как и материалы датских диалектов, обогатить датский литературный язык. Наиболее интересными из присланных норвежских материалов считаются списки слов, составленные Я. И. Борком «Ordsamling fraa Bøe i Vesteraalen» (около 650 слов), Е. Расмусом «Ordsamling. Norderhov» (около 350 слов) и особенно Т. Блоком «Glossemata Tellemarchica. Fyresdal» (около 1050 слов с переводом на латинский и датский языки). Примерно в это же время планировался и большой норвежский словарь. Однако из этого замысла ничего не вышло [Hanssen, 2010].

Еще одним источником сведений о норвежских диалектах XVII в. стали списки диалектных слов, авторами которых были датчане, работавшие в Норвегии. Целью таких лексиконов было помочь датским чиновникам в общении с местным населением. Одним из первых такого рода словариков был «Nogre Glosser aff Norriges Loug fordanschett». Самым большим по количеству слов считается список датского епископа Э. Понтопидана, много лет прожившего в Норвегии, «Glossarium Norvegicum Eller Forsoeg paa en Samling Af saadanne rare Norske Ord Som gemeenlig ikke forstaaes Af Danske Folk». Список включал также приложение с перечнем норвежских личных имен, но его научная ценность невелика, по мнению историков норвежского языка, т. к. он состоял только из тех слов норвежских диалектов, которые датчанам было трудно понимать.

Характерный для эпохи Просвещения (XVIII в.) интерес к топографическим описаниям не обошел и Норвегию, усилив вни-

мание к народным говорам. В 1743 г. был собран материал для топографическо-статистического описания Дании и Норвегии. Диалектный лексический материал содержался как в самих текстах этих описаний, так и в специальных дополнительных списках слов. Из этих лексиконов называют обычно следующие: списки слов, составленные Йуртхеом из Гюдбраннсдала, Стремом из Сюннмере, Вилле из Силлеюра (около 3000 слов), Вилсе из Спюдеберга (около 1600 слов). Но самым значительным из этих словарей был труд К. Лема «Norske Maalsamlingar», в котором было собрано почти 4000 слов. Научная ценность этой работы заключалась в том, что в нее были включены слова из нескольких юго-восточных и северо-восточных районов Норвегии, причем все слова имели четкую локализацию. Хотя словарь К. Лема так и не был напечатан в то время, та тщательность, с которой был собран весь лексический материал, дала возможность считать его первым норвежским словарем, который и до наших дней сохранил определенную ценность как источник [Beito, 1973. S. 11–23].

Интерес к родным говорам, хотя и ограничивавшийся в этот период только сбором лексики, имел в Норвегии направленность, связанную с утверждением национального самосознания. Авторы большинства названных списков пытались доказать в своих работах, что норвежский — это самостоятельный и самобытный язык. Еще теснее становится связь национального освободительного движения в стране с интересом к изучению родных говоров в начале XIX в. Такая связь четко прослеживается у В. Ф. Кристи, автора «Norsk Dialect-Lexicon og nokre folkeminnen og brev», и у Л. Халлагера, автора «Norsk Ordsamling eller Proeve af Norske Ord og Talemaader». Эти словари были самыми крупными лексикографическими работами первой половины XIX в. Словарь В. Ф. Кристи (около 18 000 слов) представлял в основном лексику диалектов Хордаланна. Л. Халлагер включил в свою работу лексику многих норвежских диалектов. Он широко использовал в своей работе списки слов своих предшественников, как напечатанные, так и рукописные. Объем его словаря значительно превысил более ранние работы такого рода и составил около 7000 слов, большая часть которых представляла диалектную лексику западных районов Норвегии, но

лексика других районов также была представлена достаточно широко. И словарь В. Ф. Кристи, и словарь Л. Халлагера представляли собой уже явно филологические работы в отличие от большинства предыдущих словников, целью которых была только регистрация слов. Но все же и эти словари были для авторов лишь звеном в борьбе за культурную самобытность страны.

В 1810–1812 гг. в Норвегии был собран диалектный лексический материал, предназначенный для большого словаря, получившего название в честь Датского научного общества — «Videnskabelnes Selskabs Danske Ordbok». Первый том этого словаря вышел в Копенгагене в 1793 г., а последний — в 1905 г. При составлении этого словаря были использованы многие из вышеназванных норвежских лексиконов, а также собран довольно обширный новый материал. Как правило, это были небольшие списки слов, но они интересны тем, что были присланы почти из всех районов Норвегии (не только из епископств Кристианнсанн и Акерсхус, но и из Бергена и Тронхейма, а также из Нурланна и Финмарка) [Bandle, 1962. S. 289–322].

Как уже говорилось, особое внимание в XVII–XVIII вв. в Норвегии, как и в других странах, уделялось сбору диалектной лексики. Фонетика, морфология, не говоря уж о синтаксисе диалектов, не изучалась. Только в нескольких лексиконах даются кое-какие грамматические справки, весьма разрозненные и довольно неточные. Первой работой по грамматике норвежского языка принято считать норвежскую грамматику, написанную в 1625 г., представляющую собой несколько листочков, написанных на латыни, содержащих небольшие заметки о фонетике и сильных глаголах диалекта Вест-Агдер. Ее автором предположительно считается Е. Томассен.

Наиболее достойными внимания считаются две грамматические работы того времени: М. Шнабель «Proeve paa Hvorvidt Det gamle Norske Sprog endnu er til udi Det Hardangerske Bondemaal» (1764) и очерк грамматики норвежских диалектов во введении к «Norsk Ordsamling» (1802) Л. Халлагера.

Работа М. Шнабеля представляет собой список слов (от А до F) древненорвежского языка, затем приводятся соответствия

этих слов в диалекте Хардангера и разбор, который должен был доказать, что этот диалект происходит от древнорвежского языка. В то время это была смелая мысль, т. к. норвежские диалекты считались вариантами датского языка. Самостоятельность и самобытность норвежского языка в то время полностью отрицались. М. Шнабель планировал также написать грамматику хардангерского диалекта в сравнении с древнорвежским языком. Список слов должен был стать приложением к этой грамматике. И хотя эта работа так и не была осуществлена автором, за М. Шнабелем закрепилась слава первого исследователя грамматики норвежского языка. Его работа была первой попыткой исторического исследования норвежских диалектов. Работу М. Шнабеля высоко ценили последующие исследователи норвежских диалектов, такие как И. Осен, Х. Росс.

Грамматический очерк Л. Халлагера во введении к его словарю «Norsk Ordsamling» (1802) затрагивал не только вопросы морфологии, но и фонетики, и синтаксиса норвежских диалектов. Л. Халлагер попытался показать разницу между норвежским и датским языками, а также дать общую характеристику норвежского языка, представленную его диалектами. Как считают историки норвежского языка В. Скар и Г. Индребе, у Л. Халлагера было много ошибок, но и много интересных замечаний и наблюдений относительно грамматики диалектов [Sandoey, 1985].

Итак, мы видим, что период XVII–XVIII вв. представлял собой, собственно, период накопления диалектного материала, причем материала случайного. В этот период собирался не весь материал, а фиксировались лишь отклонения от литературной нормы, т. е. своего рода «экзотика» диалектной речи. Частные явления регистрировались в отрыве от общего и вне сопоставления с другими территориальными системами. Собственно научное изучение норвежских диалектов в этот период не проводилось.

ЛИТЕРАТУРА

Домрачев Д. С. Современная письменная культура нюношк: практики культурной идентичности: автореф. дис. ... канд. культурологии [Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена]. СПб., 2010. 23 с.

- Жирмунский В. М.* Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков. М.: Наука, 1964. 316 с.
- Ливанова А. Н.* На норвежском языковом фронте перемены // Первые скандинавские чтения. СПб.: МАЭ РАН, 1997. 278 с.
- Ливанова А. Н.* Языковая ситуация в Норвегии. Материалы XXXII международной филологической конференции. СПбГУ, 2003. С. 10–13.
- Bandle O.* Die norwegische Dialektforschung — ein Ueberblick ueber ihre Geschichte und heutige Situation // Zeitschrift fuer Mundartforschung, 1962. S. 289–322.
- Beito O. T.* Utsyn over maalføeregransking // Fraa norsk maalføeregransking. Oslo, 1973. S. 11–23.
- Hanssen E.* Dialekter i Norge. Bergen: Fagbokforlaget, 2010. 211 s.
- Sandoey H.* Norsk dialektkunnskap. Oslo: Novus, 1985. 319 s.

REFERENCES

- Domrachev D.S. *Sovremennaiia pis'mennaia kul'tura niunoshk: praktiki kul'turnoi identichnosti: avtoref. dis. ... kand. kul'turologii* [Modern written culture of New Norwegian: practices of cultural identity: summary of the PhD thesis in cultorology] [Ros. gos. ped. un-t im. A.I. Gertsena]. SPb., 2010, 23 s.
- Zhirmundskii V.M. *Vvedenie v sravnitel'no-istoricheskoe izuchenie germanskikh iazykov* [Introduction to comparative-historic studies of Germanic languages]. Moscow, Nauka Publ., 1964, 316 s.
- Livanova A.N. *Na norvezhskom iazykovom fronte peremeny* [The changes in the Norwegian front]. *Pervye skandinavskie chteniia* [The First Scandinavian Readings]. St. Petersburg, MAE RAN, 1997, 278 s.
- Livanova A.N. *Iazykovaia situatsiia v Norvegii* [The Language situation in Norway]. *Materialy XXXII mezhdunarodnoi filologicheskoi konferentsii* [The Materials of XXXII international philological conference]. St. Petersburg, SPbGU, 2003, s. 10–13.
- Bandle O. *Die norwegische Dialektforschung — ein Ueberblick ueber ihre Geschichte und heutige Situation* [Norwegian dialect studies — review of their history and modern-day situation]. *Zeitschrift fuer Mundartforschung*, 1962, s. 289–322.
- Beito O.T. *Utsyn over maalføeregransking* [Survey of Dialect Research]. *Fraa norsk maalføeregransking* [Some aspects of Norwegian research in Dialectology]. Oslo, 1973, s. 11–23.
- Hanssen E. *Dialekter i Norge* [Dialects in Norway]. Bergen, Fagbokforlaget, 2010, 211 s.
- Sandoey H. *Norsk dialektkunnskap* [Norwegian dialectology]. Oslo, Novus, 1985, 319 s.

Сафонова Наталья Васильевна

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры немецкого языка, факультет иностранных языков,
Брянский государственный университет им. академика И. Г. Петровского.
Россия, 241036, Брянск, ул. Бежицкая, д. 14

Natalia Safonova

Candidate of Philology, Associate Professor,
Department of the German language, Faculty of Foreign languages,
Bryansk State University named after academician I. G. Petrovsky.
14, Bezhitskaya Street, Bryansk, 241036, Russia

E-mail: saphonchik@mail.ru

Е. В. СЕНИЦЫНА

Санкт-Петербургский государственный университет

ПОСЛОВИЦЫ СЕВЕРНОЙ ЮТЛАНДИИ И ВОПРОС ИХ ИЗУЧЕНИЯ И КЛАССИФИКАЦИИ

Ключевые слова: пословичная картина мира, пословицы Северной Ютландии, смысловая классификация, пословица-максима.

При реконструкции пословичной картины мира возникает необходимость классификации пословиц. В силу метафоричности этих знаковых единиц классификация по ключевым словам, входящим в пословицу, представляется нецелесообразной. Сведение всех пословиц к максимам позволяет определить смыслы, которые далее могут быть объединены в тематические группы инвариантных пар противопоставленных сущностей. Дальнейшее изучение тематических групп, их внутренней формы и структуры позволит выявить специфику датских пословиц.

EVGENIJA SINITSYNA

St. Petersburg State University

PROVERBS OF NORTH JUTLAND AND THE ISSUE OF THEIR CLASSIFICATION AND STUDY

Keywords: proverbial picture of the world, proverbs of North Jutland, concept classification, maxims.

Reconstruction of the proverbial picture of the world requires a classification of proverbs. Proverbs being largely metaphorical, the key words therein tend to render classification according to them confusing. Reduced to maxims, proverbs can be related to topic groups of paired juxtaposed entities. A further study of the topic groups, their inner form and structure will allow for revealing their national specifics.

Важность изучения пословиц для понимания мира не подвергается сомнению. Пословицы, как хранители «народной мудрости» и «правила благоразумия», как «частный опыт в общности», передаваемый из поколения в поколение, с давних времен выделялись в отдельную категорию знаний о мире. Ими руководствовались в создании законов, их собирали и изучали, например, для «изъяснения древних Скандинавских законов». Датский юрист Гедегорд даже издал отечественные пословицы в 1776 г. под названием «Пословицы, рассматриваемые как остатки неписьменных и основания письменных законов» [Снегирев, 1831, С. 25–26 (сноска (v))].

Материалом для данного исследования послужил корпус датских пословиц (246 пословиц) одного региона Дании — Северной Ютландии, собранных Ивером Кьером и Бенгтом Хольбеком в словаре «Ordsprog i Danmark» (4000 пословиц из письменных и устных источников за последние 600 лет) [Kjær, Holbek, 1989]. На сегодняшний день это самый полный список датских пословиц.

В статье пословицы приводятся строго в той форме, в которой они представлены в словаре.

Ни один регион Дании не был так хорошо исследован, как Северная Ютландия. На протяжении XIX–XX вв. были изданы собрания пословиц, относящихся к этому региону. Изучением и собиранием пословиц занимались такие исследователи, как Свен Грундтвиг, О. Л. Грэнборг, Й. М. Йенсен, Эвальд Танг Кристенсен и другие. Многие из зарегистрированных в Северной Ютландии пословиц получили позднее распространение на всей территории Дании.

Пословицы народов мира проявляют большое сходство, т. к. понятия о добре и зле, отношениях в обществе у всех народов практически одинаковы, что позволило Г. Л. Пермякову разработать для разных языков единую классификацию на основании выделения инвариантных тематических пар, лежащих в основе тематических групп: здоровый — больной, порождающее — порождаемое, свой — чужой и др. «Подлинной темой пословицы является не то или иное слово, не та или иная мысль и даже не та или иная область человеческой деятельности, а некая инвариантная пара противопоставленных сущностей, к которой сводится смысл употребляемых в данной пословице образов» [Пермя-

ков, 1988. С. 107]. Например, в пословице *Småskælmer hænges, de store forgyldes* ‘Мелких мошенников вешают, крупных награждают’ в оппозиции «большой — малый» проявляется несправедливость общества по отношению к «маленькому человеку».

Изучение чужих пословиц всегда происходит через призму родного языка, что автоматически приводит к искаженному восприятию чужой картины мира: потере образности и адаптации смысла в соответствии со своими представлениями. *En sølvhammer åbner tit en jerndør* ‘Серебряный молоток часто открывает железную дверь’ (ср. русскую пословицу о взяточничестве: Не подмажешь — не поедешь).

При изучении пословичной картины мира необходимо для начала «рассортировать» пословицы, т. е. найти принцип для их классификации, и только потом исследовать пословицу как минимальный фрагмент этой картины в рамках когнитивных моделей отдельных пословиц, используемых Е. В. Ивановой [Иванова, 2002], и определять место пословицы в ней и связи между разными фрагментами (структура).

Пословица, определяемая как некая пропозициональная единица, описывает ситуацию, основные компоненты которой состоят в определенных отношениях друг с другом, посредством этих отношений моделируется некий фрагмент опыта. Например, в *Sandhed skifter aldrig lød (farve)* ‘Правда никогда не меняет цвет’ говорится о том, что правду не скрыть. Пословица не только суммирует ситуацию, но и оценивает ее, а также дает рекомендацию к действию. Рекомендации и оценка присутствуют или эксплицитно (*Det er en dårlig sag, der skal besmykkes* ‘Плохое дело, если его надо приукрашивать’), или имплицитно, когда знание возможных схем действия обусловлено знанием ситуации (*Den der forsvarer sig, anklager sig* ‘Тот, кто защищается, обвиняет себя’ (т. е. не надо оправдываться), *Det brænder først, det er næst ved ilden* ‘Первым горит то, что ближе к огню’, т. е. следует проявлять осторожность или, если вести себя недостаточно осторожно, стремясь к власти, можно пострадать. Ср. русскую пословицу: Близ царя — близ смерти.

Поскольку для классификации пословиц уровни рекомендации и оценки (экспрессивное значение) не являются значимыми, в статье рассматривается только дескриптивный уровень значе-

ния и внутренней формы (буквального значения) [Иванова, 2002]. В случае отсутствия метафоричности значение и внутренняя форма совпадают, т. е. пословица является максимой. Метафоричность, выражающая самобытность нации, не меняет смысла пословицы, поэтому было бы разумно свести все пословицы к максимам. Г. Л. Пермяков подчеркивал, что «отделка», внешняя образность, не так важна, как то, что означает пословица и каков смысл передаваемой ею ситуации [Пермяков, 1988. С. 20].

По смысловому принципу построены существующие тематические словари пословиц. В. И. Даль в своем «напутном слове» пишет, что «расположение пословиц по смыслу их, по значению внутреннему, переносному, как притч, кажется, самое верное и толковое» [Даль, 1862. С. 11]. Он выделил около 180 разрядов (например, «горе»: горе — беда, горе — утешение, горе — обида), некоторые пословицы входят в разные разряды и потому повторяются, но это неизбежно, т. к. одна пословица может соответствовать разным ситуациям.

Р. Фергюссон [Fergusson, 1983] делит пословицы на группы, число которых приблизительно соответствует числу, выделенному Далем по ключевому концепту (в алфавитном порядке), и подгруппы, выражающие различные аспекты основной темы: «беда: ее источники; ее последствия; ее компенсация; ее неизбежность; ее нежелательность; способы справиться с бедой; меры при беде, со ссылкой на противоположное: радость». Такая классификация тоже еще далека от совершенства, и поиск нужной пословицы затруднителен, т. к. ключевые слова могут входить в несколько групп.

Пословицы описывают мир или человека в нем через его восприятие коллективом, они отражают противоречивый по своей природе человеческий опыт. Для датских пословиц характерно употребление личных местоимений «я» и «ты», имеющих, однако, обобщающий характер. Jeg vil nok bruges, men ikke misbruges 'Я, конечно, готов, чтобы меня использовали, но не надо злоупотреблять', Nu kan du harve det jeg har pløjet, så får du at fornemme hvad jeg har døjet 'Теперь ты можешь взборонить то, что я вспахал, тогда ты почувствуешь, что я перенес', Brok ikke mer sammen, end du kan spise 'Стряпай не больше, чем можешь съесть', Hver fugl syn-

ger med sit næb, jeg synger med min flæb 'Каждая птица поет своим клювом, а я пою своим ртом'.

Пословицы могут относиться и к отдельной категории людей, выделенной по определенному признаку или состоянию: взрослый — невзрослый, мужчина — женщина, умный — глупый, богатый — бедный, завистливый — независтливый, здоровый — больной и т. д., или по поступкам и действиям, его определяющим: Mænd bygger huse, kvinder skaber hjem 'Мужчины строят дома, а женщины создают «домашний очаг»; Den der er frisk og rask savner mange ting; men den syge savner ikke uden én ting 'Здоровому и бодрому не хватает многого, а больному не хватает только одного', Den der forsvarer sig, anklager sig 'Тот, кто защищается, обвиняет себя'.

Кроме того, для пословиц очень характерно употребление образов животных, предметов быта и даже частей тела, которые в силу своей метафоричности (т. е. «двуплановости», дающей два знания о мире) используются для определенной характеристики человека: Ræven er ikke så stor, som hans hale bruser til 'Лиса не настолько большая, насколько говорит ее хвост', En bitte prås lyser også i mørke 'Маленькая свечка тоже светит в темноте', En tro hånd og en sand mund finder brød i alle land 'Верная рука и правдивый рот всегда найдут хлеб в любой стране'. Обращение к образам животных и предметов — явление весьма распространенное, в словаре В. И. Даля даже есть отдельный разряд «животные — скот» (в словаре Р. Фергюссон он отсутствует). Если исходить из того, что для классификации внутренняя форма не является значимой, то вряд ли такое выделение оправдано.

Вопрос отнесения пословиц к какой-либо тематической группе по ключевым словам весьма затруднителен, потому как эти слова могут иметь весьма опосредованное отношение к смыслу пословицы. Например, в пословице Tyv tror hver mand stjæle vil, og kærling tror ingen ætliche folk der er til 'Вор думает, что каждый хочет украсть, а жулик думает, что честных людей нет' речь идет не о жуликах и ворах как таковых, т. е. о людях определенного рода деятельности, а о том, что каждый все меряет на свой аршин. Этот же смысл выражен и другой пословицей: Man skal ikke måle alle med én alen 'Не надо мерить всех одним аршином'. Поэтому целесообразно классифицировать пословицы по их смыслу, а не по

ключевым словам. В данном случае это — тематическая пара «сам (человек как личность в обществе) — другие», т. е. склонность человека рассматривать все со своей позиции, восприятие человеком мира и окружающих через себя. Но при этом допускается, что другие тоже имеют право поступать точно так же. *Hver står på retten sin, jeg står på retten min* 'Каждый настаивает на своем, я настаиваю на моем'.

В случае использования конкретных понятий ключевые слова могут указывать на определенный разряд (например, «женщина» в оппозиции «мужчина — женщина», и тогда можно точно определить список пословиц, входящих в эту категорию). В случае же абстрактных понятий дело обстоит гораздо сложнее, поскольку само слово, выражающее абстрактное понятие, может и не присутствовать в пословице.

Например, к инвариантной тематической паре «терпение — нетерпение» можно отнести несколько пословиц, хотя собственно слово «терпение» встречается в словаре «*Ordsprog i Danmark*» только три раза: в списке общеупотребительных пословиц, в отдельном списке старых пословиц и в пословицах Ютландии, где говорится о том, что далеко не у всех оно есть: *Tålmodighed er en urt, der ikke gror i alles have* 'Терпение — растение, которое растет не в каждом саду'. Датчане, несомненно, знавшие латинское название этого растения (*Rumex patientia* — шпинатный щавель, *patientia* в латыни означает «терпение», ср. английскую пословицу *Patience is a flower that grows not in every one's garden*), воспользовались этим, заменив *patientia* на датское слово. Смысл находит в языке разные выражения, поэтому совершенно необязательно, что слово «терпение» будет присутствовать в каждой пословице, говорящей о терпении или отсутствии оно.

В словаре *Den Danske Ordbog* слово «*tålmodighed*» — «терпение» имеет два значения:

- 1) способность терпеть, например, *Man skal lide det, der står ikke til at vride (ændre)* 'Нужно пережить то, что все равно нельзя изменить';
- 2) настойчивость, упорство и выдержка в каком-н. деле, работе, например, *Man skal rage i asken for at finde gløderne* 'Нужно рыться в золе, чтобы найти угли' [*Den Danske Ordbog*].

Основой для классификации должен стать смысл, проявляющийся в паре противопоставленных сущностей. Так, в паре «терпение — нетерпение» человек может быть в разной степени терпеливым или нетерпеливым, или в чем-то терпеливым, а в чем-то нет. Терпение может иссякнуть, лопнуть, если кто-то или что-то его испытывает.

Из 17 пословиц Северной Ютландии о терпении 15 относятся к человеку вообще, а две — к бедным. *Fattigfolk får ikke sukkerrod, de må nøjes med peberrod* ‘У бедных нет сладкого корня’ (поручейника сладкого), они должны довольствоваться хреном (ср. русскую и английскую пословицы: Терпение — удел бедности, *Beggars can't be choosers*). *Ja-ja og nå-nå, det er fattigmands trusel* ‘«Да-да» и «как же так» — это угроза бедняков’. (Разумнее отнести эту пословицу только к паре «терпение — нетерпение», а не к оппозиции «богатый — бедный», поскольку из нее не следует, какой будет реакция богатого на неблагоприятную ситуацию).

Терпение (одна из семи христианских добродетелей) помогает жить: *Man skal lide det, der står ikke til at vride (ændre)* ‘Нужно пережить то, что все равно нельзя изменить’.

Терпение при любом роде деятельности приносит плоды: *Af lidt og lidt bygger fuglen sin rede* ‘Из малого и постепенно строит птица свое гнездо’, *Vil man op ad en stige, må man begynde på det nederste trin* ‘Если надо забраться по лестнице, надо начинать с первой ступеньки’. То же — через противоположное: *Man skal ikke sælge sildene, før man har dem i garnet* ‘Не надо продавать сельдь, не поймав ее в сети’ (надо подождать, т. е. потерпеть). *Man skal ikke dømmе skibet, før det har prøvet søén* ‘Нельзя судить о корабле, пока не спустишь его на воду’ (поспешное суждение может оказаться неверным).

Неразумные действия могут свести на нет результаты терпеливого труда: *Spinke og spare kan længe vare, men sus og dus gør tomt hus* ‘Беречь каждую копейку может занять много времени, но вихрь удовольствий опустошает дом’.

Не всегда, впрочем, следует все терпеливо сносить: *En må hellere køre en mil af sin vej end sidde en måned i bløde (mudder)* ‘Лучше проехать милю своего пути, чем месяц просидеть в грязи’.

А иной раз излишнее терпение может оказаться неразумным: *Længe skal man slibe, inden man får en træøkse skarp* ‘Долго придется точить деревянный топор, чтобы заострить его’.

Человек, хоть и терпелив (*Jeg vil nok bruges, men ikke misbruges*. ‘Я, конечно, готов, чтобы меня использовали, но не надо злоупотреблять’), но и у терпения есть предел: *Stød og streger (skoser) kan man få nok af* ‘От всяких бед и ударов можно устать’ (и, возможно, потерять терпение).

Всякому терпению наступает конец: *Dybe brønde kan også tømmes* ‘И глубокий колодец можно опустошить’. И тогда человек может начать мысленно возмущаться (*Man kan sagtens knytte næver i bukselommerne* ‘Конечно же, можно сжимать кулаки в карманах’) и даже начать роптать (*Ja-ja og nå-nå, det er fattigmands trusel* ‘«Да-да» и «как же так» — это угроза бедняков’). Потеря терпения может приводить к противоположным результатам (т. е. иметь как отрицательный, так и положительный исход): *Iltert sind gør sigtet vind (skævt)* ‘Вспыльчивая натура попадает мимо цели’, *Når de gamle bliver gale, så bliver de gale til gavns* ‘Если старики раздражаются, то это только на пользу’ (старики, т. е. люди, умудренные опытом, могут изменить ход событий).

Таким образом, основой для классификации пословиц должен стать именно смысл, проявляющийся в оппозиции определенной тематической пары. В связи с этим было бы разумно для начала свести все пословицы к максимумам, оставив без внимания прагматические подуровни оценки и рекомендации, затем выделить ключевые слова, относящиеся к этому смыслу и совершенно необязательно присутствующие в самой пословице, и на основании этого попытаться структурировать картину мира для человека с его естественным стремлением к счастью, человека, который живет в обществе и зависит от этого общества, в котором действуют законы природы и законы гражданские и божественные (заповеди, смертные грехи, добродетели и пр.). Следующим этапом в исследовании пословиц будет рассмотрение способов и образов, которыми человек пользуется для выражения своего понимания мира и своего места в нем, т. е. изучение средств выражения национальной самобытности.

ЛИТЕРАТУРА

- Даль В. И. Пословицы русского народа. Напутное слово [Электронный ресурс]. М., 1862. URL: http://www.slova.ru/book_toc/1.html.
- Иванова Е. В. Пословичная концептуализация мира (на материале английских и русских пословиц). Дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2002. 415 с.
- Пермяков Г. Л. Классификация пословичных изречений. Система логической трансформации пословиц // Г. Л. Пермяков. Основы структурной паремиологии. М.: Наука, 1988. С. 11–33.
- Пермяков Г. Л. О смысловой структуре и соответствующей классификации пословичных изречений // Г. Л. Пермяков. Основы структурной паремиологии. М.: Наука, 1988. С. 107–134.
- Снегирев И. М. Русские в своих пословицах. Рассуждения и исследования об отечественных пословицах и поговорках И. Снегирева [Электронный ресурс]. М., 1831. URL: <http://books.google.ru/books?id=HmoBAAAAYAAJ&printsec=frontcover#v=onepage&q&f=false> (дата обращения 07.02.2014).
- Den Danske Ordbog [Электронный ресурс]. URL: <http://ordnet.dk/ddo/ordbog?query=t%C3%A5lmodighed&tab=for> (дата обращения: 05.02.2014).
- Fergusson R. Dictionary of Proverbs. Harmondsworth; New York: Penguin Books, 1983. XI, 331 p.
- Kjær I., Holbek B. Ordsprog i Danmark. Viborg: Paludans, 1989. 333 s.

REFERENCES

- Dal' V.I. *Poslovitsy russkogo naroda. Naputnoe slovo* [Proverbs of Russian People. Parting Words]. Moscow, 1862. URL: http://www.slova.ru/book_toc/1.html.
- Ivanova E.V. *Poslovichnaia kontseptualizatsiia mira (na materiale angliiskikh i russkikh poslovits)*. Dis. ... d-ra filol. nauk [Proverb Conceptualization of the World (as exemplified in Russian and English proverbs). Doctoral thesis in Philology]. St. Petersburg, 2002, 415 s.
- Permiakov G.L. *Klassifikatsiia poslovichnykh izrechenii. Sistema logicheskoi transformatsii poslovits* [The System of Logic Transformation of Proverbs] G.L. Permiakov. *Osnovy strukturnoi paremiologii* [Fundamentals of Structural Pareomiology]. Moscow, Nauka Publ., 1988, s. 11–33.
- Permiakov G.L. *O smyslovoi strukture i sootvetstvuiushchei klassifikatsii poslovichnykh izrechenii* [On the Semantic Structure and the Corresponding Classification of Proverbial Sayings]. G.L. Permiakov. *Osnovy strukturnoi paremiologii* [Fundamentals of Structural Pareomiology]. Moscow, Nauka Publ., 1988, s. 107–134.

- Snegirev I.M. *Russkie v svoikh poslovitsakh. Rassuzhdeniia i issledovaniia ob otechestvennykh poslovitsakh i pogovorkakh I. Snegireva* [Russians in their Proverbs. Reasoning and Research of Local Proverbs and Sayings]. Moscow, 1831. URL: <http://books.google.ru/books?id=HmoBAAAAYAAJ&printsec=frontcover#v=onepage&q&f=false> (accessed 07.02.2014).
- Den Danske Ordbog* [The Danish Dictionary]. URL: <http://ordnet.dk/ddo/ordbog?query=t%C3%A5lmodighed&tab=for> (accessed 05.02.2014).
- Fergusson R. *Dictionary of Proverbs*. Harmondsworth; New York, Penguin Books, 1983, XI, 331 p.
- Kjær I., Holbek B. *Ordsprog i Danmark* [Proverbs in Denmark]. Viborg, Paludans, 1989, 333 s.
-

Синицына Евгения Владимировна

Ассистент кафедры скандинавской и нидерландской филологии,
филологический факультет,
Санкт-Петербургский государственный университет.
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9

Eugenia Sinitsyna

Lecturer, Department of Scandinavian and Dutch Philology,
Faculty of Philology, St. Petersburg State University.
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia
E-mail: e.sinitsyna@spbu.ru

П. Н. ЦИКОРЕВА

Санкт-Петербургский государственный университет

РАЗМЕР В НОРВЕЖСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Ключевые слова: семантика размера, норвежский язык, параметрические прилагательные.

В статье затрагиваются основные способы описания размера объектов, имеющиеся в норвежском языке. К ним относится употребление метрической и традиционной измерительной систем, сравнение объектов с антропоцентричным эталоном размера (человеком и частями его тела) в различных конструкциях (употребление сложных прилагательных и предложных конструкций), союзные и бессоюзные сравнительные конструкции, употребление параметрических прилагательных и существительных с «встроенным» в их семантику указанием на размер.

POLINA TSIKOREVA

St. Petersburg State University

THE SEMANTICS OF SIZE IN NORWEGIAN

Keywords: semantics of size, the Norwegian language, dimensional adjectives

The article deals with the semantics of size in the Norwegian language and lists the most important ways of describing the size of objects. Those include the traditional units of measure alongside with the use of comparative constructions with and without conjunctions, compound adjectives like *knehøy* *knee-high* and dimensional adjectives. The article brings out the importance of the anthropocentric factor in relation to sizing things up in the Norwegian language.

Наряду с формой и цветом размер является важным свойством объектов окружающего мира, поэтому в любом языке существуют способы указания на этот параметр. Рассмотрим лексико-семантическое поле размера на материале норвежского языка.

Будучи важнейшим языковым принципом, антропоцентричность играет значительную роль и в приписывании предметам определенных размеров. По словам О. Ю. Шеманаевой, «человек и части тела человека задают систему координат для измерения объектов в языке, отличающуюся от принятой в научной картине мира. Рост и вес человека признаются нормой. Части тела человека являются мерами и инструментами для измерения окружающей его действительности» [Шеманаева, 2006. С. 507]. Как и во многих других языках, принцип антропоцентризма определяет появление и использование таких мер длины и объема в норвежском языке, как *alen* ‘локоть’, *fot* ‘фут’, *tomme* ‘дюйм’ (равен ширине большого пальца руки взрослого мужчины), *favn* ‘≈сажень’ (расстояние между концами пальцев вытянутых рук взрослого мужчины), *mannshøyde* ‘человеческий рост’, *skritt* ‘шаг’. Данные меры, которые собирательно называются по-норвежски словом *krøppsmål* ‘меры/размеры тела’, оказались удобными и естественными в использовании, т. к. всегда были легко доступны. На определенном этапе развития языка данные меры длины были заменены более привычными нам современными мерами метрической системы, однако они до сих пор используются в языке, например, в художественном повествовании:

1) For mange år siden bodde der en gammel mann som het Volly like ved dette krittberget, hytten hans sto bare hundre **alen** fra kanten ‘Много столетий назад у этого мелового утеса жил старик по имени Волли, его дом стоял всего в ста **локтях** от края’ [OK]¹.

Кроме художественного повествования, некоторые из названных мер до сих пор употребляются в повседневном языке, хотя

¹ Используемые в статье примеры взяты из Ослоского корпуса текстов <http://www.tekstlab.uio.no/norsk/bokmaal/>, если после них стоит помета [OK], и из норвежской версии поисковой системы Google, если после примера приводится помета [G].

сегодня они уже не обозначают конкретных и точных размеров. Так произошло со словом *skritt* 'шаг', которое используется как в прямом значении и указывает на приблизительное расстояние до определенных объектов (пример 2), так и в своем метафорическом расширении (пример 3):

2) Det er et av de mest populære hotellene i byen og ligger bare noen **skritt** fra den fasjonable Kurfürstendamm 'Это один из самых популярных отелей в городе, который находится в паре **шагов** от фешенебельной улицы Курфюрстендамм' [G].

3) Hellas og banksektoren skal kun være få **skritt** fra en *gjeldsavtale* 'Похоже, Греция и ее банковский сектор находятся на грани (букв. 'в паре **шагов** от') договора по долговым обязательствам' [G].

Выражения со словом *skritt* приобрели в норвежском языке статус идиом. Другие меры также закрепились во фразеологии норвежского языка, о чем свидетельствуют такие выражения, как *legge **alen** til sin vekst* 'совершенствоваться' (букв. 'добавить **локоть** к своему росту'), *måle alle med samme **alen*** 'мерить всех на свой аршин' (букв. 'одним и тем же **локтем**'), *ikke fire/vike en **tomme*** 'не уступать ни на йоту (букв. 'ни на дюйм')' и др.

Помимо конкретных наименований мер в норвежском языке активно используется прием сравнения объектов окружающего мира с размерами собственного тела, что находит отражение в следующих сложных прилагательных: *knehøy* 'достигающий колен', *knekort/knesid/knelang* 'длиной до колен / по колено', *fortlang* 'длиной до пят', *skulderlang/skulderkort* 'длиной до плеч'. Данные прилагательные применяются для описания «вертикально ориентированного размера объектов, т. е. уровня» [Шеманаева, 2008. С. 7]. Таким способом обычно описываются следующие категории объектов: одежда, обувь, волосы и различные слои, такие как снег, вода, грязь, а также трава. Подобные объекты имеют свойство изменять свой вертикальный размер. Интересно, что в языке присутствуют синонимичные выражения для описания одного и того же вертикального параметра объекта, как, например, *knehøy* '(высотой) до колен' и *knelang/knekort* '(длиной) до колен' (букв. 'колено-длин-

ный/колено-короткий'). В случае с первым из этих прилагательных длина объекта обычно измеряется снизу вверх, поэтому этим прилагательным описываются разные типы обуви, а также чулочно-носочные изделия, достигающие колен: *knehøye støvletter/strømper/sokker* 'сапоги/чулки/носки до колен'. Два остальных прилагательных измеряют длину в одинаковом направлении, а именно сверху вниз. Они описывают такие виды одежды, как юбки и платья, иногда брюки, а прилагательное *knelang* также употребляется для характеристики обуви и чулочно-носочных изделий, т. е. синонимично прилагательному *knehøy*.

Кроме указанных прилагательных, в норвежском языке для характеристики одежды употребляются сложные прилагательные *ankellang/ankelkort* 'длиной по щиколотку', *hoftelang/hoftekort* 'длиной по бедра' и прилагательное *lårkort* 'мини-' букв. 'короткий до бедер'. Прилагательные *ankellang/ankelkort* синонимичны при описании различных типов брюк, однако такой вид одежды, как платье или юбка, может быть описан только прилагательным *ankellang*. Прилагательное *hoftelang* употребляется для характеристики предметов гардероба, прототипически более коротких, например, по пояс. Так, мы встречаем сочетания *hoftelang jakke/tunika* 'куртка/туника длиной до бедер'. Прилагательное *hoftekort* описывает юбки и платья, которые бывают разной длины. В некоторых случаях в выборе прилагательного участвует и оценочный компонент. Как уже было сказано выше, по-норвежски можно сказать *et knelangt/knekort skjørt* 'юбка по колено', чтобы описать один и тот же предмет одежды. Во многих случаях оба прилагательных используются стилистически нейтрально, как мы видим из примеров ниже:

4) *Min mann kom forleden hjem fra utlandet med en virkelig flott gave, bestående av et lyse gult knekort skjørt og matchende jakke* 'Позавчера мой муж приехал из-за границы и привез мне прекрасный подарок, светло-желтую юбку по колено и пиджак к ней в тон' [G].

5) *Og med et knelangt skjørt kommer timeglassfiguren virkelig til sin rett* 'Юбка по колено по-настоящему подчеркивает достоинства фигуры такого типа, как «песочные часы»' [G].

Однако в следующем примере прилагательное *knekort* при описании юбки использовано в значении ‘юбка длиной до колен, которая позволяет оценить ноги женщины’, чтобы подчеркнуть недопустимость подобной ситуации с точки зрения деловой этики и принципов равноправия, имеющих большое значение для норвежцев:

6) *Flyselskapet Qatar Airways vil ha norske kabinansatte og ber søkere stille til jobbintervju i **knekorte skjørt** <...> Mens kvinner bes møte til intervju i **knekorte skjørt**, må menn møte i formelt antrekk* ‘Авиакомпания Qatar Airways хочет нанять норвежских бортпроводников и просит кандидаток приходить на собеседования в **юбках до колен** <...> В то время как женщин просят приходить на интервью в **юбках до колен**, мужчины должны быть одеты по-деловому’ [G].

Для описания уровней слоев, таких как снег, вода, песок и пр., в норвежском языке используются сложные прилагательные *ankeldyr* ‘глубиной по щиколотку’, *knedyr* ‘глубиной по колено’. Для описания травы используется анализируемое выше прилагательное *knehøy*.

Уровни и слои могут также описываться при помощи следующих уровневых конструкций: *opp til livet/halsen/ørene* ‘по пояс/шею/уши’. Человеческое тело и в этом случае является универсальным инструментом для описания и оценки происходящего. По словам Н. К. Рябцевой, «антропоцентрическая интерпретация самых разнообразных явлений всегда эмоциональна, экспрессивна, импрессивна, образна и выразительна» [Рябцева, 2000. С. 113]. Этим объясняется частота использования выражений *opp til ørene* ‘по уши’, *opp til halsen* ‘по горло’ в переносном значении, для характеристики сложности ситуации, как в примере ниже:

7) *Amerikanske studenter har studielån **opp til ørene**, og mange sliter med å betale* ‘Американские студенты сидят **по уши** в кредитах на обучение, и многие из них едва справляются с выплатами’ [G].

Для описания ширины и толщины объектов в норвежском языке употребляются сложные прилагательные *armtykk* ‘толщиной в руку’ и *fingertrykk* ‘толщиной в палец’, которые используются для характеристики разнообразных предметов, однако чаще всего они описывают вытянутые объекты, такие как корни и стволы деревьев, ветки, палки, продолговатые овощи, змеи и насекомые.

Кроме сравнения параметров объекта с антропоцентрическим эталоном, в норвежском языке, естественно, существуют и другие способы выражения размеров предмета, например, при помощи существительных, в семантику которых входит указание на размер. Как пишет Е. В. Урысон, ссылаясь на исследование Н. Ф. Спиридоновой, «указание на размер входит в семантику не только параметрических прилагательных, но и других слов, прежде всего — некоторых существительных, обозначающих „ингерентно большие и ингерентно малые объекты“» [Урысон, 2006. С. 728]. Это замечание, сделанное для русского языка, остается в силе и в применении к норвежскому языку. В семантику таких существительных, как *dverg* ‘карлик’, *knøtt* ‘малыш’, *kjemper* ‘великан’, *gigant* ‘гигант’, *elefant* ‘слон’, *maur* ‘муравей’, *tommeliten* ‘мальчик с пальчик’ и др., встроен компонент размера. Одновременно с этим слова, обозначающие другие ингерентно малые объекты, такие как *smule* ‘крошка’, *dråpe* ‘капля’, *gnist* ‘искра’ обычно используются для характеристики малого или недостаточного количества, как, например, в следующих выражениях: *ikke en dråpe av sannhet* ‘ни капли правды’, *en gnist av begavelse* ‘искра таланта’. В свою очередь для характеристики большого или излишнего количества употребляются такие выражения, как *et hav av tårer, ord* ‘море слез, слов’, *en skog av master, antenner* ‘лес мачт, антенн’, *en sky av mygg* ‘туча комаров’, *en flod av tårer* ‘поток слез’, *en haug med bøker* ‘гора книг’ и пр.

Как пишет О. Шеманаева, «наиболее иконическое поверхностное выражение размера — это сравнительная конструкция (конструкция со сравнительным показателем)», где «объект X и эталон Z сопоставляются в сознании при помощи сравнения по некоторому параметру» [Шеманаева, 2008. С. 22]. В норвежском языке в такой конструкции участвует сравнительный союз *som* ‘как’: *så stor som en appelsin* ‘размером с апельсин’ (букв. ‘такой большой,

как апельсин'), så liten som en prikk 'размером с точкой' (букв. 'такой маленький, как точка'). При этом использование прилагательного stor 'большой' в данной сравнительной конструкции не обязательно означает, что измеряемый объект большого размера. Как и в случае с другими параметрическими прилагательными, «из двух антонимически связанных прилагательных размера одно, относящееся к большему размеру, является обобщенным, генерализованным, сфера же употребления другого более узка» [Николаева, 1983. С. 236]. То есть употребление прилагательного stor 'большой' указывает на наличие у объекта определенного размера, сравнимого, например, с апельсином. В аналогичной конструкции прилагательное liten 'маленький', являясь маркированным членом противопоставления stor — liten, указывает на то, что размер объекта невелик.

В норвежском языке существует еще одна сравнительная конструкция, употребляющаяся, в частности, для обозначения размеров предмета. Это бессоюзная предложная конструкция Z av X, где Z — то, с чем сравнивается по размерам X, иначе говоря, Z — эталон измерения, в то время как X — измеряемый объект. Приведем примеры таких выражений ниже:

8) Når du er 19 år og har **et fjell av en mann** foran deg, er det bare en ting du kan gjøre, så jeg beklaget for taklingen og tok han i hånda 'Когда тебе девятнадцать лет и перед тобой стоит человек-гора (букв. 'гора из человека', 'не человек, а гора'), тебе остается только одно, поэтому я извинился за нападение и пожал его руку' [G].

9) Her gjøres det ingen forsøk på å maskere at dette er en diger bil, **en hval av en bil** 'Здесь даже не делается попытки скрыть, что это гигантская машина, не машина, а целый кит (букв. 'кит из машины')' [G].

Естественно, указание на размер объекта является ключевым элементом семантики параметрических прилагательных. В отличие от прилагательных, описывающих конкретные параметры объектов, такие, как высота, длина, толщина и пр. прилагательные, указывающие на общую величину объектов, имеют более свободную сочетаемость. То есть такие прилагательные, как stor 'боль-

шой, liten ‘маленький’, diger ‘громадный’, svær ‘огромный’, bitteliten ‘крошечный’, ørliten ‘крохотный’ и т. д. могут описывать объекты, имеющие разные топологические свойства, обладающие различной формой, или даже бесформенные объекты. Что касается норвежских параметрических прилагательных, описывающих конкретные параметры объекта — длину, ширину, высоту, толщину и глубину, как и в других языках, их семантическая структура накладывает ограничения на возможности сочетаемости данной группы прилагательных размера.

Размеры объектов описывают также и сравнительные степени прилагательных stor ‘большой’ и liten ‘маленький’ соответственно større и mindre, в том случае, если упомянутые компаративы используются в элативном значении. При таком — так называемом абсолютном — употреблении компаратив «выражает сравнение не с каким-либо предметом, названным в предшествующем контексте, или подразумеваемом, а с абстрактной „нормой“, т. е. синонимичен положительной степени» [Князев, 1980. С. 8]. Компаративы større и mindre выражают высокую степень признака, хотя и меньшую, чем stor и liten², тогда как сравнение с другими объектами не актуализируется.

Для описания среднего размера объектов в норвежском языке существуют лексемы mellomstor ‘средний, среднего размера’ и middel(s)stor ‘средней величины’. Вообще, в языке очень мало лексем, которые описывают нормальные, средние размеры объектов. Н. Д. Арутюнова комментирует этот факт следующим образом: «Стандарт не возбуждает ни интереса, ни эмоций. О том, что не отходит от нормы, обычно не делается сообщений. Сфокусированность сообщений на отклонениях от нормы и стереотипа жизни ведет к тому, что значения, соответствующие флангам традиционной шкалы, богато представлены в языке, а срединная часть бедно» [Арутюнова, 1988. С. 234].

Итак, в статье были затронуты основные способы описания размера, имеющиеся в норвежском языке. К ним относится употребление метрической и традиционной измерительной систем,

² Подробнее о семантике элативных форм в норвежском см.: [Ливанова, 1995. С. 150–158].

сравнение объектов с антропоцентричным эталоном размера (человеком и частями его тела) в различных конструкциях (употребление сложных прилагательных и предложных конструкций), союзные и бессоюзные сравнительные конструкции, употребление параметрических прилагательных и существительных с «встроенным» в их семантику указанием на размер. В целом, описанные способы указания размера встречаются в той или иной мере во многих языках, что дает возможность говорить о многих из этих способов как о языковых универсалиях и фреквенталиях.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
- Князев Ю. П.* О семантике степеней сравнения прилагательных // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 524. Проблема внутривидового и функционального описания языка: труды по русской и славянской филологии. XXXIV. Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 1980. С. 68–85.
- Ливанова А. Н.* Категория интенсивности и градуирование значения прилагательных в современном норвежском языке. Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1995. 203 с.
- Николаева Т. М.* Качественные прилагательные и отражение картины мира // Славянское и балканское языкознание / Проблемы лексикологии. М.: Наука, 1983. 255 с.
- Ослосский корпус текстов [Электронный ресурс]. URL: www.tekstlab.uio.no/norsk/bokmaal/.
- Рябцева Н. К.* Размер и количество в языковой картине мира // Логический анализ языка: языки пространств. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 108–116.
- Урысон Е. В.* Семантика величины // Языковая картина мира и системная лексикография. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 713–760.
- Шеманаева О. Ю.* Конструкции размера в типологической перспективе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 26 с.
- Шеманаева О. Ю.* Точные и приблизительные оценки размеров предметов в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог'2006». М., 2006. С. 507.

REFERENCES

- Arutiunova N.D. *Tipy iazykovykh znachenii: Otsenka. Sobytie. Fakt* [The Types of Linguistic Meaning: Evaluation. Event. Fact]. Moscow, Nauka Publ., 1988, 341 s.
- Kniazev Iu.P. O semantike stepenei sravneniia prilagatel'nykh [About the Semantics of Degrees of Comparison in Adjectives]. *Uchenye zapiski Tartusskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vyp. 524. Problema vnutristrukturnogo i funktsional'nogo opisaniia iazyka: trudy po russkoi i slavianskoi filologii. XXXIIV [Scientific Papers of Tartu State University. Vol. 524. The Problem of Intrasystemic and Functional Description of Language: Writings on Russian and Slavic Philology. XXXIIV]. Tartu, Tartu Univ. Publ., 1980, s. 68–85.
- Livanova A.N. *Kategoriia intensivnosti i graduirovaniie znachenii prilagatel'nykh v sovremennom norvezhskom iazyke. Dis. ... kand. filol. nauk* [The Category of Intensity and the Grading of Adjectival Meaning in Contemporary Norwegian. PhD Thesis]. St. Petersburg, 1995, 203 s.
- Nikolaeva T.M. Kachestvennye prilagatel'nye i otrazhenie kartiny mira [Qualitative Adjectives and the Reflection of the World Image]. *Slavianskoe i balkanskoe iazykoznanie / Problemy leksikologii* [Slavic and Baltic Linguistics / Problems of Lexicology]. Moscow, Nauka Publ., 1983, 255 s.
- Oslosskii korpus tekstov* [Oslossky corpus]. URL: www.tekstlab.uio.no/norsk/bokmaal/.
- Riabtseva N.K. *Razmer i kolichestvo v iazykovoii kartine mira* [Size and Quantity in the Linguistic World Image]. Logicheskii analiz iazyka: iazyki prostranstv [Logical Analysis of Language: the Languages of Space]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2000, s. 108–116.
- Uryson E.V. *Semantika velichiny* [The Semantics of Size]. Iazykovaia kartina mira i sistemnaia leksikografiia [Linguistic World Image and Systematic Lexicography]. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2006, s. 713–760.
- Shemanaeva O.Iu. *Konstruktzii razmera v tipologicheskoi perspektive: Avto-ref. dis. ... kand. filol. nauk* [Dimensional Constructions in the Typological Perspective. Author's Abstract from the PhD Thesis]. Moscow, 2008, 26 s.
- Shemanaeva O.Iu. Tochnye i priblizitel'nye otsenki razmerov predmetov v russkom iazyke [Exact and Approximate Estimates of Objects' Sizes in the Russian Language]. Komp'uternaia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Trudy mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog'2006» [Computer Linguistics and Intellectual Technologies. Proceedings from the International Conference Dialogue'2006]. Moscow, 2006, s. 507.

Цикорева Полина Николаевна

Магистр лингвистики,
аспирант кафедры скандинавской и нидерландской филологии,
филологический факультет,
Санкт-Петербургский государственный университет.
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9

Polina Tsikoreva

Master of Linguistics, post-graduate student,
Department of Scandinavian and Dutch Philology,
Faculty of Philology, St. Petersburg State University.
7-9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

E-mail: polina.tsikoreva@gmail.com

Е. М. ЧЕКАЛИНА

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова

ВИДОВАЯ АНАЛИТИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ HÅLLA PÅ С ИНФИНИТИВОМ В СОВРЕМЕННОМ ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: видовая семантика ограниченной длительности, предельные глаголы.

В статье рассматривается семантический потенциал и особенности употребления видовой аналитической конструкции *hålla på* с инфинитивом в различных типах контекстов. Эта конструкция с незначительным порогом/уровнем грамматизации употребляется преимущественно / главным образом с предельными глаголами и имеет широкую аспектуально-акциональную семантику ограниченной длительности с отсроченным пределом (результатом) действия.

ELENA CHEKALINA

Lomonosov Moscow State University

THE SWEDISH ASPECTUAL PERIPHRASTIC CONSTRUCTION HÅLLA PÅ + INFINITIVE

Keywords: aspectual semantics of limited duration, terminative verbs.

The article deals with the semantic scope of the periphrastic construction *hålla på* + infinitive and its functioning in various types of contexts. This construction with a relatively low level of grammaticalization and broad as-

pectual-actional semantics of limited duration is mainly used with telic verbs and expresses a moment or part of an action at which its limit (result) has not yet been reached.

Известно, что в скандинавских языках имеются видовые конструкции, выражающие различные оттенки процессуальности, близкие семантике английских форм Continuous [Смирницкая, 1977. С. 75–76; Берков, 1996. С. 243–244]. В шведском языке к ним в первую очередь относится аналитическая конструкция, в состав которой входит глагол с поствербом *hålla på* ‘продолжать(ся)’ (от *hålla* ‘держат’) и инфинитив с частицей *att*¹. Она употребляется преимущественно с предельными глаголами (или с предельным значением глаголов двойственного видового характера²), чаще всего в претерите и презенсе, и имеет широкий спектр не всегда четко разграничиваемых аспектуально-акциональных значений, обусловленных семантикой субъекта действия (одушевленность/неодушевленность) и глагольной лексемы в инфинитиве. Контекстуальный анализ позволяет выделить несколько семантических зон употребления.

1. Конкретно-процессное значение при выражении контролируемых одушевленным агенсом целенаправленных динамических действий ограниченной длительности.

В этом значении конструкция употребляется преимущественно с предельными глаголами, в том числе очень часто глаголами с поствербом, чаще в презенсе, реже в претерите: Anders *håller på att*

¹ Сходство с «прогрессивным» значением английских форм Continuous отмечают и шведские авторы грамматик [Dahl, 1982. S. 62–63; Svenska Akademiens grammatik (далее в примечаниях SAG), 1999. Band 2. Ord. S. 511; Band 4. Syntax. S. 334; Bolander, 2004. S. 122]. В норвежском языке имеется аналогичная конструкция с предлогом *holde på med* ‘с’ *å* + инфинитив, которая употреблялась изначально и в шведском. В современном шведском языке предлог сохраняется лишь при самостоятельном употреблении с одушевленным агенсом *hålla på med något* ‘быть занятым чем-либо, находиться в процессе какой-либо деятельности’, но практически не встречается в видовой конструкции с инфинитивом. Близкая скандинавским по составу и семантике конструкция отмечается также в идише: *haltn* ‘держат’ + предлог *in* + инфинитив [Берков, 1996. С. 244].

² Например, глагол *skriva* ‘писать/написать’; см. подробнее о глаголах двойственного видового характера [Чекалина, 2011. С. 23–25].

städa upp vid lusthusbygget (Fredriksson)³ ‘Андерс прибирается (занят уборкой) места, где строится беседка’. Типичными для этого значения являются контексты с обстоятельством *just (nu)* ‘(как раз/именно) сейчас, в данный момент, в настоящее время’, которым подчеркивается ситуативный момент в настоящем: *Vi håller just nu på att uppdatera våra säkerhetsnycklar*⁴. ‘Как раз сейчас мы обновляем ключи безопасности’.

Здесь и в примерах ниже процессное значение усиливается при указании на множественность не только субъекта, но и объекта действия: *Två främmande män håller på att dra av en presenning från båten* (Fredriksson) ‘Двое незнакомых мужчин стаскивают брезент с лодки’; *Det är krig över nästan hela jorden, människorna håller på att ta livet av varandra* (Moberg) ‘Почти на всей земле идет война, люди (заняты тем, что) лишают друг друга жизни’; *Partistyrelsen håller just nu på att behandla fler beslut som snart kommer att presenteras* ‘Как раз сейчас партийное руководство занято принятием решений по нескольким вопросам, которые в скором времени будут представлены’.

В претеритальном контексте *just* может расширяться обстоятельством ограниченной длительности, фиксирующим ситуативный момент в прошлом: *Just den morgonen höll Pippi på att baka pepparkakor* (Lindgren) ‘Как раз в то утро Пеппи пекла имбирные пряники’.

Только при употреблении в конкретно-процессном значении видовая конструкция имеет синтаксический вариант с псевдосочинением⁵: *Han håller på och skriver en bok om istiden* ‘Он пишет

³ Примеры из художественных текстов с указанием автора в скобках приведены в моей работе [Чекалина, 1993]. Примеры без указания источника взяты из интернета и приводятся в написанной под моим руководством дипломной работе студентки С(А)ФУ им. М. В. Ломоносова И. Боголеповой (2013).

⁴ Курсивом здесь и далее выделены эксплицирующие семантику конструкции средства контекста.

⁵ В случае псевдосочинения два глагола в одной и той же грамматической форме с сочинительной связью не являются однородными членами и не могут меняться местами. Аналогичные словосочетания с глаголами положения в пространстве (*sitta* ‘сидеть’, *stå* ‘стоять’, *ligga* ‘лежать’) и глаголом *gå* ‘идти’ и неопределёнными глаголами или глаголами двойственного видового характера, обозначающими контролируемые процессы при одушевленном субъекте, служат для выражения актуальной длительности. См. об этом: [SAG. Band 4. S. 334–335].

книгу о ледниковом периоде'; Myndigheten *höll på och planerade* en informationskampanj [Garlén, Sundberg, 2008. S. 28] 'Администрация занималась планированием информационной кампании'. В таких случаях часто подчеркивается интенсивность процесса: Pelle *håller på och hostar* 'Пелле все (время/еще) кашляет (и кашляет)'; Nicke *höll på och målade* 'Никке все (время/еще) красил (и красил) [SAG. Band 4. S. 337].

У глаголов, обозначающих мгновенно-одноактные, не контролируемые субъектом спонтанные процессы, конструкция с псевдосочинением чаще употребляется при указании на интенсивную многократность, а конструкция с инфинитивом — при выражении «предотвращенного» действия (см. ниже). Ср.: Pelle *håller på och hostar* 'Пелле все (время/еще) кашляет' / *håller på att hosta* 'вот-вот закашляет' [SAG. Band 4. S. 337] (с ингрессивным оттенком начальности; см. об этом ниже): Sara *höll på och nös* 'Сара все чихала' / *höll på att nysa* 'чуть не чихнула' [Språkriktighetsboken, 2005. S. 190].

Указание на интенсивность протяженного процесса может эксплицироваться обстоятельством неопределенной длительности, а также перечислением нескольких направленных на достижение конкретного результата действий: Sedan *höll han på i månader och ringde och sms:ade och skrev långa mail* (Fredriksson) 'Потом он месяцами звонил и писал эсэмэски и посылал длинные электронные письма'. Показательно, что здесь содержится также указание на множественный объект.

Как отмечается в Шведской Академической грамматике, при выражении интенсивности процесса иногда встречается употребление с неопределенным глаголом: Palle *håller på och jobbar* [SAG. Band 4. S. 336] 'Палле все (время/еще) работает (и работает)'. Интересны контексты с двойным указанием на актуальную длительность — сочетанием с неопределенным глаголом положения в пространстве и видовой конструкцией с инфинитивом предельного глагола или глагола двойственного видового характера в предельном значении: Reparatören *stod utanför verkstadsdörren och höll på att ta adjö* av en kund (Rönblom) 'Монтер стоял (в это время) у входа в мастерскую и (как раз в этот момент) прощался с клиентом'; Pippi *satt på en pall och höll på att tvätta* fötterna i en balja (Lindgren) 'Пеппи сидела (в это время) на скамеечке и мыла ноги в тазике'.

Однако в таких случаях вряд ли можно говорить об устойчивых сочетаниях с псевдосочинением (хотя однородные предикаты нельзя поменять местами), поскольку глаголы положения в пространстве распространены здесь обстоятельством с локативной семантикой.

При устранившем одушевленном агенте инфинитив может употребляться в пассиве на -s, который имеет имперфективную семантику [Thorell, 1973. S. 135], в том числе и с наречием *just*: *Huset håller just på att byggas* 'Дом как раз сейчас строится'; *Boken håller just på att tryckas* 'Книга как раз сейчас печатается'; *Ett nytt parti håller på att bildas* 'Создается новая партия'; *I Nigeria håller 15 ryska sjömän på att förhöras* 'В Нигерии продолжаются допросы 15 российских моряков' (здесь с множественным объектом действия). Вариант с псевдосочинением в этих случаях невозможен.

2. Значение постепенного изменения ситуации при выражении инактивных неконтролируемых процессов.

(Чаще) при неодушевленном субъекте:

Trafiken höll på att ebba ut [Svensk ordbok, 1999. S. 480] 'Уличное движение (постепенно) стихало'; *Allmän fördumning eller vad håller på att ske?* 'А что — (постепенно) происходит всеобщее оглупление?';

(реже) при одушевленном субъекте:

Pappa håller på att förlora sin gamla form (Evander) 'Папа (постепенно) теряет свою прежнюю форму'.

Эффект растянутого процесса ограниченной длительности также усиливается при множественном субъекте — неодушевленном:

Världens jätteträd håller på att försvinna 'Деревья-великаны во всем мире (постепенно) исчезают'; *Här hittar du gamla, ovanliga, bra svenska ord som håller på att falla i glömska* 'Здесь ты найдешь старые, необычные, хорошие шведские слова, которые (постепенно) забываются';

одушевленном:

Palestinska kristna håller på att försvinna 'Палестинские христиане (постепенно) исчезают'.

В состав предиката может входить предельный глагол *bli* ‘стать/ становиться’ с именной частью: *Italien håller på att bli fattigt* ‘Италия (постепенно) беднеет’; *Han håller på att bli gammal* ‘Он (постепенно) стареет’; *Du håller på att bli en nörd* ‘Ты становишься занудой’; *Han håller på att bli en världsmålvakt* ‘Он (постепенно) становится вратарем мирового класса’.

В инфинитиве возможны также формы на *-s* с инактивным медиальным значением: *Dialekterna håller på att utjämnas* ‘Происходит (постепенное) выравнивание диалектов’; *Väderförhållandena håller på att förvärras* ‘Погодные условия (постепенно) ухудшаются’; *Klimatet håller på att förändras* ‘Климат постепенно меняется’.

Как показывает сопоставление со случаями употребления инфинитива в форме на *-s* при одушевленном агенсе, ее залоговая семантика выступает средством разграничения значений видовой конструкции. Таким образом проявляется в шведском языке семантическая связь между аспектуальностью и залогом⁶.

3. Значение растянутости кратковременных или имеющих ограниченную длительность неконтролируемых процессов, предполагающих наличие внешнего наблюдателя.

При неодушевленном субъекте:

Kvällsskymningen håller på att falla *men det kommer nog inte att bli mörkt på ett tag* (Fredriksson) ‘Постепенно наступают сумерки, но темно станет не сразу’; *Solen höll just på att gå ner* (Fogelström) ‘Солнце как раз садилось’;

при одушевленном субъекте:

Jag håller på att falla ner i ett mörkt hål! ‘Я падаю в темную дыру!’; *Birk höll redan på att somna* (Lindgren) ‘Бирк уже засыпал’.

При таком употреблении конструкция часто выступает с акциональным оттенком ингрессивной начинательности; при этом инфинитив обозначает конкретные, непосредственно наблюдаемые

⁶ О семантической взаимосвязи между видовой и залоговой семантикой в русском языке см., напр.: [Князев, 2007. С. 497–499].

действия, в том числе движения, звучание, природные процессы, эмоциональные состояния⁷: *Ny avdelning för neurologi håller på att ta form* ‘Новое отделение неврологии (постепенно) начинает формироваться’; *Paparazzin håller på att tröttna på denna kändis* ‘Папарацци (постепенно) начинает надоедать эта знаменитость’.

Особенно заметно это при обозначении процессов, результатом которых является непроизвольное наступление нежелательных состояний, в том числе предикатами с глаголом *få* ‘получать’ и прямым объектом или *bli* с предикативом: *Jag håller nog på att få en vårsnuva* (Sundström) ‘Похоже, что у меня начинается весенний насморк’; *Jag är rädd att jag kanske håller på att få starr själv* (Jersild) ‘Боюсь, что у меня самого начинается катаракта’; *Jag håller på att bli förkyld* (Jersild) ‘У меня начинается простуда’.

4. Значение «предотвращенных» событий, нежелательных для одушевленного субъекта и не контролируемых им⁸.

С этим значением конструкция чаще употребляется в претерите, главным образом, с мгновенно-одноактными предельными глаголами негативной семантики: *En 79-årig kvinna höll på att dö när hennes trygghetsalarm inte fungerade* [Garlén, Sundberg, 2008. S. 289] ‘79-летняя женщина чуть не умерла, когда у нее не сработала тревожная кнопка’; *Förresten, det höll jag på att glömma* (Fredriksson) ‘Кстати, я чуть не забыл(а) об этом’; *Jesper höll på att ramla i vattnet* ‘Еспер чуть не свалился в воду’; *Umeåbo vann miljon — höll på att slänga lotten* ‘Житель Умео выиграл миллион — (он) чуть не выбросил лотерейный билет’; *Jag höll på att svimma av förskräckelse* [SAG. S. 336] ‘Я чуть не потерял(а) сознание от страха’.

Значение «предотвращенного» события в прошлом, которое было на грани своего осуществления, но не произошло [Маслова-Лашанская, 1953. С. 257], может усиливаться обстоятельствами *nästan* ‘почти’ и *nära* ‘близко’: *Hon höll nästan på att drunkna när*

⁷ Об аспектуально-акциональной и лексической семантике таких глаголов см. на материале русского СВ [Гловинская, 2001 С. 120–121]; на материале прогрессивных конструкций с причастием настоящего времени в испанском и итальянском языках [Мэрчэнд, 1962. С. 355–364].

⁸ Такое значение называется «тенденциальным» (*sv. tendentiell*) [SAG. S. 335].

någon plötsligt fick se henne 'Она *чуть было не утонула*, когда кто-то вдруг увидел ее'; *Fyra spelare höll nära på att missa träningslägret* 'Четыре игрока *чуть было не пропустили* тренировочные сборы'. В русском языке ту же функцию выполняет частица *было* при отрицании.

В состав предиката может входить сочетание глагола *bli* и причастия 2 переходного глагола с результативно-перфективной семантикой, образующее аналитический пассив действия при одушевленном агенте: *Sökte hjälp med hyran men höll på att bli vräkt* 'Обратился за субсидией на квартплату, но меня *чуть не выселили*'; *Vi höll på att bli uppäten!!!* 'Нас *чуть было не съели!!!*'. При неодушевленном субъекте конструкция встречается значительно реже: *Huset höll på att brinna upp* [Svensk ordbok, 1999. S. 480] 'Дом *чуть не загорелся*'; *Det stormade så taket höll på att blåsa av* 'Был такой ураган, что крышу *чуть не снесло ветром*' [Svenskt språkbruk, 2003. S. 505]. В презентном контексте конструкция встречается в этом значении реже: *En livshotande situation, till exempel när vi håller på att drunkna* 'Угрожающая жизни ситуация, например, когда мы *тонем*'; *Om man känner att man håller på att svimma kan det hjälpa att lägga sig ner* 'Если чувствуешь, что *теряешь сознание*, может помочь, если *лечь*'.

Как показывает анализ материала, шведская видовая конструкция употребляется преимущественно с предельными глаголами или глаголами двойственного видового характера в предельном значении и имеет широкую аспектуально-акциональную семантику отсроченного предела (результата) действия. Вместе с тем для нее характерна достаточно узкая функциональная сфера: она чаще употребляется в претерите, реже в презенсе, крайне редко в формах перфектного ряда и в инфинитиве и никогда не встречается в составе аналитических конструкций с семантикой прогностического и модального будущего, что свидетельствует об относительно низком пороге грамматизации.

В типологическом аспекте шведская конструкция особенно интересна тем, что особенности ее функционирования выявляют сходство с тенденциями, имевшими место при формировании славянской категории вида, базу для которой составили предельные глаголы результативного способа действия [Маслов, 2004. С. 471].

ЛИТЕРАТУРА

- Берков В. П.* Современные германские языки. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1996. 296 с.
- Боголепова И.* Семантика и употребление видовой аналитической конструкции *hålla på* с инфинитивом в шведском языке и способы её перевода на русский язык. Архангельск, 2013.
- Гловинская М. Я.* Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. М.: Русские словари, Азбуковник, 2001. 320 с.
- Князев Ю. П.* Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М.: Языки славянских культур, 2007. 704 с.
- Маслов Ю. С.* Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянской культуры, 2004. 848 с.
- Маслова-Лащанская С. С.* Шведский язык. Часть I. Л.: Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1953. 312 с.
- Мэрченд Х.* Об одном вопросе из области вида (Сравнение английской прогрессивной формы с итальянской и испанской) // Вопросы глагольного вида / сост. сб., ред., вст. статья и примеч. Ю. С. Маслова. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. С. 355–364.
- Смирницкая О. А.* Эволюция видо-временной системы в германских языках // Историко-типологическая морфология германских языков. Категория глагола / ред. М. М. Гухман. М.: Наука, 1977. С. 75–76.
- Чекалина Е. М.* Предельность/непредельность и грамматические средства выражения аспектуальности в языке с категорией вида и без неё (на материале русского и шведского языков) // Глагольный вид: грамматическое значение и контекст. III конференция Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов. Падуя, 2011. С. 23–25.
- Чекалина Е. М.* Система форм и грамматические категории шведского глагола. Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1993. 475 с.
- Bolander M.* Funktionell svensk grammatik. Falköping, Stockholm: Liber, 2004. 191 s.
- Dahl Ö.* Grammatik. Lund: Studentlitteratur, 1982. 108 s.
- Garlén C., Sundberg G.* Handbok i svenska som andraspråk. Stockhom: Norstedts Akademiska Förlag, 2008. 480 s.
- Språkriktighetsboken.* Utarbetad av Svenska språknämnden. Stockholm: Norstedts Akademiska Förlag, 2005. 413 s.
- Svenskt språkbruk.* Ordbok över konstruktioner och fraser. Utarbetad av Svenska språknämnden. Stockholm, 2003.

- Svensk ordbok*. Utarbetad vid Språkdata, Göteborgs universitet. Stockholm: Norstedts Ordbok, 1999. XXIII, 1492 s.
- Teleman U., Hellberg St., Andersson E. Svenska Akademiens grammatik. Band 2. Ord. Stockholm: Norstedts Ordbok, 1999. 768 s.
- Teleman U., Hellberg St., Andersson E. Svenska Akademiens grammatik. Band 4. Syntax. Stockholm: Norstedts Ordbok, 1999. 977 s.
- Thorell O. Svensk grammatik. Stockholm: Esselte studium, 1973. X, 302 s.

REFERENCES

- Berkov V.P. *Sovremennyye germanskije iazyki* [The modern Germanic languages]. St. Petersburg, St. Peterb. Univ. Publ., 1996, 296 s.
- Bogolepova I. *Semantika i upotreblenie vidovoi analiticheskoj konstruktsii hãlla pã s infinitivom v shvedskom iazyke i sposoby ee perevoda na russkij iazyk* [Semantics and usage of aspectual analytical structure hãlla pã with an infinitive in the Swedish language and translation into the Russian language]. Arkhangel'sk, 2013.
- Glovinskaia M.Ia. *Mnogoznachnost' i sinonimiiã v vido-vremennoi sisteme russkogo glagola* [Polysemy and synonymy of aspect-tense system of the Russian verbs]. Moscow, Russkie slovari Publ.; Azbukovnik Publ., 2001, 320 s.
- Kniazev Iu.P. *Grammaticheskaia semantika. Russkij iazyk v tipologicheskoi perspektive* [The grammar semantics. The Russian language from typological perspective]. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2007, 704 s.
- Maslov Iu.S. *Izbrannyye trudy. Aspektologija. Obshchee iazykoznanie* [Selected works. Aspectology. General linguistics]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2004, 848 s.
- Maslova-Lashanskaia S.S. *Shvedskij iazyk* [The Swedish language]. Chast' I [Part I]. Leningrad, Izd-vo lit-ry na inostr. iazykakh, 1953, 312 s.
- Merchend Kh. *Ob odnom voprose iz oblasti vida (Sravnenie angliiskoi progressivnoi formy s ital'ianskoi i ispanskoi)* [On one issue of the aspect. (The comparison of the English, Italian and Spanish progressive forms)]. *Voprosy glagol'nogo vida* [The issues of the verbal aspect], sost. sb., red., vst. sta'ia i prim. Iu.S. Maslova [ed. Yu.S. Maslov]. Moscow, Izd-vo inostrannoi literatury, 1962, s. 355–364.
- Smirnitskaia O.A. *Evoljutsija vido-vremennoi sistemy v germanskikh iazykakh* [The evolution of the aspect-tense system in the Germanic languages]. *Istoriko-tipologicheskaia morfologija germanskikh iazykov. Kategorija glagola* [Historical-typological morphology of the Germanic languages].

- The category of verb], red. M.M. Gukhman [ed. M. Gouhman]. Moscow, Nauka Publ., 1977, s. 75–76.
- Chekalina E.M. *Predel'nost'/nepredel'nost' i grammaticheskie sredstva vyrazheniia aspektual'nosti v iazyke s kategoriei vida i bez nee (na materiale russkogo i shvedskogo iazykov)* [Telicity/atelicity and grammatical means of expressing the aspect in the languages with and without the category of aspect (based on the Russian and Swedish languages)]. Glagol'nyi vid: grammaticheskoe znachenie i kontekst. III konferentsiia Komissii po aspektologii Mezhdunarodnogo komiteta slavistov [Verbal aspect: grammatical meaning and context. III Conference of the Commission on aspectology of the International committee of the Slavonic scholars]. Padua, 2011, s. 23–25.
- Chekalina E.M. *Sistema form i grammaticheskie kategorii shvedskogo glagola. Dis. ... d-ra filol. nauk* [The system of the forms and grammatical categories of the Swedish verbs. Doctoral thesis]. Moscow, 1993, 475 s.
- Bolander M. *Funktionell svensk grammatik* [Functional Swedish Grammar]. Falköping. Stockholm, Liber, 2004, 191 s.
- Dahl Ö. *Grammatik* [Grammar]. Lund, Studentlitteratur, 1982, 108 s.
- Garlén C., Sundberg G. *Handbok i svenska som andraspråk* [Manual in Swedish as a second language]. Stockholm, Norstedts Akademiska Förlag, 2008, 480 s.
- Språkkriktighetsboken*. Utarbetad av Svenska språknämnden [The book on linguistic correctness. Prepared by the Swedish Language Board]. Stockholm, Norstedts Akademiska Förlag, 2005, 413 s.
- Svenskt språkbruk. Ordbok över konstruktioner och fraser*. Utarbetad av Svenska språknämnden [Linguistic usage of Swedish. Dictionary of constructions and phrases. Prepared by the Swedish Language Board]. Stockholm, 2003.
- Svensk ordbok*. Utarbetad vid Språkdata, Göteborgs universitet [Swedish Dictionary. Prepared by the Swedish Language Board]. Stockholm, Norstedts Ordbok, 1999, XXIII, 1492 s.
- Teleman U., Hellberg St., Andersson E. *Svenska Akademiens grammatik* [The Swedish Academy Grammar]. Band 2 [Vol. 2]. Ord. Stockholm, Norstedts Ordbok, 1999, 768 s.
- Teleman U., Hellberg St., Andersson E. *Svenska Akademiens grammatik* [The Swedish Academy Grammar]. Band 4 [Vol. 4]. Syntax. Stockholm, Norstedts Ordbok, 1999, 977 s.
- Thorell O. *Svensk grammatik* [Swedish Grammar]. Stockholm, Esselte studium, 1973, X, 302 s.

Чекалина Елена Михайловна

Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой германской и кельтской филологии, филологический факультет, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1

Elena Chekalina

Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Germanic and Celtic Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University.

GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia

E-mail: etch1@yandex.ru

А. А. ЮРЬЕВ

Санкт-Петербургская государственная академия
театрального искусства

**О ПРИНЦИПАХ СЮЖЕТОСЛОЖЕНИЯ
И ОРГАНИЗАЦИИ ОБРАЗНОЙ СИМВОЛИКИ
В ДРАМАТУРГИИ ХЕНРИКА ИБСЕНА
(постановка проблемы)**

Ключевые слова: Ибсен, история скандинавских литератур, норвежская драматургия, сюжетосложение.

В статье выявляется и анализируется единая фабульная модель, по-разному варьируемая почти во всех пьесах Ибсена от «Катилины» (1850) до «драматического эпилога» «Когда мы, мертвые, пробуждаемся» (1899). Как показывает автор, она является тем событийным «стержнем», на который словно нанизывается сложная символически-лейтмотивная система, связывающая произведения Ибсена в единое целое и придающая им форму единого художественного цикла.

ANDREY YURIEV

St. Petersburg State Theatre Arts Academy

**ON THE PRINCIPLES OF PLOT-CONSTRUCTING
AND IMAGERY SYMBOLIC SYSTEM
IN HENRIK IBSEN'S DRAMA
(Statement of the Problem)**

Keywords: Ibsen, History of Scandinavian literatures, Norwegian Drama, Plot-Constructing.

The articles explores a plot pattern modified in Ibsen's plays from *Catiline* (1850) to *When We Dead Awaken* (1899). The author considers it to be a pivot strengthening the system of leit-motifs which binds Ibsen's dramas with each other and forms them as an integral artistic cycle.

Уже современники драматурга нередко замечали, что Ибсен склонен возвращаться в своих новых произведениях к тем образам, мотивам, драматическим ситуациям, которые были использованы им ранее. Если поначалу эти наблюдения носили случайный характер, то в позднейшем ибсеноведении к ним стали подходить как к серьезной проблеме, причем внимание стали привлекать не отдельные автоцитаты или реминисценции, а общие принципы, позволяющие говорить о едином текстовом пространстве, которое образуют драмы Ибсена от «Катилины» (1850) до «драматического эпилога» «Когда мы, мертвые, пробуемся» (1899).

При том, что пьесы Ибсена не объединены непрерывно развивающимся сюжетом, в каждой из них можно разглядеть по-разному варьируемую сюжетную модель. Эта модель убедительно описана в книге американского литературоведа Джеймса Хёрта «Сон Катилины» [Hurt, 1972].

«В основе всех ибсеновских драм, — пишет Хёрт, — лежит некая устойчивая мифологическая модель, которая может быть описана следующим образом.

Герой оказывается в оскверненной и подавляющей его обстановке *первоначального дома*, представленной обычно как долина у фьорда. Возможно, он помнит то время, когда эта обстановка не была еще омрачена и оставалась здоровой и радостной. Возможно при этом, что его воспоминания сопровождаются неутраченной болью утраты. Как бы то ни было, герой покидает первоначальный дом и достигает той степени обособленности и беспристрастного взгляда, которая обычно представлена как *высоты*, являющиеся промежуточным звеном между долиной и горными вершинами, дойдя до которых герой может обрести „высшее видение вещей“. На высотах герой отрекается от первоначального дома и избирает себе некий *проект воли*, какую-то цель, которой он намерен посвятить себя. В этот момент происходит *первая смерть ребенка* и появляются *две женщины* — прельстительная и кроткая. Прельстительная женщина пытается спровоцировать героя на некий фатальный поступок (как правило, увлечь за собой к горным вершинам), но герой, по крайней мере в этот момент, не поддается ее соблазну и возвращается в долину, где строит себе *второй дом* и заключает союз с кроткой женщиной. Его взаимоотношения

с кроткой женщиной представлены обычно как сотрудничество в осуществлении избранного героем проекта воли. Однако эти взаимоотношения постепенно ухудшаются, приводят к взаимным огорчениям и нередко заканчиваются смертью кроткой женщины. В этот момент проект воли терпит крах, происходит *вторая смерть ребенка*, и герой начинает *восхождение к горным вершинам*, где принимает экзотическую смерть, часто сопровождаемый прельстительной женщиной.

Этот миф, описанный таким образом, является композиционной конструкцией. Только в нескольких пьесах он представлен полностью и со всеми географическими подробностями. Драма может начинаться в любой точке мифа, а иногда почти вся модель представлена ретроспективно. Модель может быть трансформирована или замаскирована; пол персонажей может быть изменен, персонажи могут сливаться в один образ, а сама модель мифа может быть удвоена в пределах одной пьесы. Однако в целом последовательность событий остается неизменной, а географическая образность, даже если она представлена только метафорически, остается достаточно устойчивой, чтобы служить ориентиром при любых трансформациях мифа» [Hurt, 1972. Pp. 7–8].

Идея Хёрта рассматривать творчество Ибсена как цикл вариаций на тему одного сюжета многим показалась сомнительной. Автора упрекали в произвольном конструировании модели (например, см.: [Johnston, 1980. P. 287]), поскольку «миф» можно изложить, ориентируясь на любую из его возможных модификаций. Были подвергнуты критике и методологические установки исследователя, опирающегося на психоаналитические концепции и предлагающего рассматривать генеральный сюжет ибсеновских драм лишь как выражение символики бессознательного, как некое устойчивое психическое содержание — без серьезного анализа собственно эстетических проблем. Однако списывать наблюдения американского специалиста в разряд психоаналитических спекуляций не следует. Рассмотрение драм Ибсена как цикла, обладающего единой сюжетной парадигмой, может стать весьма содержательным, если не ограничивать его сферой бессознательных психических импульсов.

Хёртовский «миф» (или *прафабула*, как мы будем называть его далее) в самом деле обнаруживается в абсолютном большинстве пьес Ибсена. «Первоначальный дом» предстает, как правило, лишь в воспоминаниях героев, хотя иногда он становится местом действия. В «Катилине» это Рим, некогда исполненный героического величия, а теперь пришедший к упадку; в «Бранде» это дом матери героя; в «Кукольном доме» — жизнь Норы до замужества в доме отца; в «Дикой утке» — молодость Ялмара Экдала и Грегера Верле; в «Женщине с моря» — детство Эллиды и т. д. В дилогии «Кесарь и Галилеянин», где прафабула обретает наиболее разветвленные и причудливые очертания, «первоначальный дом» представлен одновременно в воспоминаниях героя о своем детстве в Макеллоне и как место действия первого акта — Константинополь с его сектантскими дразгами и развращенностью императорского двора.

«Высотам» соответствует обычно экспозиция вместе с завязкой. К примеру, в «Бранде» это весь первый акт, события которого разворачиваются высоко на снежных горных полях. В большинстве «современных драм» «высоты» являются моментом предыстории. В «Кукольном доме» это решение Норы спасти жизнь мужу. В «Росмерсхольме» — приезд Ребекки в поместье Росмера, в «Строителе Сольнесе» — строительство башни в Люсангере и т. д. Весьма своеобразна версия прафабулы в «Пере Гюнте», где «высотам», предполагающим ситуацию выбора и принятия важного решения («проекта воли»), соответствует не один, а несколько моментов в развитии действия. Неудивительно, что герой, неизменно уклоняющийся от самоопределения, вновь и вновь оказывается перед выбором, от которого старательно ускользает. В «Пере Гюнте» с такой многократной циклической воспроизводимостью сходных ситуаций согласуется разделение женских персонажей на две группы, каждой из которых соответствует один из контрастных женских персонажей прафабулы: первая представлена Ингрид, Женщиной в зеленом и Анитрой, а вторая — Осе и Сольвейг, образы которых предельно сближаются в финальной сцене посредством символики, объединяющей мотивы материнства и любовного влечения.

Контрастность женских персонажей, объясняемая Хёртом с юнгианских позиций как выражение двойственности «анимы» героя,

в самом деле соотносена у Ибсена с темой внутреннего двойничества, имеющей романтическое происхождение. Так, в «Катилине», где архетипизм прафабулы проявляется, как позднее в «Бранде», максимально отчетливо, неистовая Фурия, ведущая героя к гибели, прямо связывает себя в финальной сцене с внутренним «я» Катилины: «Jeg er dit eget øje — dit eget minde og din egen dom» [Ibsen, 1928. S. 197] («Я — твоё собственное око, твоя собственная память и твой собственный суд»). В то же время образ Аврелии, стремящейся вернуть Катилину к покою и гармонии, также символически отражает другую половину души героя. Эта контрастность, представленная в юношеской драме Ибсена не без наивной непосредственности и даже прямолинейности, становится позднее намного более сложной и многозначной. Между тем её символические функции всегда сохраняются. Примеров можно привести немало: Йордис и Дагни в «Воителях в Хельгеланде», Герд и Агнес в «Бранде», Ребекка и Беата в «Росмерсхольме», Хильда и Алина в «Строителе Сольнесе», Гунхильд и Элла в «Йуне Габриэле Боркмане» и т. д. В тех случаях, когда главным лицом пьесы является женщина, возникает аналогичное распределение контрастных мужских персонажей: Торвальд Хельмер и доктор Ранк в «Кукольном доме», доктор Вангель и Неизвестный в «Женщине с моря», Йорген Тесман и Эйлерт Лёвборг в «Гедде Габлер» и т. д.

Другим важным моментом прафабулы является «смерть ребенка». В контексте персоналистской проблематики Ибсена «детство» нередко возникает как своеобразная символическая мифологема, связанная с представлениями о целостности личности (вскользь заметим, что у Юнга, которому многим обязан анализ Хёрта, она соотносена с обретением «самости»). При этом она имеет значение цели, возможности обновленного существования. Такая семантика заявлена уже в «Катилине» — в монологе героя, в третьем действии пересказывающего Манлию свой сон¹. «Смерть ребенка» (или постигающее его несчастье) связаны, как правило, с утратой цельности и невозможностью обновления. К примеру, в «Воителях в Хельгеланде» гибель Торольфа акцентирует тему конца героиче-

¹ Крайне интересно сопоставить этот монолог с текстом школьного сочинения Ибсена «Сон», ставшего своего рода «прологом» ко всем последующим произведениям драматурга (см.: [Юрьев, 2013. С. 14–22]).

ской эпохи, ибо Эрнунд, олицетворяющий силу и цельность мира викингов, теряет своего последнего оставшегося в живых наследника. В «Бранде» болезнь и смерть Альфа вносят раскол в душу героя, призывающего людей к цельности и готовности приносить жертвы. Гибель маленького Эйолфа заставляет Алмерса и Риту решиться на мучительный самоанализ и выявляет двойственность их отношений, а надежда на «возрождение к высшей форме жизни» пробуждается у них в связи с решением взять на воспитание беспризорных детей.

Символ ребенка тесно связан в ибсеновских драмах с избираемым героем (или героиней) «проектом воли», причем «ребенком» может оказаться не персонаж, а имеющий немалую ценность предмет. Так, в «Гедде Габлер» Лёвборг называет ребенком свою книгу о «культурном прогрессе будущего», связанную для него с самореализацией и началом новой жизни. Для Гедды сожжение этой рукописи, которую она, вслед за Лёвборгом, тоже называет ребенком, означает достижение ее заветной цели — «держат в руках жизнь и судьбу человека». А самоубийство Гедды в финале, вызванное крахом ее проекта, отягощается гибелью нерожденного ребенка.

Связь между «проектом воли» и «смертью ребенка» не менее отчетлива в «драматическом эпилоге» «Когда мы, мертвые, пробуждаемся». Во втором действии Рубек говорит, что скульптурная группа «Восстание из мертвых» была целью его жизни. Однако он испытывает неудовлетворенность «шедевром», хотя и пытается внушить себе, что произведение удалось. Ирена, послужившая моделью для фигуры «пробуждающейся жертвы», которую Рубек позднее включил в скульптурную группу, неизменно называет статую ребенком и считает, что, отодвинув «дитя» на второй план, Рубек *искалечил* его.

Крах «проекта воли» почти всегда неизбежен для амбициозных ибсеновских героев. Он вызван невозможностью осуществить себя в мире «долины», т. е. в сообществе заурядных людей, обладающих узким кругозором и живущих повседневными нуждами. Возвращение в «долину», где герой строит себе «второй дом», является, как правило, компромиссом, нередко отражающим внутреннюю двойственность героя. Почти всегда это отступление «назад», что в ряде случаев подчеркивается сходством между «первым» и «вто-

рым» домами. Так, в «Бранде» после странствий по горам герой спускается вниз, к фьорду, где недалеко стоит дом его матери. Здесь Бранд принимает решение возглавить местный приход и поселяется в доме, весьма напоминающем тот, где он провел свое детство: этот дом также окружен камнями и также лишен яркого солнечного света. Сходство между домом отца и домом мужа обнаруживает Нора в финальной сцене «Кукольного дома» [Ибсен, 1957. Т. 3. С. 447–448]. Тонко и иронично подается сходная ассоциация в «Гедде Габлер» — в сцене, где Лёвборг и Гедда вспоминают прошлое, сидя за альбомом с фотографиями горных видов [Ибсен, 1958. Т. 4. С. 148]. Несмотря на контраст между барским домом генерала Габлера и мещанской атмосферой в доме Тесмана происходит их мгновенное и не лишённое пародийного смысла сближение: если там приходилось таиться от бдительного отца-аристократа с весьма суровым нравом, то тут нужно помнить о благодушном глуповатом супруге.

После неудачи, которая постигает героя в «долине», начинается его «восхождение к вершинам», почти всегда знаменующее катастрофическую развязку. При этом развязка может быть напрямую связана с символикой ночи, восхода солнца и горного ландшафта. Тут вспоминаются не только знаменитая финальная сцена «Бранда», но и возникающая в заключительной сцене «Привидений» картина солнечного восхода, занимающегося над горными ледниками и вершинами скал, а также финал «драматического эпилога», где Ирена и Рубек поднимаются по леднику к вершине. В ряде случаев символика «восхождения к вершинам» менее отчетлива, ибо принимает вариативные неявные формы: Нора покидает дом мужа на исходе ночи, выходя на занесенную снегом улицу; Росмер после финальной ночной сцены находит в себе силы подняться на мельничный мостик, откуда бросается в водопад вместе с Ребеккой; Сольнес взбирается по лесам на башню и падает, разбиваясь насмерть; Боркман умирает ночью на скамейке, которая стоит у края высокого обрыва, и т. д. Нельзя не заметить, что символика горного ландшафта может возникнуть у Ибсена и в ироническом контексте, порождая не только (как, например, в «Привидениях») эффект *трагической* иронии, но и отчетливо пародийный смысл с саркастическим оттенком. Так, в начале второго действия «Жен-

щины с моря» нетрудно усмотреть пародию на Бранда, который вел за собой паству к горным вершинам. На сей раз сцену заполняет компания любопытствующих иностранных туристов, сопровождаемых бойким услужливым гидом:

Б а л л е с т а д (*указывая вверх палкой*). Sehen Sie, meine Herrscharen, dort дальше liegt eine andere gora. Das willen wir также besteigen und so herunter... [Ибсен, 1958. Т. 4. С. 30]²

В мире, который цепко удерживает тоскующую по морской стихии Эллиду, совсем не осталось даже следов героического начала. «Долина» празднует свою победу даже в горах...

Итак, символика и событийный ряд прафабулы — материал, каждый раз подвергаемый новой интерпретации и художественной разработке. Было бы ошибкой полагать, что у Ибсена — драматурга по преимуществу интеллектуального склада — этот каркас, собирающий воедино самые разные произведения, оформлялся спонтанно, независимо от сознательной воли автора. Продуманность, свойственная организации великим норвежцем всего художественного материала, сказалась здесь вполне отчетливо. Поэтому анализ прафабулы требует совсем иного подхода, чем у Хёрта, односторонне рассматривающего ее как выражение «символики бессознательного». Необходимо осмыслить не столько «глубинно-психологическое» содержание прафабулы, сколько ее эстетический генезис и художественно-смысловые функции. Конечно, эта задача не может быть решена в рамках небольшой статьи, и поэтому мы ограничимся лишь указанием на связь прафабулы с сюжетикой и образностью романтизма (тема «двоемирия», выражаемая традиционно романтическим противопоставлением «гор» и «долины», отчетливо заявленный мотив двойничества, образ «пути» как движения по вертикали, образно воплощающего становление личности) и наличие подвергаемого новым и новым трансформациям событийного «стержня», на который словно нанизывается сложная *символически-лейтмотивная система* (не уступающая по своей широте, масштабности и многозначности смыслов лейтмотивным

² Перевод: «Посмотрите, господа, там дальше находится другая гора. На нее мы также поднимемся, а затем вниз...» (неправ. нем.).

системам в поздних музыкальных драмах Рихарда Вагнера³) — система, связывающая произведения Ибсена в единое целое, придающая им форму *единого художественного цикла*.

Вероятно, эту единую систему и имел в виду драматург, когда в 1898 г. писал в предисловии к собранию своих сочинений:

«Только воспринимая и усваивая все мое творчество как внутренне связанное неразрывное целое, можно получить истинное, точное впечатление от отдельных частей.

Поэтому мое дружеское пожелание к читателям, говоря коротко и ясно, сводится к тому, чтобы они не опускали в процессе чтения какую-либо из вещей, не перескакивали от одной вещи к другой, а усваивали произведения, читая и переживая их, в той самой последовательности, в которой я их написал» [Ибсен, 1956. Т. 1. С. 56].

ЛИТЕРАТУРА

Ибсен Г. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Искусство, 1956. Т. 1. 730 с.

Ибсен Г. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Искусство, 1957. Т. 3. 855 с.

Ибсен Г. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Искусство, 1958. Т. 4. 824 с.

Манн Т. Страдания и величие Рихарда Вагнера // Т. Манн. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1961. Т. 10. 696 с.

Юрьев А. А. Мистериальная традиция в театре Хенрика Ибсена. СПб.: Санкт-Петербургская академия театрального искусства, 2013. 180 с.

Hurt J. *Catiline's Dream: An Essay on Ibsen's Plays.* Urbana; Chicago; London: University of Illinois Press, 1972. VIII, 206 p.

Ibsen H. *Samlede verker: Hundreårsutgave / Utg. F. Bull, H. Koht, D. A. Seip.* Oslo: Gyldendal Norsk Forlag, 1928. Bd. 1. 341 s.

Johnston B. *To the Third Empire: Ibsen's Early Drama.* Minneapolis: University of Minnesota Press, 1980. XIX, 328 p.

³ Подobie, которое, видимо, не ускользнуло от внимания проницательнейшего Томаса Манна, сделавшего такое признание: «Я часто размышлял о нитях, связующих Вагнера с Ибсеном, и мне трудно было отличить сродство во времени от иного сродства, более близкого, чем то, которое обусловлено общностью эпохи. Я не мог не распознать в диалоге буржуазных драм Ибсена приемов, способов воздействия и пленения, сокровеннейших чар, хорошо знакомых мне по миру звуков, созданному Вагнером, не мог не установить между ними братской связи» [Манн, 1961. Т. 10. С. 106].

REFERENCES

- Ibsen G. *Sobranie sochinenii: v 4 t.* [Selected Works: In 4 Volumes]. Moscow, Iskustvo Publ., 1956, t. 1 [vol. 1], 730 s.
- Ibsen G. *Sobranie sochinenii: v 4 t.* [Selected Works: In 4 Volumes]. Moscow, Iskustvo Publ., 1957, t. 3 [vol. 3], 855 s.
- Ibsen G. *Sobranie sochinenii: v 4 t.* [Selected Works: In 4 Volumes]. Moscow, Iskustvo Publ., 1958, t. 4 [vol. 4], 824 s.
- Mann T. *Stradaniia i velichie Rikharda Vagnera* [Richard Wagner's Passions and Greatness]. T. Mann. *Sobranie sochinenii: v 10 t.* [Th. Mann. Selected Works: In 10 Volumes]. Moscow, Gos. izd-vo khud. lit-ry, 1961, 696 s.
- Iur'ev A.A. *Misterial'naia traditsiia v teatre Khenrika Ibsena* [A Mystery Play Tradition in Henrik Ibsen's Theatre]. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskaia akademiia teatral'nogo iskusstva, 2013, 180 s.
- Hurt J. *Catiline's Dream: An Essay on Ibsen's Plays.* Urbana; Chicago; London, University of Illinois Press, 1972, VIII, 206 p.
- Ibsen H. *Samlede verker: Hundreårsutgave* [Complete Works: Centennial Edition], utg. F. Bull, H. Koht, D.A. Seip [ed. by F. Bull, H. Koht, D.A. Seip]. Oslo, Gyldendal Norsk Forlag, 1928, Bd. 1, 341 s.
- Johnston B. *To the Third Empire: Ibsen's Early Drama.* Minneapolis, University of Minnesota Press, 1980, XIX, 328 p.

Юрьев Андрей Алексеевич

Кандидат искусствоведения, профессор кафедры зарубежного искусства, Санкт-Петербургская государственная академия театрального искусства. Россия, 191028, Санкт-Петербург, ул. Моховая, д. 34–35

Andrey Yuriev

Candidate of Art Studies, Professor, Department of Theatre Studies, St. Petersburg State Theatre Arts Academy.

34–35, Mokhovaya Street, St. Petersburg, 191028, Russia

E-mail: andr_ibsen@mail.ru

Д. В. ЮСУБОВ

Санкт-Петербургский государственный университет

О ПОДХОДАХ К ИЗУЧЕНИЮ СЕМАНТИКИ ПРЕДЛОГОВ

Ключевые слова: значения предлогов, семантика предлогов, пространственный предлог, синтагматический подход, парадигматический подход, когнитивный подход.

В статье представлены основные лингвистические подходы к изучению семантики предлогов. Особенный интерес вызывали предлоги с пространственным значением. Следует отметить, что в статье приведены не только современные подходы, но и подходы, применяемые лингвистами ранее. В ходе анализа были выделены сильные и слабые стороны каждого из них.

DZHAVID YUSUBOV

St. Petersburg State University

ABOUT THE APPROACHES TO THE STUDY OF SEMANTICS OF SPATIAL PREPOSITIONS

Keywords: Meanings of prepositions, semantics of prepositions, spatial preposition, syntagmatic approach, paradigmatic approach, cognitive approach.

The article presents the main linguistic approaches to the study of the semantics of prepositions. The spatial prepositions are of particular interest. One should note that the article contains not only current approaches, but approaches used previously in traditional linguistics. As part of the analysis of the approaches, their advantages and disadvantages were identified.

На сегодняшний день можно с уверенностью говорить о популярности изучения семантики предлогов среди лингвистов. Доказательством тому служит большое количество работ, посвященных данной теме, например, таких авторов, как К. Г. Линдквист, К. Ванделуаз, А. Герсковиц, Т. Н. Маляр, О. Н. Селиверстова и др. В то же время за столь обширным числом работ зачастую кроется использование различных подходов к изучению значения предлогов. Это связано с тем, что в течение всей истории исследований лингвисты по-разному рассматривали эту часть речи.

При изучении семантики предлогов, будь то датский или русский языки, необходимо в первую очередь рассматривать существующие подходы к описанию семантики предлогов, которых придерживаются в своих работах отечественные и зарубежные лингвисты. В связи с пространственными предлогами следует определить два важных понятия: референт и релятум. Первый является объектом, положение которого в пространстве определяется при помощи предлога, а второй — объектом, относительно которого определяется положение референта. Оба эти термина встречаются в работах исследователей семантики предлогов, в частности в работах О. Н. Селиверстовой.

В целом можно говорить о нескольких группах подходов, которые дифференцируются в зависимости от точки зрения исследователя на структуру значения предлога, а также необходимости рассмотрения внутриязыковых и экстралингвистических связей. В первом случае мы подразумеваем наличие у предлога лексического и грамматического значений, многозначность предлогов и ее структуру. Во втором случае возникает вопрос о необходимости рассмотрения предлогов исключительно в рамках языковой системы или поиска связи их значений с окружающим миром.

На протяжении всей истории изучения семантики предлогов взгляды лингвистов на представленные выше положения постепенно менялись. На заре исследований предлогу отводилась весьма незначительная роль, а сам он рассматривался лишь как формальная синтаксическая единица. Впоследствии в результате эволюции взглядов на семантику у предлогов исследователи стали выделять собственное лексическое значение, а также наличие у предлогов такой черты как многозначность.

Несколько иначе обстоит дело с вопросом о необходимости изучения предлогов в связи со знаниями человека об окружающем мире. Исследователи разделились на тех, кто считает, что предлог необходимо изучать в рамках внутриязыковой системы, и тех, кто выходит за ее рамки и учитывает наши фоновые знания и представления о мире.

На основе представленных критериев можно говорить о существовании синтагматического и парадигматического подходов. В рамках синтагматического подхода значения пространственных предлогов рассматриваются в разнообразных контекстах, т. е. налицо прямая зависимость от значений языкового окружения предлога [Lindkvist, 1976]. В свою очередь при парадигматическом подходе исследователи выделяют значения предлогов в языковой системе, ставя во главу угла не контекстное употребление, а сочетания семантических компонентов [Leech, 1970. Pp. 343–364], при этом учитываются целый ряд противопоставлений: направление, горизонтальная/вертикальная плоскость, первичная/вторичная горизонтальная ось.

По большому счету, рассматривая два этих подхода, мы должны помнить о том, что границы этих подходов весьма условны. Оба подхода подразумевают рассмотрение как синтагматических, так и парадигматических отношений, а разница заключается в том, какое из отношений исследователь ставит на первый план при изучении значения предлогов.

Наиболее яркий пример использования синтагматического подхода при описании семантики различной лексики в целом и предлога в частности — словари. В толковых словарях значения одних предлогов зачастую объясняются при помощи других, схожих по значению. Такой метод выражения значения лексики имеет целый ряд недостатков, главный из которых — проблематичность проведения четкой границы между значениями предлогов (объясняемым и объясняющими).

Кроме того, составители словарей не всегда имеют единую точку зрения на значение предлога, в связи с чем наблюдаются существенные различия в словарных статьях. Предлог «over» по данным Den danske ordbog [Den danske ordbog] имеет 18 значений (и в общей сложности 12 дискретных значений), а в словаре

Politikens Nudansk Ordbog [Politikens Nudansk ordbog, 2005] значе- ний остается только 10 (и 9 дискретных значений). Определенную сложность вызывает пара датских предлогов «*oven for*» (*ovenfor*) и «*oven over*» (*ovenover*). Возьмем, к примеру, Den danske ordbog, который дает следующие значения предлогов:

— *Oven for* — на месте или к месту, которое находится на уровень выше.

I Jakobshavn bor vi på Hotel Arctic, som ligger på en fjeldryg lidt ovenfor byen (В Якобсхавне мы живем в отеле Арктик, который находится на хребте чуть выше города).

— *Oven over* — (значение 2) — на месте или уровне, который находится выше.

Man forærede nygifte par hestesko til ophængning ovenover døren i deres nye, fælles hjem (Молодоженам дарили подкову, чтобы они повесили ее над дверьми их нового общего дома)

Опираясь на примеры, приведенные из словаря, не удастся ответить на вопрос, почему в первом предложении употребляется пара *over for*, а во втором — *ovenover*, т. к. для обоих предлогов словарь дает практически идентичное толкование значения. Следует добавить, что толкования являются весьма обобщенными, что не позволяет выделить различия употребления этих предлогов.

Часть следующих значений предлога «*på*» словарь Den danske ordbog раскрывает при помощи предлога «*i*», а некоторые значения предлога «*i*» — через предлог «*på*»:

1) «*på*» — *placeret et bestemt sted, i et bestemt rum eller i en bestemt institution*, (на, к или мимо места, которое находится дальше или глубже чем то, на котором находится говорящий)

Kvarter i ni stod vi nede på hjørnet og ventede (Без пятнадцати девять мы стояли внизу на углу и ждали).

2) «*i*» — *på eller til et sted inden for et afgrænset rum eller område; omgivet af* (в или к месту, в рамках определенного пространства или территории; окруженный)

Hun blev oppe i lejligheden resten af dagen (Он оставался у себя в квартире весь остаток дня).

Анализируя примеры, приводимые словарем, и толкование значений предлогов, мы можем задать вполне закономерный вопрос: почему в первом случае необходимо употреблять предлог *rå*, а во втором — предлог *i*.

Теме изучения семантики предлогов посвящены также работы отечественного исследователя В. Н. Съедина и шведского лингвиста К. Г. Линдквист. В работах В. Н. Съедина приводятся предложные конструкции в соответствии с обнаруженными им значениями данных предлогов [Съедин, 1963]. Однако автор не приводит исчерпывающего описания предлогов и ограничивается лишь переводом найденных конструкций. Так, при переводе конструкций с предлогом «*an*»: *am 1 Mai* — первого мая, *am Vormittag* — перед обедом, исследователь не отмечает значения временной протяженности, значения отдельной временной точки, для которых могут употребляться эти конструкции.

Лингвист К. Г. Линдквист в своей работе приводит анализ большого количества контекстов, в которых могут употребляться пространственные предлоги. При этом автор не приводит достаточных доводов для семантической дифференциации нескольких синонимичных предлогов. Так, исследователь анализирует предлоги «*from*», «*out of*», «*off*»: данные предлоги употребляются в тех случаях, когда отправной точкой движения объекта являются неподвижные предметы, такие как стул, сиденье или кровать. Если движение начинается от стула, более предпочтительным является употребление предлога «*from*», если от кровати, то предлоги «*from*» и «*out of*» следует считать равноценными. Доводом к такому заключению является тот факт, что «*from*» часто заменяет «*out of*» и «*off*» и является своеобразной слабой формой этих предлогов. Однако эти доводы нельзя назвать достаточными для семантической дифференциации рассматриваемых предлогов.

Парадигматический подход подразумевает определение семантики предлогов вне зависимости от контекста. Таким образом значения представляются в виде комплекса семантических компонентов. Е. А. Рейман [Рейман, 1982], рассматривая значения предлогов с точки зрения парадигматического подхода, выделяет «обобщенные инварианты», образующие при абстрагировании от различных контекстов, в которых употребляются данные предлоги. Среди

исследователей, работающих в соответствии с данным подходом, можно назвать А. Е. Кибрика [Кибрик, 1970. С. 110–156], А. Герсковиц, Дж. Миллера [Miller, 1985] и других.

Х.-В. Эромс [Eroms, 1981] в своих работах занимается анализом семантики в рамках парадигматического подхода. В ходе анализа семантики предлогов он изучает их с точки зрения частичного совпадения функций, т. е. исследователь рассматривает несколько предлогов со схожими функциями и описывает ситуации, в которых они употребляются. Примером такого подхода может служить сравнение употребления немецких предлогов **an** и **auf** в следующих ситуациях: (a) *Das Blatt an Baum* (лист на дереве), (b) *Der Vogel auf dem Baum* (птица на дереве) и (c) *das Blatt auf dem Baum* (лист на дереве), (d) *der Vogel am Baum* (птица около дерева). В первой ситуации (a) *лист* является частью *дерева*, в то время как в ситуации (c) акцент делается на том, что *лист* находится *наверху на дереве*, которое рассматривается как замкнутое пространство. Ситуации (b) и (d) различаются тем, что в первом случае *птица* находится *на дереве*, а во втором — *около* него. Следует отметить, что в своей работе автор зачастую сводит анализ к перечислению примеров, в которых употребляются различные предлоги со схожими функциями, не сопровождая их более подробными комментариями.

Однако внимательно рассмотрев парадигматический подход к изучению семантики предлогов, мы можем сделать вывод о том, что противопоставление значений различных предлогов позволяет определить совпадающие и дифференциальные семантические компоненты предлогов, в то время как Х.-В. Эромс не раскрывает правила их употребления в той или иной ситуации.

Отдельное внимание следует обратить на так называемые геометрический, топологический и функциональный подходы. Геометрического подхода придерживались исследователи, которые подчеркивали важность исследования сочетаемости предлогов с лексикой, несущей в себе значение объектов, обладающих физическими габаритами в пространстве. По мнению ряда специалистов [Hawkins, 1988. Pp. 231–270], от расположения предмета в пространстве и его геометрической формы напрямую зависит выбор того или иного предлога. Другими словами, предлоги передают характеристику трехмерности объекта.

При рассмотрении семантики предлогов с точки зрения геометрического подхода применяется прототипическая теория, в соответствии с которой выделяется центральное значение, соответствующее первому уровню описания. Для сторонников данного метода геометрические свойства релятума отражают концепты, которые в свою очередь выражают значения предлогов. Одним из исследователей, использовавших геометрический метод при изучении значения предлогов, является Г. Кларк [Clark, 1973. Pp. 242–268]. В своей работе он анализирует связь между многомерностью/одномерностью объекта и знанием человека об окружающем мире. Г. Кларк говорит о том, что предлоги *from*, *on* и *in* выражают такую геометрическую характеристику, как соответственно одно-, двух- и трехмерность релятума.

К. Ванделуаз [Vandeloise, 1994] отмечает тот факт, что сторонники геометрического подхода по большей части уделяют внимание только пространственному представлению о форме релятума. При этом исследователи не принимают во внимание характеристики объекта и его взаимосвязь с релятумом. К. Ванделуаз говорит о том, что употребление предлога «*in*» с тем или иным объектами зависит не только от их геометрических свойств, но и от взаимодействия между ними:

- (1)* *The cheese is in the cheese cover.*
- (2) *The fly is in the cheese cover.*
- (3) *The cheese is in the dish.*

Предложения (2) и (3) вполне допустимы, в то время как (1) — нет, т. к. помимо геометрических характеристик объектов, важную роль в употреблении предлога «*in*» играют непространственные связи между «*cheese*» и «*cheese cover*».

Таким образом, несмотря на то, что использование геометрического подхода позволило взглянуть на исследования значения предлогов по-новому, все же не представляется целесообразным ограничиваться рамками только данного подхода, по причине того, что значения целого ряда предлогов не исчерпываются лишь указанием на геометрические характеристики объектов. Кроме того, некоторые объекты в различных ситуациях употребления могут быть рассмотрены как имеющие одно, два или три измерения.

Сторонники топологического метода говорят о существовании двух уровней описания значения: семантическом и концептуальном. По мнению исследователей, такое деление позволяет упростить задачу определения значения рассматриваемой лексической единицы.

Топологический подход подразумевает в первую очередь изучение топологических взаимосвязей между объектами: включение (*containment*), поддержка (*support*), контакт (*contact*). Центральным понятием при этом является «включение», таким образом, основной топологической характеристикой объекта является его способность частично или полностью «включить» в себя другой объект. Одним из наиболее ярких примеров в данном случае является описание значения предлога *in*, который отражает отношение «включения» одного объекта в другой [Herweg, 1989. Pp. 99–127]. В качестве примера рассмотрим предложение из работы А. Герсковиц [Herskovits, 1985. Pp. 341–378] — «*The pear is in the bowl*» — оно может использоваться в ситуации, когда груша лежит на других фруктах в чаше, но в емкость самой чаши не входит.

Однако следует отметить, что значения предлогов зачастую могут выходить за рамки приписываемой им топологической характеристики или вообще не ограничиваются лишь геометрией и топологией. В связи с этим целый ряд исследователей предложили рассматривать значения предлогов также с точки зрения существующих между объектами функциональных связей. Среди ученых, поддерживающих данный подход, К. Ванделуаз, Т. Н. Мальяр, О. Н. Селиверстова, Е. Ю. Владимирский и другие. В основе данного подхода лежит то, что свойства объектов, учитывающиеся в топологических и геометрических описаниях предлогов, являются прямым следствием функциональных связей между ними. Более того, В. А. Плунгян [Плунгян, 2000. С. 83–114] считает, что в процессе развития предлогов с пространственным значением геометрическая характеристика предлогов отходит на второй план, уступая место функциональным связям между объектами.

Сторонники функционального подхода рассматривают семантику предлогов как данные о функциональных связях между объектами. Одной из работ, в которой автор использует функциональный подход, является исследование в области семантики француз-

ских предлогов К. Ванделуза. В частности, автор рассматривает предлог «*dans*» — сочетание «*a dans b*» указывает на отношение между содержимым и содержащим. При этом со стороны содержащего на содержимое оказывается некоторая сила. В качестве иллюстрации некоторых взаимосвязей между объектами можно также привести пример из работ Дж. Тейлор [Taylor, 1995. Pp. 109–116; 271–281]. Исследователь сравнивает предлоги «*over*» и «*above*» и выделяет компонент «контакт/воздействие одного объекта на другой», который входит в состав значения предлога «*over*» и позволяет дифференцировать ситуации использования двух этих предлогов.

Одной из характерных черт функционального подхода является то, что исследователи в нем выделяют только один уровень описания, который формируется на основании информации, полученной при наблюдении за тем, как дети изучают язык. В отличие от топологического подхода, например, в английском языке значение предлога «*in*» указывает на отношение между релятумом и референтом как на отношение между содержащим и содержимым. При этом важную роль играет влияние, которое оказывает релятум на референта, так же, как и в примере из французского языка, рассмотренном выше.

В последние десятилетия среди ученых-лингвистов завоевывает популярность новый подход, который подразумевает выход за рамки внутриязыковых явлений. Так называемый когнитивный подход заключается в установлении и описании связей между языковыми категориями и восприятием внешнего мира. Рассматривая язык как средство передачи мысли, некоторые исследователи говорят о необходимости фоновых знаний о мире, социокультурном контексте высказываний, мировоззрении различных лингвокультурных сообществ.

Стоит отметить, что некоторые элементы когнитивного метода наблюдаются и в работах, рассмотренных в связи с другими подходами: А. Герсковиц, Т. Н. Маляр, О. Н. Селиверстова [Маляр, Селиверстова, 1998], Р. Лангакер [Langacker, 1987], Дж. Лакофф [Lakoff, 1987], К. Бругман [Brugman, 1988] и другие. Хотя авторы и не говорят прямо об использовании данного подхода, в своих работах они изучают то, как отражается восприятие человеком окружающего мира в языке.

Таким образом, задача когнитивного подхода состоит в сопоставлении лингвистической информации и ментальных структур сознания человека. На сегодняшний день существует мнение о том, что когнитивный подход к изучению пространственных предлогов является наиболее перспективным и дающим наиболее объективные результаты исследований.

В рамках когнитивного подхода исследователи, среди которых Р. Джейкендоф и Б. Ландау, сделали попытку определить пространственные взаимоотношения между объектами и изучить их отражение в значении пространственных предлогов. Так, например, они пришли к выводу, что пространственные отношения «расстояние от одного конца сигарообразного объекта до другого» (*«reaching from end to end of a cigar-shaped object»*) [Jakendoff, 1991. Pp. 145–169] не являются релевантным, т. к. для его выражения потребовался бы гипотетический предлог *«sprough»*. Актуальными для английского языка будут являться такие пространственные характеристики, как направление движения или ориентации (*«to»*, *«toward»*, *«from»*, *«above»*), геометрическая форма релятума (*«in»*, *«out of»*, *«inside»*) и др.

В соответствии с когнитивным подходом некоторые исследователи говорят о том, что вторичный объект имеет уже определенные пространственные характеристики, в то время как у первичного они должны быть определены. Кроме того, разница между объектами заключается в размерах, наличии определенного местоположения, сложности геометрической формы. Особое внимание следует уделять осмыслению вторичного объекта. Оно зависит от трех процессов: идеализации, при которой все характеристики объекта кроме наиболее заметной игнорируются; абстракции — отвлечение от характера поверхности и состава объекта; и топикализации — отсутствие акцента на форме и размерах объекта. Это говорит о том, что для различных объектов реального мира свойственны схожие языковые пространственные характеристики.

Подводя итог проведенному анализу исследовательских подходов к изучению семантики предлогов, следует отметить важность использования комплексных методов при рассмотрении данного вопроса. При этом следует учитывать результаты, полученные в рамках различных направлений, которые были рассмотрены в данной статье.

ЛИТЕРАТУРА

- Кибрик А. Е. К типологии пространственных значений (на материале падежных систем дагестанских языков) // Язык и человек. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. С. 110–156.
- Маляр Т. Н., Селиверстова О. Н. Пространственно-дистанционные предлоги и наречия в русском и английском языках. Мюнхен: Verlag Otto Sagner, 1998. 347 с.
- Плунгян В. А. Предлог над: факты и интерпретации // Исследования по семантике предлогов / ред. Д. Пайар, О. Н. Селиверстова. М.: Русские словари, 2000. С. 83–114.
- Рейман Е. А. Английские предлоги. Значения и функции. Л.: Наука, 1982. 241 с.
- Съедин В. Н. Предлоги немецкого языка. М.: Высшая школа, 1963. 287 с.
- Brugman С. The story of 'over' // Polysemy, semantics and the structure of the lexicon. Berkeley: Garland Press, 1988.
- Clark H. Space, time semantics and the child // Cognitive Development and the Acquisition of Language / ed. T. E. Moore. Cambridge, 1973. Vol. 14. Pp. 242–268.
- Den danske ordbog [Электронный ресурс]. URL: <http://ordnet.dk/ddo>.
- Eroms H.-W. Valenz Kasus und Präpositionen: Untersuchungen zur Syntax und Semantik präpositionaler Konstruktionen in der deutschen Gegenwartssprache. Heidelberg: Winter, 1981. XXXIII, 390 s.
- Jakendoff R., Landau B. Spatial Language and Spatial Cognition // Bridges between Psychology and Linguistics. A Swarthmore Festschrift for Lila Gleitman / ed. D. Napoli. New Jersey: Hellsdole, 1991. Pp. 145–169.
- Hawkins B. The category Medium // Topics in Cognitive Grammar / ed. B. Rudzka-Ostyn. Amsterdam and Philadelphia: Benjamin, 1988. Pp. 231–270.
- Herskovits A. Semantics and pragmatics of spatial prepositions // Cognitive Science. 1985. Vol. 9. Pp. 341–378.
- Herweg M. Anzautze zu einer semantischen Beschreibung topologischer Präpositionen / Habel, Christoph, Michael Herweg and Karl Rehkaemper (eds.) // Raumkonzepte in Vevstehenspoessen. Tübingen: Niemeyer, 1989. Pp. 99–127.
- Lindkvist K. G. A Comprehensive Study of Conceptions of Locality in which English Prepositions Occur. Stockholm: Almqvist & Wiksell international, 1976. 363 p.
- Leech G. N. On the Theory and Practice of Semantic Testing // Lingua. 1970. V. 24. No 4. Pp. 343–364.
- Langacker R. W. Foundations of Cognitive Grammar: Theoretic Prerequisites. Stanford: Stanford University Press, 1987. 516 p.

- Lakoff G. *Women, Fire and Dangerous Things*. Chicago; London: University of Chicago Press, 1987. XVII, 614 p.
- Miller J. *Semantics and Syntax: Parallels and Connections*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. VIII, 262 p.
- Politikens Nudansk ordbog. 20. Udgave. Copenhagen: Politikens, 2005. 1353 s.
- Taylor J. R. *Linguistic Categorization: Prototypes Linguistic Theory* (second edition). Oxford: Oxford University Press, 1995. XIII, 312 p.
- Vandeloise C. *Methodology and Analyses of the Preposition // Cognitive Linguistics*. 1994. Vol. 5. Nr 2. Pp. 157–184.

REFERENCES

- Kibrik A.E. *K tipologii prostranstvennykh znachenii (na materiale padezhnykh sistem dagestanskikh iazykov)* [About typology of spatial meanings (based on case systems of Dagestan languages)]. *Iazyk i chelovek* [Language and people]. Moscow, Mosk. Univ. Publ., 1970, s. 110–156.
- Maliar T.N., Seliverstova O.N. *Prostranstvenno-distantionnye predlogi i nar-echiia v russkom i angliiskom iazykakh* [Spatial and distant prepositions and adverbs in Russian and English]. Munchen, Verlag Otto Sagner, 1998, 347 s.
- Plungian V.A. *Predlog nad: fakty i interpretatsii* [The preposition on: facts and interpretations]. *Issledovaniia po semantike predlogov* [Studies in the semantics of prepositions], red. D. Païar, O.N. Seliverstova [D. Paillard, O. Seliverstova (eds.)]. Moscow, Russkie slovari Publ., 2000, s. 83–114.
- Reiman E.A. *Angliiskie predlogi. Znacheniiia i funktsii* [English prepositions. The meanings and functions]. Leningrad, Nauka Publ., 1982, 241 s.
- S'edin V.N. *Predlogi nemetskogo iazyka* [German prepositions]. Moscow, Vysshiaia shkola Publ., 1963, 287 s.
- Brugman C. *The story of 'over'*. Polysemy, semantics and the structure of the lexicon. Berkeley, Garland Press, 1988.
- Clark H. *Space, time semantics and the child*. *Cognitive Development and the Acquisition of Language*, ed. T.E. Moore. Cambridge, 1973, vol. 14, pp. 242–268.
- Den danske ordbog* [The Danish Dictionary]. URL: <http://ordnet.dk/ddo>.
- Eroms H.-W. *Valenz Kasus und Präpositionen: Untersuchungen zur Syntax und Semantik präpositionaler Konstruktionen in der deutschen Gegenwartssprache* [Valence, cases and prepositions: studies of syntax and semantics]. Heidelberg, Winter, 1981, XXXIII, 390 s.
- Jakendoff R., Landau B. *Spatial Language and Spatial Cognition*. Bridges between Psychology and Linguistics. A Swarthmore Festschrift for Lila Gleitman, ed. D. Napoli. New Jersey, Hellsdole, 1991, pp. 145–169.

- Hawkins B. *The category Medium*. Topics in Cognitive Grammar, ed. B. Rudzka-Ostyn. Amsterdam; Philadelphia, Benjamin, 1988, pp. 231–270.
- Herskovits A. Semantics and pragmatics of spatial prepositions. *Cognitive Science*, 1985, vol. 9, pp. 341–378.
- Herweg M. *Anzautze zu einer semantischen Beschreibung topologischer Präpositionen* [Studies of semantic description of topological prepositions] Habel, Christoph, Michael Herweg and Karl Rehkaemper (eds.), Raumkonzepte in Vevstehensporessen [Spatial concepts in languages]. Tübingen, Niemeyer, 1989, s. 99–127.
- Lindkvist K.G. *A Comprehensive Study of Conceptions of Locality in which English Prepositions Occur*. Stockholm, Almqvist & Wiksell international, 1976, 363 p.
- Leech G.N. On the Theory and Practice of Semantic Testing. *Lingua*, 1970, vol. 24, No 4, pp. 343–364.
- Langacker R.W. *Foundations of Cognitive Grammar: Theoretic Prerequisites*. Stanford, Stanford University Press, 1987, 516 p.
- Lakoff G. *Women, Fire and Dangerous Things*. Chicago; London, University of Chicago Press, 1987, XVII, 614 p.
- Miller J. *Semantics and Syntax: Parallels and Connections*. Cambridge, Cambridge University Press, 1985, VIII, 262 p.
- Politikens Nudansk ordbog* [Dictionary of contemporary Danish. Politikens]. 20. Udgave [20th edition]. Copenhagen, Politikens, 2005, 1353 s.
- Taylor J.R. *Linguistic Categorization: Prototypes Linguistic Theory* (second edition). Oxford, Oxford University Press, 1995, XIII, 312 p.
- Vandeloise C. Methodology and Analyses of the Preposition. *Cognitive Linguistics*, 1994, vol. 5, No 2, pp. 157–184.

Юсубов Джавид Вахид оглы

Магистр лингвистики, аспирант,

Санкт-Петербургский государственный университет.

Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9

Dzhavid Yusubov

Master of Linguistics; post-graduate student,

St. Petersburg State University.

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

E-mail: D.yusubov@gmail.com

А. А. ЯКОВЛЕВА

Санкт-Петербургский государственный университет

РАЗГОВОРНАЯ НОРМА СОВРЕМЕННОГО НИДЕРЛАНДСКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: региолект, диалект.

Разговорная норма современного нидерландского языка представлена четырьмя национальными вариантами. В ситуациях, предполагающих использование литературной нормы, жители Бельгии пользуются фламандской разговорной промежуточной нормой *tussentaal*, сочетающей элементы литературной нормы и местных регио- и диалектов. То же происходит и в Нидерландах. Статья описывает терминологию, историю появления, особенности и перспективы промежуточных норм.

ALEXANDRA YAKOVLEVA

St. Petersburg State University

THE SPOKEN NORM IN MODERN DUTCH

Keywords: regiolect, dialect.

In this article an historical analysis is presented of spoken Dutch, especial Colloquial Belgian Dutch — the so-called *tussentaal* (literally: language-in-between). When asked to hold an informal conversation in standard Dutch, most young people in the Netherlands and in Flanders will not use standard Dutch, but an intermediate variety between dialect, regiolect and standard Dutch. In the eyes of the young people the *tussentaal* is perfectly fit for all types of supra-regional informal communication. To their colloquial speech they will make a few adjustments — phonological, morpho-syntactical and lexical.

Такого понятия, как единый литературный нидерландский язык, сегодня нет. Лингвистическое сообщество признает параллельное сосуществование четырех равных национальных вариантов: бельгийского нидерландского, нидерландского нидерландского, суринамского нидерландского и антильского нидерландского, т. е. нидерландский язык, как и некоторые другие европейские языки, например, немецкий или английский, относится к полицентрическим [Diepeveen, Heuning, 2013. Pp. 82–89]. Ограничимся европейскими вариантами нидерландского языка и назовем основные понятия, которые можно встретить в научной литературе в отношении этих двух национальных вариантов.

1. Определение

Фламандская разговорная норма получила название *tussentaal*.

Слово *tussentaal* с нидерландского буквально переводится как «межъязык», но более удачным и отражающим суть понятия русским эквивалентом автор считает словосочетание «промежуточная норма», которое и будет использоваться ниже. Применяется к разговорному фламандскому, т. е. южному варианту разговорного нидерландского языка. Рассмотрим три аспекта, составляющие суть данного термина, — норма, промежуточный характер, разговорный стиль.

Слово «норма» описывает явление как общепринятое, общепризнанное и носящее массовый характер. Определение «промежуточная» говорит о том, что данный вариант языка отличается от предписываемой нормирующими изданиями, школьной программой и новостным теле- и радиовещанием нормы, т. к. содержит вкрапления разных диалектов. Также он отличается от диалектов и региолектов тем, что без труда понятен жителю любого фламандского региона, являясь своего рода «субрегиолектом», смешанной формой разных региолектов с преобладанием брабантского. Не менее важно в определении слово «разговорный», поскольку речь пока идет только об устной речи и так называемых разговорных формах письменной речи, например, языке чатов и смс-сообщений.

Настоящая статья призвана ответить на вопросы о том, как появилась эта норма, каковы ее особенности и перспективы.

2. История и причины появления

Понятие tussentaal вошло в лингвистический обиход по инициативе ученых из Гентского государственного университета лишь в 90-е гг. прошлого века. Очень скоро оно заменило собой существовавшие на тот момент семантически окрашенные наименования для того же самого явления Schoon Vlaams (досл. ‘красивый фламандский’), Verkavelingsvlaams (досл. ‘провинциальный фламандский’) и Soapvlaams (досл. ‘фламандский мыльных опер’). Написанный со строчной буквы термин tussentaal к настоящему времени прочно вошел в обиход в журналистике, научной и научно-популярной литературе самых разных направлений и жанров. Статья о фламандской промежуточной норме tussentaal появилась в электронной энциклопедии Википедия.

Причины и процесс появления промежуточной нормы разговорного языка подробно описывает нидерландский языковед Йоп ван дер Хорст на страницах монографии «Закат литературной нормы. Изменение европейской языковой культуры», вышедшей в 2008 г. Книга завоевала большую популярность не только среди специалистов, но и у массового читателя. Ученый называет литературную норму нидерландского языка, до недавнего времени известную под аббревиатурой AVN (Algemeen Beschaafd Nederlands, досл. ‘Всеобщий Культурный Нидерландский’), искусственно созданным и насаждаемым «сверху» пережитком культуры Ренессанса, обреченным в XXI в. на исчезновение благодаря стиранию европейских границ, распространению новых СМИ, интернета, новых требований работодателя к сотрудникам при приеме на работу и, не в последнюю очередь, культу индивидуального начала в каждом человеке [Horst, 2008].

Важно отметить, что термин AVN используется исключительно применительно к разговорному языку: «Это такой нидерландский язык, когда не слышно, откуда человек приехал» [Stroop, 2006. P. 55]. Здесь же Я. Строоп отмечает, что не говорят «он пишет на AVN», а «он разговаривает на AVN». Если речь идет о письменном языке, то про человека скажут «он пишет правильно/грамотно или неправильно/неграмотно», т. е. по учебнику, по грамматике, по сло-

варю. Существование единой письменной нормы нидерландского языка для Нидерландов и Бельгии поддерживается деятельностью Нидерландского Языкового Союза, редакторов издательств, письменных СМИ и учебной литературой.

Появившийся в 90-е гг. XIX в. Всеобщий Культурный Нидерландский спустя ровно столетие теряет определение культурный, став просто AN — Всеобщим Нидерландским. Последний термин еще не успел войти в обиход, как заговорили о существовании двух норм Всеобщего Нидерландского — нидерландской и фламандской. Итак, разговорный нидерландский язык имеет две нормы — Всеобщий Нидерландский Нидерландский и Всеобщий Фламандский Нидерландский. Чтобы избежать терминологической путаницы, здесь и далее для обозначения разговорной нормы, описанной в учебниках, будет использоваться более привычное словосочетание литературный нидерландский. В статье, посвященной современному произношению, «Как звучит литературный нидерландский?» Ханс Ван де Велде делает примечательную оговорку: «Я описываю не так называемый Всеобщий Культурный Нидерландский, а современное произношение людей с высшим образованием, владеющих литературной нормой нидерландского языка, которые пытаются в своей речи пользоваться этой литературной нормой. Но как бы они не старались говорить с литературным произношением, у них это не всегда получается. Литературным нидерландским я буду называть то, что выходит у них на практике» [Velde, 2006. P. 66]. То есть теория и практика (в данном случае произношения) даже самых образованных носителей нидерландского языка различаются.

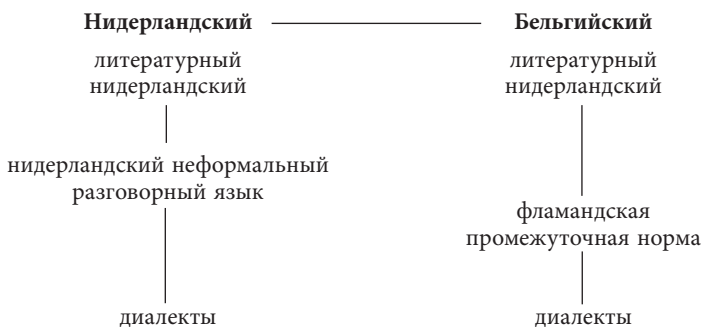
Доказательной базой для демонстрации и подробного изучения двух развивающихся в разных направлениях разговорных норм нидерландского языка должен был стать Корпус разговорного нидерландского языка Corpus Gesproken Nederlands (далее Корпус). Корпус начали создавать в 1997 г. по инициативе и при финансовой поддержке нидерландского и фламандского правительств. К 2008 г. в базу вошло 8 940 098 словоупотреблений из них 5 654 644 нидерландских и 3 285 631 фламандских (в соответствии с процентным соотношением носителей каждого варианта) и 1000 часов записи

устной речи, состоящей из 12 780 фрагментов, подразделяющихся на 15 разных типов устной речи. Результаты многочисленных новейших исследований на базе Корпуса показали, что разговорная речь носителей обоих вариантов изобилует элементами местных диа- и региолектов, что позволяет сделать вывод о повсеместном распространении так называемого разговорного субварианта литературного языка, причем в Нидерландах и Фландрии эти субварианты сильно различаются по всем признакам. Если сравнивать нидерландский и фламандский субварианты между собой, то оказывается, что фламандский вариант более «окрашен», т. е. отстоит дальше от нормы, и имеет большее распространение. Фламандский лингвист Йохан де Калюве утверждает, что молодые люди в его стране попросту не хотят пользоваться литературным вариантом разговорного языка, т. к. промежуточную норму они воспринимают как «свою», а литературный вариант как «чужой» [Caluwe, 2009-1. Pp. 8–25].

Фламандский субвариант получил в научной литературе название *tussentaal*, а нидерландский единого наименования пока не имеет. На страницах исследований доминируют два названия — *Nederlandse informele spreektaal* (нидерландский неформальный разговорный язык) и *Poldernederlands* (польдерный нидерландский). Отметим, что термин *Poldernederlands* появился еще в 70-е гг. XX в. для обозначения особого произносительного варианта. Так, например, в лингвострановедческом словаре И. Братуся находим следующее определение: «*Poldernederlands* — польдерный нидерландский [субстандартная манера произношения дифтонгов, получившая широкое распространение с начала 70-х]» [Братусь, 2009. С. 174]. Однако Я. Строоп использует данный термин уже более широко, а именно как субвариант литературного нидерландского языка [Stroop, 2006. P. 63].

Наглядной демонстрацией разговорных вариантов нидерландского языка служит схема Герардса 2001 г. [Geeraerts, 2001. P. 339] (см. с. 278).

Если исходить из реалий сегодняшнего дня, то нельзя не отметить отсутствие в вышеприведенной схеме понятия региолект, вошедшего в лингвистический обиход в 70-е гг. XX в. Региолектом

называют региональный вариант национального языка, занимающий промежуточное положение между диалектом и литературным языком, т. е. и региолект — это тоже промежуточная норма. Необходимо определить, как промежуточные нормы соотносятся между собой. Дело в том, что региолектов во Фландрии несколько, а именно: западно-фламандский, брабантский, антверпенский и восточно-фламандский [Caluwe, 2011. Pp. 61–77], в то время как носители каждого из четырех региолектов в ситуации взаимного общения используют именно промежуточную норму *tussentaal*. То же можно сказать и о положении дел в Нидерландах. Это означает, что к схеме Герардса добавляется третья ступень, которая должна располагаться выше диалектов, но ниже промежуточных норм.

Для Нидерландов: нидерландский литературный нидерландский — нидерландский неформальный разговорный — региолекты — диалекты;

Для Бельгии: бельгийский литературный нидерландский — фламандская промежуточная норма — региолекты — диалекты.

Из схемы Герардса также следует, что нидерландская промежуточная норма расположена ближе к стандартному варианту, нежели фламандская, т. е. фламандская норма имеет больше характерных черт, и именно поэтому фламандский вариант уже стал предметом пристального внимания лингвистов, а нидерландский еще нет. Однако оговоримся, что обе нормы в научной литературе еще недостаточно полно описаны, к тому же они находятся в постоянной эволюции под влиянием как политических, так и социальных факторов.

3. Особенности

Приведем примеры некоторых фонетических, грамматических и лексических особенностей фламандской промежуточной нормы.

Фонетические особенности:

- 1) Исчезновение [h] в начале слов, а [t] в конце слов, например: Ik (h)eb da(t) nie(t) gezien (Я этого не видел).
- 2) Прогрессивная ассимиляция вместо регрессивной, например: Ge moet-ta niet-toen (Ты не должен так делать).
- 3) Отсутствие приступа на границе слогораздела в таких словах, как, например, pa-arep (подражать).

Грамматические особенности:

- 1) Сохранение трехродовой системы имен существительных.
- 2) Склонение артиклей, прилагательных и местоимений, например: Ge moet u ne kleinen auto kopen (Ты должен купить себе маленькую машину).
- 3) Форма личного местоимения 2-го лица единственного числа gij (см. предыдущий пример).
- 4) Двойное отрицание, например: Ik maak nooit geen fouten (Я никогда не ошибаюсь).
- 5) Образование уменьшительно-ласкательных форм при помощи суффикса -ke, например: Ik zal u twee poppekes geven (Я дам вам две куклы).
- 6) Удвоение субъекта, например: Ge moet gij daar niet zo moeilijk over doen (Не нужно так переживать по этому поводу).

Лексические особенности:

- 1) Использование некоторых лексем в других значениях, например, normaal вместо eigenlijk: We moesten normaal op een vlucht naar Iberia (Вообще-то нам нужно было на иберийский рейс).
- 2) Использование французских заимствований, например, lavabo (раковина) вместо wastafel.

4. Перспективы

- 1) У промежуточных норм, по утверждениям представителей разных наук, большое будущее, причем развиваться они будут автономно и разнонаправленно. По словам лингвиста Я. Стро-

опа, «разница между нидерландским языком во Фландрии и в Нидерландах в будущем будет только увеличиваться <...> и нет никаких оснований полагать, что фламандский промежуточный вариант приобретет признаки польдерного нидерландского, а польдерный нидерландский признаки фламандской промежуточной нормы» [Stroop, 2006. P. 63].

- 2) По данным опроса¹, проведенного в 2013 г. по инициативе и при участии фламандской радиостанции Радио 1, газеты Де Стандарт и Нидерландского языкового Союза, промежуточной нормой в повседневной жизни постоянно пользуется 80% фламандских семей. Из них 60% опрошенных разговаривает на промежуточной норме не только в семье и с друзьями, но и на работе, причем как с коллегами, так и с начальством. Есть основания полагать, что эта цифра будет увеличиваться.
- 3) С распространением промежуточных норм наблюдается тенденция тяготения «к середине», а именно полный отказ от литературной нормы и уменьшение роли диалектов. То есть, под воздействием промежуточной нормы, нидерландская языковая вариативность снижается, стремясь к унификации в направлении промежуточных норм.

ЛИТЕРАТУРА

- Братусь И. Б.* Нидерланды. Опыт лингвострановедческого словаря. СПб.: Языки народов мира, 2009. 251 с.
- Caluwe de J.* Tussentaal wordt omgangstaal in Vlaanderen // *Nederlandse Taalkunde*. Jaargang 14. 2009. Pp. 8–25.
- Caluwe de J., Renterghem van E.* Regiolectisering en de opkomst van tussentaal in Vlaanderen // *Taal & tongval*. Jaargang 63. Nr 1. 2011. Pp. 61–77.
- Diepeveen J., Heuning M.* Tussentaal als onderwerp van (vreemdeta)len onderwijs // *Ons Erfdeel*. November 2013. Nr 4. Pp. 82–89.
- Geeraerts D.* Een zondagsprak? Het Nederlands in Vlaanderen: gedrag, beleid, attitudes // *Ons Erfdeel* 44. 2001. P. 339.

¹ Результаты опроса опубликованы на: <http://www.vrt.be/taal/de-grotestaalpeiling-tussentaal-is-overal>.

- Horst van der J. Het einde van de standaardtaal. Een wisseling van Europese taalcultuur. Amsterdam, 2008. 375 p.
- Stroop J. Van dialect naar ABN naar Poldernederlands. Over ontstaan, opkomst en verloop van onze omgangstaal // Wat iedereen van het Nederlands moet weten en waarom / Red. Sijs van der N., Stroop J., Weerman F. Amsterdam, 2006.
- Velde van de H. Hoe klinkt het Standaardnederlands? // Wat iedereen van het Nederlands moet weten en waarom / Red. Sijs van der N., Stroop J., Weerman F. Amsterdam, 2006.

REFERENCES

- Bratus' I.B. *Niderlandy. Opyt lingvostranovedcheskogo slovaria* [The Netherlands. An Experience of a Dictionary of Linguistic and Cultural Studies]. St. Petersburg, Iazyki narodov mira Publ., 2009, 251 s.
- Caluwe de J. Tussentaal wordt omgangstaal in Vlaanderen [«Tussentaal» Becomes Everyday Language in Flanders]. *Nederlandse Taalkunde*, Jaargang 14, 2009, pp. 8–25.
- Caluwe de J., Renterghem van E. Regiolectisering en de opkomst van tussentaal in Vlaanderen [The Regional Dialect and the Development of «Tussentaal» in Flanders]. *Taal & tongval*, Jaargang 63, Nr 1, 2011, pp. 61–77.
- Diepeveen J., Heuning M. Tussentaal als onderwerp van (vreemdetalen) onderwijs [Tussentaal» as a Topic of (Foreign) Language Studies]. *Ons Erfdeel*, November 2013, Nr 4, pp. 82–89.
- Geeraerts D. Een zondagsprak? Het Nederlands in Vlaanderen: gedrag, beleid, attitudes [Sunday speak? Dutch in Flanders: Behaviour Pattern and Strategy]. *Ons Erfdeel*, 44. 2001, p. 339.
- Horst van der J. *Het einde van de standaardtaal. Een wisseling van Europese taalcultuur* [The End of the Standard Language. A Change in the European Language Culture]. Amsterdam, 2008, 375 p.
- Stroop J. *Van dialect naar ABN naar Poldernederlands. Over ontstaan, opkomst en verloop van onze omgangstaal* [From Dialect to ABN to Polderdutch. On the Origin, Development and the End of Our Everyday Language]. Wat iedereen van het Nederlands moet weten en waarom [What Everybody Has to Know About Dutch and Why], red. [eds.] Sijs van der N., Stroop J., Weerman F. Amsterdam, 2006.
- Velde van de H. *Hoe klinkt het Standaardnederlands?* [What Does Standard Dutch Sound like?] Wat iedereen van het Nederlands moet weten en waarom [What Everybody Has to Know About Dutch and Why], red. [eds.] Sijs van der N., Stroop J., Weerman F. Amsterdam, 2006.

Яковлева Александра Алексеевна

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры скандинавской и нидерландской филологии,
филологический факультет,
Санкт-Петербургский государственный университет.
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9

Alexandra Yakovleva

Candidate of Philology, Associate Professor,
Department of Scandinavian and Dutch Philology,
Faculty of Philology, St. Petersburg State University.
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia
E-mail: a.yakovleva@spbu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

<i>М. А. Гиренко</i> СКАНДИНАВСКИЕ МУЛЬТИЭТНОЛЕКТЫ КАК ОСОБЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ КОДЫ	5
<i>Ю. М. Григорьева</i> НЕОФИЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕВОДЫ БИБЛИИ НА ШВЕДСКИЙ ЯЗЫК	15
<i>Е. А. Гурова</i> ДАТСКИЕ ОЦЕНОЧНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ В НОВОМ СЛОВАРЕ СЛЕНГА	23
<i>А. А. Дмитриева, И. М. Михайлова</i> ВЗАИМОСВЯЗЬ ГОЛЛАНДСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИВОПИСИ XVII В. ЯКОБ КАТС И ПИТЕР ДЕ ХОХ	32
<i>О. С. Ермакова</i> НОВЕЛЛА А. ДЮБФЕСТА «ОДИНОКИЙ» В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ	44
<i>Б. С. Жаров</i> ИНОЯЗЫЧНЫЕ ВКРАПЛЕНИЯ В НОРВЕЖСКИЙ ТЕКСТ	53
<i>Б. С. Жаров</i> С. В. ПЕТРОВ И ДИСКУССИЯ О ШВЕДСКОЙ ЭТИМОЛОГИИ «АТЬ-ДВА»	59
<i>Е. Л. Жильцова</i> СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПРИЧИННОСТИ В ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ	66
<i>С. Ю. Кононова</i> ПРОБЛЕМА ИССЛЕДОВАНИЯ СЕМАНТИКИ ГЛАГОЛОВ С ПОСТВЕРБАМИ В ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ НА ПРИМЕРЕ ГЛАГОЛОВ С ПОСТВЕРБАМИ <i>IN, UT</i>	76
<i>Е. В. Краснова</i> ПРОБЛЕМА ОБРАЗОВАНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДАТСКИХ КОМПОЗИТОВ В КОНТЕКСТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ДАТСКОГО ЯЗЫКА	84

<i>Э. Б. Крылова</i>	
ДАТСКИЕ ЧАСТИЦЫ КАК ИНДИКАТОРЫ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ ГОВОРЯЩЕГО	94
<i>Петра Куве</i>	
ОТ ИНДИЙСКОГО АРХИПЕЛАГА ДО ГУЛАГА: СЛАВА МУЛЬТАТУЛИ В РОССИИ	104
<i>Ю. В. Кушнаренко</i>	
СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА ДОКУМЕНТОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КОМИТЕТА С АНГЛИЙСКОГО НА ШВЕДСКИЙ ЯЗЫК	116
<i>Е. А. Лавринайтис</i>	
НЕКОТОРЫЕ НЕТРИВИАЛЬНЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ В НОРВЕЖСКОМ ЯЗЫКЕ	127
<i>А. Н. Ливанова</i>	
НОРВЕЖСКИЙ ЯЗЫК ПОД УГРОЗОЙ?	138
<i>П. А. Лисовская</i>	
МОТИВ УБИЙСТВА УЛОФА ПАЛЬМЕ В НОВЕЙШЕМ ШВЕДСКОМ РОМАНЕ	150
<i>А. В. Ломагина</i>	
ДИАЛОГ С НАСТОЯЩИМ В ДАТСКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ РОМАНЕ КОНЦА XX В. РОМАН Х. СТАНГЕРУПА «БРАТ ЯКОБ» (1991)	159
<i>И. В. Матыцина</i>	
ФУНКЦИИ ПРИЧАСТИЙ И СПОСОБЫ ИХ ПЕРЕВОДА В ТЕКСТАХ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОГО СТИЛЯ (на материале русского и шведского языков)	169
<i>Мартин Палудан-Мёллер</i>	
«ЛОВУШКИ» ДАТСКОГО ЯЗЫКА	178
<i>А. В. Савицкая</i>	
НОВОЕ МЕСТОИМЕНИЕ В ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ	188
<i>В. М. Сапронова</i>	
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ШВЕДСКОГО НЕОПРЕДЕЛЕННОГО МЕСТОИМЕНИЯ NÅGON В ЛЕКСИКАЛИЗОВАННЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЯХ	200

<i>Н. В. Сафонова</i> ПРЕДЫСТОРИЯ НОРВЕЖСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ	209
<i>Е. В. Синицына</i> ПОСЛОВИЦЫ СЕВЕРНОЙ ЮТЛАНДИИ И ВОПРОС ИХ ИЗУЧЕНИЯ И КЛАССИФИКАЦИИ	217
<i>П. Н. Цикорева</i> РАЗМЕР В НОРВЕЖСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА	227
<i>Е. М. Чекалина</i> ВИДОВАЯ АНАЛИТИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ NÅLLA PÅ С ИНФИНИТИВОМ В СОВРЕМЕННОМ ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ	238
<i>А. А. Юрьев</i> О ПРИНЦИПАХ СЮЖЕТОСЛОЖЕНИЯ И ОРГАНИЗАЦИИ ОБРАЗНОЙ СИМВОЛИКИ В ДРАМАТУРГИИ ХЕНРИКА ИБСЕНА (постановка проблемы)	250
<i>Д. В. Юсубов</i> О ПОДХОДАХ К ИЗУЧЕНИЮ СЕМАНТИКИ ПРЕДЛОГОВ	260
<i>А. А. Яковлева</i> РАЗГОВОРНАЯ НОРМА СОВРЕМЕННОГО НИДЕРЛАНДСКОГО ЯЗЫКА	273

TABLE OF CONTENTS

<i>Maria Girenko</i> SCANDINAVIAN MULTIETHNOLECTS AS SPECIFIC LANGUAGE VARIETIES	5
<i>Juliana Grigoryeva</i> UNOFFICIAL SWEDISH TRANSLATIONS OF THE BIBLE	15
<i>Elena Gurova</i> DANISH EVALUATIVE NOUNS IN THE NEW SLANG DICTIONARY ...	23
<i>Anna Dmitrieva, Irina Michajlova</i> RELATIONSHIP BETWEEN 17 th CENTURY DUTCH LITERATURE AND PAINTING. JACOB CATS AND PIETER DE HOOCH	32
<i>O. Ermakova</i> ARNE DYBFEST'S SHORT STORY "A LONESOME" IN THE HISTORICAL-CULTURAL CONTEXT	44
<i>Boris Zharov</i> FOREIGN LANGUAGE INSERTIONS IN THE NORWEGIAN TEXTS	53
<i>Boris Zharov</i> S. V. PETROV & DISCUSSION ABOUT SWEDISH ETYMOLOGY OF "АТЪ-ДБА"	59
<i>Elena Zhiltsova</i> COMPLEX SENTENCES WITH CAUSAL SENCE IN SWEDISH	66
<i>Svetlana Kononova</i> THE PROBLEM OF STUDYING THE SEMANTICS OF PHRASAL VERBS: SWEDISH PHRASAL VERBS WITH THE POSTVERBS <i>IN</i> AND <i>UT</i>	76
<i>Elena Krasnova</i> ON CREATION AND INTERPRETATION OF DANISH COMPOUNDS FOR THE PURPOSES OF TEACHING DANISH	84
<i>Elvira Krylova</i> DANISH PARTICLES AS MARKERS OF SPEAKER'S COMMUNICATIVE STRATEGIES	94

<i>Petra Couvée</i>	
FROM THE EAST INDIAN ARCHIPELAGO TO THE GULAG: MULTATULI'S FAME IN RUSSIA	104
<i>Yulia Kushnarenko</i>	
STRATEGIES OF TRANSLATING EESC DOCUMENTS FROM ENGLISH INTO SWEDISH	116
<i>Ekaterina Lavrinaitis</i>	
SOME NON-TRIVIAL SEMANTIC ATTRIBUTES OF THE NORWEGIAN MOTION VERBS	127
<i>Alexandra Livanova</i>	
IS NORWEGIAN UNDER THREAT?	138
<i>Polina Lisovskaya</i>	
THE ASSASSINATION OF OLOF PALME AS A MOTIVE IN NEWEST SWEDISH NOVEL	150
<i>Anastasia Lomagina</i>	
THE DIALOG WITH THE PRESENT IN THE DANISH HISTORICAL NOVEL AT THE END OF XX th CENTURY. HENRIK STANGERUP. BROTHER JACOB	159
<i>Irina Matytsina</i>	
THE MAIN FUNCTIONS AND THE METHODS OF TRANSLATION OF PARTICIPLE I AND II IN THE OFFICIAL BUSINESS STYLE TEXTS (on the material of the Swedish and Russian languages)	169
<i>Martin Paludan-Müller</i>	
DANSKE FALDGRUBER	178
<i>Anna Savitskaja</i>	
NEW SWEDISH PRONOUN: HISTORY AND PROSPECTS	188
<i>Varvara Sapronova</i>	
FUNCTIONING OF THE SWEDISH INDEFINITE PRONOUN NÅGON IN LEXICALIZED WORD-COMBINATIONS	200
<i>Natalia Safonova</i>	
PREHISTORY OF NORWEGIAN DIALECTOLOGY	209
<i>Evgeniia Sinitsyna</i>	
PROVERBS OF NORTH JUTLAND AND THE ISSUE OF THEIR CLASSIFICATION AND STUDY	217

<i>Polina Tsikoreva</i>	
THE SEMANTICS OF SIZE IN NORWEGIAN	227
<i>Elena Chekalina</i>	
THE SWEDISH ASPECTUAL PERIPHRASTIC CONSTRUCTION HÅLLA PÅ + INFINITIVE	238
<i>Andrey Yuriev</i>	
ON THE PRINCIPLES OF PLOT-CONSTRUCTING AND IMAGERY SYMBOLIC SYSTEM IN HENRIK IBSEN'S DRAMA (Statement of the Problem)	250
<i>Dzhavid Yusubov</i>	
ABOUT THE APPROACHES TO THE STUDY OF SEMANTICS OF SPATIAL PREPOSITIONS	260
<i>Alexandra Yakovleva</i>	
THE SPOKEN NORM IN MODERN DUTCH	273

Научное издание

SCANDINAVICA

Издается с 1961 года

Выпуск XIII

**СКАНДИНАВСКАЯ
ФИЛОЛОГИЯ**

Под ред. Е. В. Красновой, И. М. Михайловой

Корректор *Н. М. Казимирчик*

Технический редактор *А. Г. Хуторовская*

Подписано в печать 07.09.2015. Формат 60 × 84¹/₁₆.

Усл. печ. л. 16,74. Тираж 150 экз. Заказ №

Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9